

ISSN 1563-0285
Индекс 75873; 25873

ӘЛ-ФАРАБИ атындағы ҚАЗАҚ ҰЛТТЫҚ УНИВЕРСИТЕТІ

ХАБАРШЫ

Халықаралық қатынастар және халықаралық құқық сериясы

КАЗАХСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени АЛЬ-ФАРАБИ

ВЕСТНИК

Серия международные отношения и международное право

AL-FARABI KAZAKH NATIONAL UNIVERSITY

INTERNATIONAL RELATIONS AND INTERNATIONAL LAW JOURNAL

№3 (79)

Алматы
«Қазақ университеті»
2017

ХАБАРШЫ

ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚАТЫНАСТАР ЖӘНЕ
ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚҰҚЫҚ СЕРИЯСЫ №3 (79)

ISSN 1563-0285
Индекс 75873; 25873

25.11.1999 ж. Қазақстан Республикасының Мәдениет, ақпарат және қоғамдық келісім министрлігінде тіркелген

Қуәлік №956-Ж.

Журнал жылына 4 рет жарыққа шығады

Журнал саяси, философиялық ғылымдар және мәдениеттану бойынша диссертациялардың негізгі қорытындыларын жариялау үшін Қазақстан Жоғары Аттестациялық Комитетімен ұсынылған // Докторлық диссертациялардың негізгі қорытындыларын жариялау үшін Қазақстан Жоғары Аттестациялық Комитетімен ұсынылған ғылыми басылымдардың тізімі кіреді // ЖАК бюллетені, №3 1998; Нормативтік және методикалық материалдарын жариялайтын ғылыми басылымдар тізімі Қазақстан ЖАК төрағасының бұйрығы 26. 06. 2003, №433-3 // Нормативтік және методикалық материалдар жинағы №6 ЖАК

ЖАУАПТЫ ХАТШЫЛАР:

Балаубаева Б.М., т.ғ.к., доцент
(Қазақстан)
Телефон: +7 701 183 9459
E-mail: binur77@mail.ru

Татаринов Д.В., з.ғ.к.
(Қазақстан)
Телефон: +7 701 417 7761
E-mail: danila_tatarinov@mail.ru

РЕДАКЦИЯ АЛҚАСЫ:

Шакиров К.Н., з.ғ.д., профессор – ғылыми редактор
(Қазақстан)
Губайдуллина М.Ш., т.ғ.д., профессор – ғылыми редактордың орынбасары (Қазақстан)
Айдарбаев С.Ж., з.ғ.д., профессор (Қазақстан)
Алессандро Грасси Буцци, профессор Ла Сапиенза университеті (Италия)
Ауған М.Ә., т.ғ.д., профессор (Қазақстан)
Байзақова Қ.Е., т.ғ.д., профессор (Қазақстан)
Барбара Януш-Павлетта, т.ғ.д., PhD, ассистент-профессор (Германия)
Беата Эшмент, саяс.ғ.д., ассистент-профессор, Бремен университеті, Берлиндегі «Орталық Азиялық зерттеулер» атты неміс журналының бас редакторы (Германия)

Варико К., профессор, Дж.Неру университеті (Үндістан)
Грегори Глиссен, саяс.ғ.д., профессор Нью-Мехико университеті (АҚШ)
Елемесов Р.Е., э.ғ.д., профессор (Қазақстан)
Қукеева Ф.Т., т.ғ.д., профессор (Қазақстан)
Макашева К.Н., т.ғ.д., профессор (Қазақстан)
Сайрамбаева Ж.Т., з.ғ.к., доцент (Қазақстан)
Мусабекова У.Е., ф.ғ.д., профессор (Қазақстан)
Николас де Педро Домингуэз, профессор ассистенті Барселона институты (Испания)
Бекмухамбетова А.Б., э.ғ.к., доцент (Қазақстан)
Сәлімгерей А.А., з.ғ.к., доцент, Мемлекет және құқық институты (Қазақстан)
Шабаль П. PhD, профессор (Франция)

КАЗАҚ
УНИВЕРСИТЕТІ
БАСПА ҮЙІ

Ғылыми басылымдар бөлімінің басшысы

Гульмира Шаккозова
Телефон: +77017242911
E-mail: Gulmira.Shakkozova@kaznu.kz

Редакторлары:

Гульмира Бекбердиева, Агила Хасанқызы

Компьютерде беттеген

Айгүл Алдашева

Жазылу мен таратуды үйлестіруші

Мәлдір Өміртайқызы
Телефон: +7(727)377-34-11
E-mail: Moldir.Omirtaikyzy@kaznu.kz

ИБ №11454

Басуға 06.10.2017 жылы қол қойылды.
Пішімі 60x84 1/8. Көлемі 9,6 б.т. Офсетті қағаз.
Сандық басылыс. Тапсырыс №5853. Таралымы 500 дана.
Бағасы келісімді.
Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің
«Қазақ университеті» баспа үйі.
050040, Алматы қаласы, әл-Фараби даңғылы, 71.
«Қазақ университеті» баспа үйінің баспаханасында басылды.

© Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ, 2017

1-бөлім
**ҚАЗІРГІ КЕЗДЕГІ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ
ҚАТЫНАСТАР ЖӘНЕ
СЫРТҚЫ САЯСАТ МӘСЕЛЕЛЕРІ**

Раздел 1
**СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ И
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

Section 1
**CONTEMPORARY PROBLEMS OF
FOREIGN POLICY AND
INTERNATIONAL RELATIONS**

Мовкебаева Галия¹, Айдарханова Эльмира², Сунгатова Айдана³

¹доктор исторических наук, профессор, e-mail: gmovkebaewa@mail.ru, тел.: +7 777 223 7300

²докторант 3 курса, e-mail: elvira_aidarkhanova@yahoo.com, тел.: +7 702 000 9025

³магистрант 2 курса, e-mail: sungatova_aidana@mail.ru, тел.: +7 778 152 6748

кафедра международных отношений и мировой экономики,
факультет международных отношений, Казахский национальный университет
им. аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы

**ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ФАКТОР В СОТРУДНИЧЕСТВЕ СТРАН ЕАЭС:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Актуальность исследования обусловлена ролью энергетического фактора в современных международных экономических отношениях. Энергетика на современном этапе превращается в одну из важнейших мировых проблем. Все больше усиливается значение энергетического фактора как во взаимосвязях отдельных стран и регионов, так и в международном масштабе.

В статье рассмотрена роль энергетического фактора в обеспечении стабильности в рамках Евразийского экономического союза; определено значение формирования энергетической политики для Евразийского Экономического Союза; названы основные принципы при формировании общих рынков нефти, газа и нефтепродуктов; обозначены основные проблемы, требующие решения при формировании энергетической интеграции ЕАЭС: даны некоторые рекомендации по формированию энергетической политики в ЕАЭС. Для достижения цели и решения поставленных задач был проведен комплексный анализ, основанный на сочетании системного подхода, эмпирических исследований, институционального и структурно-функционального анализа, уровнево-секторального анализа, SWOT-анализа, а также сравнительно-исторического метода.

В статье сделан вывод о том, что развитие сотрудничества в энергетической сфере обусловлено необходимостью углубления интеграции энергетических рынков путем преодоления неравномерности распределения энергетических ресурсов, налаживания взаимовыгодного энергетического диалога и оптимизации формирующейся инфраструктуры и инвестирования в эту отрасль.

Ключевые слова: энергетический фактор, энергетическое сотрудничество, энергетическая безопасность, Евразийский экономический союз, ЕАЭС, энергетическая интеграция, энергоресурсы.

Movkebayeva Galiya¹, Aidarkhanova Elvira², Sungatova Aidana³

¹Doctor of History, Professor, e-mail: gmovkebaewa@mail.ru, tel.: +7 777 223 7300

²3rd year PhD Candidate, e-mail: elvira_aidarkhanova@yahoo.com, tel.: +7 702 000 9025

³Master of 2 course, e-mail: sungatova_aidana@mail.ru, tel.: +7 778 152 6748

Chair of «International Relations and World Economy», Department of «International Relations»,
Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty

Energy factor in the cooperation of the eaeu: problems and perspectives

The relevance of the research is determined by the role of energy factor in the modern international economic relations. At the current stage energy turns into one of the world's essential problems. The role of the energy factor increases not only in relations between individual countries and regions but also on an international level. In the article the role of energy factor in ensuring stability is considered within the confines of the Eurasian Economic Union; the importance of energy policy-making for the Eurasian Economic Union is identified; main principles in the formation of common markets of oil, gas and petroleum products are identified; main problems, that require solving during the formation of the energy

integration of the EAEU are pointed out: some recommendations for the energy policy-making of the EAEU are given. Comprehensive analysis is based on a combination of a systemic approach, empirical research, institutional and structural-functional analysis level-sectoral analysis, SWOT – analysis and the comparative-historical method carried out to achieve goals and objectives.

The article concludes that the development of cooperation in the energy sector is conditioned by the need to deepen the integration of energy markets by the uneven distribution of energy resources, establishing a mutually beneficial energy dialogue and optimizing the emerging infrastructure and investing in this sector.

Key words: Energy factor, energy cooperation, energy security, the Eurasian Economic Union, energy integration, energy resources.

Мовкебаева Галия¹, Айдарханова Эльмира², Сунгатова Айдана³

¹тарих ғылымдарының докторы, профессор, e-mail: gmovkebaewa@mail.ru, тел: +7 777 223 7300

²3 курс докторанты, e-mail: elvira_aidarkhanova@yahoo.com, тел: +7 702 000 9025

³2 курс магистранты, e-mail: sungatova_aidana@mail.ru, тел: +7 778 152 6748

әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, «Халықаралық қатынастар» факультеті, «Халықаралық қатынастар және әлемдік экономика» кафедрасы, Қазақстан, Алматы қ.

Еуразиялық экономикалық одақ мемлекеттері ынтымақтастығындағы энергетикалық фактор: мәселелері мен келешегі

Зерттеудің өзектілігі заманауи халықаралық экономикалық қатынастардағы энергетикалық фактордың рөліне байланысты. Қазіргі кезеңде энергетика әлемдегі ең маңызды проблемалардың бірі болып табылады. Сонымен қатар халықаралық ауқымда елдер мен аймақтар арасында екіжақты қарым-қатынастар ғана емес энергетикалық фактордың рөлі өсуде.

Мақала Еуразиялық экономикалық одақ тұрақтылығын қамтамасыз етудегі энергетикалық фактордың рөлін сипаттайды; Еуразиялық экономикалық одақ үшін энергетикалық саясатты қалыптастырудың маңыздылығы; Мұнай, газ және мұнай өнімдері үшін ортақ нарықты қалыптастырудың негізгі принциптері аталды; Еуразиялық экономикалық одақ энергетикалық интеграцияны қалыптастыру кезіндегі негізгі мәселелерді анықтады; Еуразиялық экономикалық одақ елдері арасындағы энергетикалық саясатты қалыптастыру бойынша кейбір нұсқаулар береді. Қойылған мақсатқа жету үшін жүйелі көзқарас, эмпирикалық зерттеулер, институционалдық және құрылымдық-функционалдық талдау, деңгейі-салалық талдау, SWOT комбинациясы негізінде кешенді талдау жүргізілді.

Мақалада келесі түйін жасалды, тиімді энергетикалық диалог орнатуға және энергетикалық сектордағы дамушы инфрақұрылымдық және инвестициялық оңтайландыру, энергия ресурстарын біркелкі бөлу арқылы энергетикалық нарықтардың үлкен интеграция қажеттігіне энергетика саласындағы ынтымақтастықты дамыту.

Түйін сөздер: энергетикалық фактор, энергетикалық ынтымақтастық, энергетикалық қауіпсіздік, Еуразиялық экономикалық одақ, энергетикалық интеграция, энергиялық ресурстар.

Введение

Актуальность исследования обусловлена ролью энергетического фактора в современных международных экономических отношениях. На современном этапе энергетика превращается в одну из важнейших мировых проблем. Все более возрастает роль энергетического фактора не только в связях между отдельными странами и регионами, но и в международном масштабе. Высокие темпы сокращения потенциала возобновляемых ресурсов все более актуализируют решение проблем надежности поставок энергоносителей, обеспечения энергетической безопасности, использования новых источников энергии, преодоления расточительного обращения с энергоресурсами, уменьшения экологических рисков.

В начале XXI века развитие мировой энергетики испытывает влияние двух процессов: с одной стороны, растет конкуренция на мировых энергетических рынках между энергетическими компаниями, поддерживаемыми правительствами их стран, а также ассоциациями этих стран. С другой стороны, значительно усиливается межгосударственное взаимодействие и регулирование в мировой энергетике, что способствует развитию центров глобальной и региональной энергетической политики.

Одна из причин такого взаимодействия связана со стремлением ведущих «игроков» на мировом энергетическом поле избежать хаотичной и нецивилизованной конкуренции, а также учесть новые риски и угрозы для энергетической безопасности (МЭП: От конфронтации к взаимодействию, 2013).

Целью статьи является комплексный анализ роли энергетического фактора в обеспечении стабильности в рамках Евразийского экономического союза и определение значения Евразийского Экономического союза в энергетической стратегии каждого члена союза, потенциала и перспектив их сотрудничества в сфере энергетики.

Методы

Для достижения цели и решения поставленных задач был проведен комплексный анализ, основанный на сочетании системного подхода, эмпирических исследований, институционального и структурно-функционального анализа, уровневое-секторального анализа, а также сравнительно-исторического метода. При исследовании поставленных задач предполагалось использование следующих методов исследования:

1. Изучение теоретических положений развития интеграции осуществляется с помощью сравнительного анализа и обобщения. Теоретической основой исследования стали труды отечественных и зарубежных ученых, посвященные различным аспектам проблемы развития интеграции, в частности в области обеспечения энергетической безопасности.

2. Синтез и статистический анализ были применены для количественной оценки современного этапа развития ЕАЭС, выявления современных проблем и определения направлений его развития.

3. Сравнительный метод анализа способствовал выявлению особенностей содержания энергетической политики государств ЕАЭС, направленной на обеспечение как национальной, так и региональной энергетической безопасности.

4. Компаративистский подход позволил проследить особенности взаимоотношений стран Евразийского пространства с государствами-партнерами ЕАЭС.

5. Применение дискурс-анализа позволило установить основные характеристики и особенности энергетической политики стран-участников ЕАЭС, связанных с проблематикой региональной энергетической политики.

6. Системный и SWOT-анализ оказали помощь в определении факторов и предпосылок, влияющих на состояние энергетической безопасности государств ЕАЭС.

7. Исторический метод изучения позволил проанализировать различные направления осуществления политики по формированию энергетической политики стран ЕАЭС.

Результаты

При непрерывной и масштабной интернационализации мирового хозяйства, при его абсолютном росте учет энергетического фактора, имеющего на сегодня естественные ограничения (прежде всего, физическая лимитированность ресурсной базы и пределы приемлемости воздействия на экологию планеты, волатильность цен на энергоресурсы), является неременным условием. В условиях нового мирового энергопорядка для стран-членов Евразийского экономического союза приобретают особую актуальность вопросы энергетической безопасности, позволяющей обеспечить бесперебойное энергоснабжение национальных экономик и стран-партнеров по Союзу.

Безопасность евразийского региона и его энергетической составляющей зависит в большей степени от позиции стран ЕАЭС как крупнейшего интеграционного объединения в регионе. Казахстан стремится к расширению отношений со странами ЕАЭС по освоению энергетических ресурсов, а также доступа к новым месторождениям нефти и газа. В этом контексте сотрудничество со странами ЕАЭС приобретает первостепенное значение и в будущем может вывести Казахстан на новый энергетический уровень.

Для выработки основанной на реальной геополитической ситуации и современной политики энергетического сотрудничества в евразийском регионе необходима разработка комплексной энергетической стратегии. Энергетическое сотрудничество со странами ЕАЭС должно базироваться на принципах кооперации, привилегированного партнерства, равноправия и взаимозависимости в отношениях. Наиболее перспективными форматами энергетического сотрудничества стран представляются варианты, которые предусматривают широкий спектр межгосударственного многостороннего взаимодействия в рамках сложившихся региональных проектов и организаций, таких как Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Экономический пояс шелкового пути (ЭПШП).

Развитие интеграционных процессов в формате ЕАЭС, качественное улучшение условий и параметров регионального энергетического сотрудничества содействует и повышению уровня взаимодействия стран-партнеров в рамках Евразийской интеграции.

Каждая из стран ЕАЭС обладает уникальными конкурентными преимуществами, рации-

ональное использование и развитие которых позволит оптимизировать энергетическую политику на национальном и общесоюзном уровне. Для ЕАЭС сопряжение с другими энергетическими проектами может создавать определенные риски, но с другой стороны формировать условия для нахождения консенсуса, расширять возможности транспортно-логистических проектов и, в итоге, создавать единое энергетическое пространство в евразийском регионе и за его пределами.

Развитие энергетического сотрудничества со странами ЕАЭС позволит решить и ряд других важнейших задач:

- регулировать рынок энергоресурсов;
- обеспечить равноправное участие в инфраструктурном строительстве, защите и эксплуатации транспортных путей, магистральных трубопроводов и работе других стратегических проектов, которые реализуются в странах региона.

Интересен взгляд Станбекова Т.А. на решение вопроса о снижении цен на энергоресурсы. Скорость и высокий уровень снижения мировых цен на нефть позволяют предположить влияние геополитического фактора. Это обстоятельство предопределяет целесообразность объединения производителей углеводородов стран Евразии в энергетический альянс.

Одной из задач энергетического альянса является поддержание максимально высокой цены на экспорт углеводородов путем регулирования предложения в зависимости от уровня спроса. В этом случае рыночная цена на энергоносители является равновесной как для поставщиков, так и для потребителей (Станбеков, 2015: 105).

Евразийскому экономическому пространству необходим единый энергетический рынок, который позволит снизить издержки и сэкономить средства, как государственные, так и частные, сделать более прозрачным процесс формирования внутригосударственных тарифов на электроэнергию, газ и так далее.

Дискуссия

Современное научное сообщество отмечает актуализацию проблемы энергетической безопасности и ресурсного обеспечения, в том числе в отношении государств Евразийского пространства, что затрагивает широкий круг вопросов, связанных с обеспечением энергетической безопасности. Однако, следует отметить, что несмотря на наличие значительного числа работ по отдельным аспектам заявленной проблемы, все же не-

достаточно обобщающих научных исследований, освещающих в рамках энергетической науки взаимосвязь ресурсного обеспечения и безопасности в ракурсе интегрирования региональных государств на фоне современных вызовов.

В современных исследованиях недостаточно полно изучены приоритеты развития интеграционного сотрудничества в энергетической сфере с учетом изменений характера современных региональных и глобальных процессов в рамках формирования Евразийского экономического союза. Официальными концептуальными документами стран-участниц ЕАЭС по вопросам обеспечения энергетической безопасности являются политические концепции и стратегии, нормативно-правовые акты, межгосударственные соглашения и государственные программы государств ЕАЭС в области энергетических ресурсов. В число источников, касающихся внешней политики Казахстана и его партнеров в сфере энергетического сотрудничества, входит «Послание Президента РК «Стратегия «Казахстан-2050»: новый политический курс состоявшегося государства» (Послание Президента Республики Казахстан, 2012). В «Концепции внешней политики РК на 2014-2020 гг.» отражены цели, приоритеты и задачи внешнеполитической деятельности Казахстана, в том числе и в области обеспечения энергетической безопасности (Концепция внешней политики РК на 2014-2020 гг., 2014).

Большой пласт исследования составят стратегические документы по энергетическому развитию стран-участниц ЕАЭС, позволяющие уяснить направления и ориентиры энергетической политики стран союза. Это Энергетическая стратегия России (Энергетическая стратегия России, 2013), стратегия Белоруссии (Стратегия развития энергетического потенциала Беларуси, 2012), стратегия развития энергетики Армении (Стратегия развития энергетики Армении, 2012), Национальная энергетическая программа развития Кыргызстана (Национальная энергетическая программа развития Кыргызстана, 2008).

В современных исследованиях различные аспекты энергетической безопасности и энергетической политики, а также энергетическое сотрудничество рассматриваются преимущественно в контексте более широкой проблематики взаимодействия стран или их глобального соперничества в регионе, а также вопросов энергетической безопасности. Количество работ, посвященных непосредственно анализу энергетического сотрудничества ЕАЭС, весьма ограничено.

Современные российские и казахстанские ученые активно занимаются проблемами развития энергетики, энергетической безопасности. Так, Жизнин С.З. (Жизнин, 2013) детально анализирует аспекты энергетической дипломатии, а в монографии Воронина А.Ю. и Маликовой О.И. (Воронин, Маликова, 2010) рассматриваются особенности влияния процессов глобализации энергетических рынков и расширения экспорта энергоносителей на экономическую ситуацию в Российской Федерации. Особое внимание в работе уделено мировому финансово-экономическому кризису и путям выхода российской экономики из него. В статье Мастепанова А.М. (Мастепанов, 2015) анализируется воздействие геополитического фактора и большой политики на энергетическую политику России и ведущих игроков, рассматриваются вопросы их энергетического взаимодействия и сотрудничества. Доказывается тезис о том, что в новых геополитических условиях взаимовыгодное энергетическое сотрудничество остается основополагающим путем решения энергетических проблем и обеспечения энергетической безопасности. В монографии Мовкебаевой Г.А. (Мовкебаева, 2014) освещаются основные тенденции в развитии мировой энергетики, факторы, актуализировавшие проблематику международной энергетической безопасности, рассматривается проблема обеспечения баланса интересов между основными субъектами мировой энергетической политики. В статье авторов Ондаш А., Губайдуллиной М.Ш., Мовкебаевой Г.А. и др. (Ондаш, 2014) анализируется концепция ресурсного проклятия и проблемы индустриального, энергетического и инновационного развития Казахстана. Авторы Байзакова К.И., Болатхан М. и Байкушикова Г. (Байзакова, 2016) рассматривают геополитическое измерение энергетической безопасности Казахстана, где в интересах своей многовекторной энергетической политики Казахстан развивает сотрудничество с Россией, Китаем, США, ЕС и соседями по Центральной Азии, рассматриваются энергетические стратегии России, Казахстана, Китая и развитие сотрудничества в энергетической сфере стран евразийского региона. Российский исследователь Кокошин А.А. оценивает роль и место России в обеспечении международной энергетической безопасности в контексте баланса интересов основных акторов мировой энергетики (Кокошин, 2012).

Зарубежная историография уделяет большое внимание проблемам развития евразийских государств, в частности, энергетическому со-

трудничеству в регионе. Наряду с этим, данные исследования проводятся преимущественно на основе господствующих в западных странах политических и идеологических установок. При этом другие точки зрения и взгляды на евразийские проблемы, как правило, игнорируются или отбрасываются. Так, из зарубежных исследователей можно выделить работы следующих исследователей: Стрэндж С. (Стрэндж, 2003) относит энергетику к «вторичным структурам силы», и, по ее мнению, анализ энергетической политики требует разработки нового подхода, в котором учитывается взаимозависимость политических факторов и энергетических рынков. Фабио Г. (Фабио, 2014) задается вопросом о том, может ли энергетическая политика Европы служить примером для Евразийского экономического Союза. Даниэль Ергин – один из наиболее авторитетных экспертов в области энергетической проблематики, он полагает, что современные отношения между странами-экспортерами и странами-импортерами в большей степени основываются на взаимозависимости и сотрудничестве [Ергин, 2005: 51–64].

Геоэнергетические проблемы, а также проблемы энергетической политики и дипломатии, а также вопросы энергетической безопасности рассматриваются в работе российского автора Багирова А.Т. (Багиров, 2008). Боровский Ю. в своей монографии обозначает новые тренды глобальной энергетики, где отмечает, что в распоряжении ведущих государств имеются эффективные инструменты военной и мягкой (например, стратегические нефтяные резервы, «особые отношения» с экспортерами) силы, которых нет у других участников международных отношений (Боровский, 2014: 95). В работе Данилова И.А. особый интерес вызывает анализ динамики производства энергоносителей в странах ЕвразЭС, где он приходит к выводу о том, что в структуре производства первичных энергоносителей в ЕвразЭС почти 84 процента составляли природные энергоносители. (Данилов, 2012). Анализу развития взаимодействия в рамках региональных организаций, государств евразийского региона и параллельных интеграционных процессов посвящена статья Лаумулина М. (Лаумулин М., 2016).

Современные западные исследования проблемы энергетической безопасности представлены в основном в трех школах: неореалистов, неолибералов и конструктивистов. Неореалисты утверждают, что определяющие отношения в области энергетической безопасности по-

прежнему являются взаимосвязями государств, преследующих весьма часто противоречащие друг другу интересы. Американские исследователи Д. Моран и Дж. Рассел прогнозируют в своей монографии военные риски возможного противостояния в начале XXI века из-за энергетических ресурсов. Один из основных выводов, к которому приходят авторы монографии, – глобальный рынок энергетического сырья, хотя и саморегулируется, однако не может противостоять силовому нажиму государств, которые ведут борьбу за энергоресурсы (Moran, Russell 2009: 1–19). Неолибералы настаивают на ключевой роли международного сотрудничества и институтов и считают, что мирное взаимодействие всех участников должно обеспечить глобальные энергетические рынки. Представители неолиберального направления Голдтау и Витте отводят важную роль международным институтам, при этом отдавая приоритет рыночным силам, определяющим сегодня спрос и предложение на энергоресурсы и оказывающим влияние на развитие мировой энергетики (Goldthau, Witte 2009: 3–9). Основное различие между конструктивизмом, неореализмом и неолиберализмом – это идея социальной обусловленности политических процессов. В рамках конструктивизма проблема безопасности, в частности, была осмыслена в рамках концепции «секьюритизации» (Б. Бузан и О. Веве), согласно которому анализ проблем энергетической безопасности проводится с основой на изучении идей, ведущих к формированию конкретной политики, и их взаимосвязей (Buzan, Wæver 2003: 6–14).

В статье было использовано сочетание различных теоретических конструкций для комплексного анализа национальных и глобальных аспектов энергетической безопасности.

Все более растущая зависимость мирового сообщества от энергоресурсов обуславливает усиление влияния энергетического фактора на международные отношения, геополитику и на мировую экономику. В этих условиях задачами формирующейся системы энергетической безопасности должны стать:

- гармонизация подходов ведущих стран к энергетической безопасности,
- обеспечение не дискриминационного доступа к энергетическим ресурсам всех стран-потребителей.

Очевидно, что это задачи глобального масштаба, которые не могут быть решены ни одной отдельно взятой страной, ни группой стран. Это международная задача, стоящая перед всем мировым сообществом, и она должна решаться с

помощью соответствующих международных механизмов.

На каких же реальных принципах может основываться политика энергетической безопасности?

Во-первых, принцип взаимной ответственности производителей и потребителей.

Во-вторых, принцип диверсификации поставок.

В-третьих, принцип деполитизации энергетической безопасности.

В-четвертых, принцип глобального социального измерения энергетической безопасности.

Необходим переход к новой модели отношений, базирующейся на учете и координации энергетических стратегий разных стран, международных и региональных организаций и коллективном обеспечении энергетической безопасности. В будущем понадобится усовершенствованная система правил и норм международного права в энергетической сфере, определяющая границы действий как поставщиков, транзитеров, так и потребителей энергоресурсов.

Таким образом, развитие сотрудничества в энергетической сфере обусловлено необходимостью углубления интеграции энергетических рынков путем преодоления неравномерности распределения энергетических ресурсов, налаживания взаимовыгодного энергетического диалога и оптимизации формирующейся инфраструктуры и инвестирования в эту отрасль.

В настоящий момент уже определены этапы формирования общего электроэнергетического рынка государств-участников ЕАЭС, одобрена Рамочная программа по сотрудничеству в области мирного использования атомной энергии, в качестве инструмента согласования энергетической политики разработан прогноз производства и потребления энергоресурсов на период до 2020 года, реализуется проект создания Межгосударственного центра ЕАЭС по разработке энергосберегающих технологий (Шафиев, 2015).

Основными принципами при формировании общих рынков нефти, газа и нефтепродуктов являются следующие принципы: рыночное ценообразование; развитие конкуренции; отсутствие технических, административных и прочих препятствий в торговле энергоресурсами, соответствующим оборудованием, технологиями и связанными с ними услугами; развитие транспортной инфраструктуры общих рынков энергоресурсов; недискриминационные условия для хозяйствующих субъектов государств-членов; создание благоприятных условий для привлечения инвестиций в энергетический

комплекс; гармонизация национальных норм и правил функционирования технологической и коммерческой инфраструктуры; обеспечение эффективного функционирования общих рынков энергетических ресурсов; формирование согласованной энергетической политики; дальнейшее сближение, гармонизация национальных законодательств; углубление сотрудничества в целях обеспечения энергетической безопасности; содействие созданию евразийских сетей в сфере энергетики; удовлетворение потребностей экономик и населения в энергоносителях за счет эффективного их использования при снижении нагрузки на окружающую среду.

Функционирование общего энергетического рынка Евразийского союза должно базироваться на пяти основных принципах:

1. Единая институциональная среда как совокупность общих правил функционирования рынка на основе принципа равных условий и отсутствие дискриминации участников, наличие единой системы рыночных институтов, налоговой и таможенной политики, унифицированной законодательной базы и общих юридических правил для производства, обмена и распределения.

2. Энергетическая инфраструктура как система взаимосвязанных инфраструктурных мощностей с целью рационального использования ресурсов, равного доступа и использования.

3. Внешняя политика как совокупность совместных проектов в области внешнеторговой деятельности, согласование общей внешней политики, включение в международный процесс научного обмена и сотрудничества в области энергетики.

4. Наука и инновации как совокупность совместных научных фундаментальных и прикладных исследований в области энергетики, подготовки кадров, разработки перспективах направлений в области возобновляемых источников энергии.

5. Устойчивое развитие как совокупность совместных действий по рациональному использованию природных ресурсов, охране окружающей среды, ликвидации последствий экологических загрязнений в сфере энергетики, по формированию и пропаганде экологической культуры в обществе (Болкунец, 2014: 91).

Заключение

Главными целями ЕАЭС в сфере обеспечения энергетической безопасности должны стать создание единого энергетического пространства

Союза и проведение скоординированной энергетической политики. Энергетическая интеграция должна стать локомотивом экономического развития ЕАЭС, и необходимо произвести синергетический эффект сначала на смежные, а затем и на все остальные отрасли экономики стран-участников. Обеспечение устойчивого развития энергобезопасности на евразийском пространстве требует, с одной стороны, повышения уровня интеграционного сотрудничества и координации усилий в решении возникающих проблем, а с другой – учета интересов государств-членов Евразийского экономического союза в обеспечении энергетической безопасности.

Новым является и необходимость определения миссии, которую евразийское энергетическое пространство будет играть и во внешнем мире. Возможно это станет определяющим фактором, будирующим интерес стран-участников интеграционных процессов на евразийском пространстве друг к другу.

При этом обеспечение стабильного и безопасного развития энергетики на евразийском пространстве требует, с одной стороны, повышения степени интеграционного сотрудничества и всеобщей координации усилий на решении возникающих проблем, а с другой – максимально возможного учета интересов каждого государства-члена Союза.

Факторами, замедляющими создание общего энергетического рынка на евразийском пространстве, следует назвать:

- разницу в подходах и методах регулирования субъектной деятельности естественных монополий в ЕАЭС;

- отсутствие правил доступа к услугам естественных монополий в ЕАЭС в сфере электроэнергетики и к транзитным системам;

- наличие ограничений, установленных двусторонними соглашениями по поставкам нефти и газа между государствами-членами ЕАЭС;

- отсутствие системности в формировании тарифов.

Следует обозначить основные проблемы, требующие решения для дальнейшего функционирования ЕАЭС: отсутствие унифицированного подхода в области обеспечения энергетической безопасности, несовершенство единой системы энергетического регулирования внешней политики пяти стран, находящейся на начальном этапе ее формирования, и отсутствие прозрачных правил прохождения транспортно-логистических процедур при осуществлении энергетической деятельности.

Вопрос создания общего рынка углеводородов к 2025 г. вызывает наиболее острые разногласия среди стран. Единый рынок нефти и газа позволит странам ЕАЭС отойти от жесткой привязки к мировым ценам на энергоносители и сделать рынок более конкурентоспособным. Он также позволит России и Беларуси избежать «га-

зовых конфликтов», считает российский исследователь Кузьмина Е.М. (Кузьмина, 2017).

Таким образом, решение обозначенных проблем является приоритетным и перспективным направлением дальнейшей работы по развитию Евразийской энергетической интеграции.

Литература

- 1 МЭП: От конфронтации к взаимодействию. «Дипломатия» зарубежных энергетических корпораций // <http://stra.teg.ru/lenta/energy/478>
- 2 Станбеков Т.А. Модель баланса энергетических ресурсов стран Евразии // Вестник финансового университета. – 2015. – № 2. – С. 105.
- 3 Послание Президента Республики Казахстан – Лидера нации Н.А. Назарбаева народу Казахстана. Стратегия «Казахстан-2050» – новый политический курс состоявшегося государства // [http://www.inform.kz/kz/poslanie-prezidenta-rk-narodu-kazahstana-strategiya-kazahstan-2050-novyy-politicheskiy-kurs-sostoyavshegosya-gosudarstva_a2436492](http://www.inform.kz/kz/poslanie-prezidenta-rk-narodu-kazahstana-strategiya-kazahstan-2050-novyy-politicheskiy-kurs-sostoyavshegosya-gosudarstva)
- 4 Концепция внешней политики РК на 2014-2020 гг. Утверждена Указом Президента Республики Казахстан от 21 января 2014 года № 741 // <http://mfa.gov.kz/index.php/ru/vneshnyaya-politika/kontseptsiya-vneshnoy-politiki-rk-na-2014-2020-gg>.
- 5 Энергетическая стратегия России на период до 2030 года от 13 ноября 2013 года // <https://minenergo.gov.ru/node/1026>.
- 6 Стратегия развития энергетического потенциала Беларуси до 2020 года от 22 сентября 2013 года // http://www.government.by/upload/docs/program_ek2016-2020.pdf.
- 7 Стратегия развития энергетики Армении от 1 марта 2012 года // <http://www.energsovet.arm/npb1191.html>.
- 8 Национальная энергетическая программа развития Кыргызстана от 13 февраля 2008 года // <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru>.
- 9 Послание Президента РК народу Казахстана «Казахстан в новой глобальной реальности: рост, реформы и развитие» от 30 ноября 2015 года // <http://www.akorda.kz/ru/addresses/poslanie-prezidenta-respubliki-kazahstan-nazarbaeva-narodu-kazahstana-30-noyabrya-2015-g>.
- 10 Жизнин С.З. Основы энергетической дипломатии : учеб.-метод. пособие / С.З. Жизнин; МГИМО (У) МИД России, Междунар. ин-т энергет. политики и дипломатии, каф. междунар. проблем ТЭК. – М.: МГИМО-Университет, 2013. – 139 с.
- 11 Воронин А.Ю., Маликова О.И. Глобализация энергетических рынков и экономический рост в России. – 2-е изд., доп. – СПб.: «КОСТА», 2010.
- 12 Мастепанов А.М. Энергетическое сотрудничество в новых геополитических условиях: некоторые оценки и перспективы // Энергетическая политика. – 2015. – Вып. 1. – С. 13-23.
- 13 Мовкебаева Г.А. Энергетическая безопасность и проблемы ее обеспечения: монография. – Алматы, 2014. – 209 с.
- 14 Ongdash A.O., Raushan Elemesov, Mara Gubaldullina, KlaraMakasheva, Galiya A. Movkebayeva. Assessment of value of resource curse concept for a practical solution of the problem of industrial and innovative development of Kazakhstan // *Life Science Journal* 2014;11(12). – P. 20-26.
- 15 Baizakova K., Bolatkhan M., Baikushikova G. Energy Measurement of the Safety as a Factor of Sustainable Development in the Republic of Kazakhstan // *International Journal of Environmental and Science Education*. – 2016. – №840. – P. 11569-11583.
- 16 Кокошин А.А. Международная энергетическая безопасность. – М.: Ленанд, 2012. – 48 с.
- 17 Strange S. States and Markets. – 2nd Revised edition, Continuum International Publishing Group Ltd., 2004. – 280 p.
- 18 Fabio Genoese et al. Energy Union: Can Eurasia learn from European Union's joint gas purchasing? // *CEPS Commentary*, – 2014. – P. 1–2.
- 19 Yergin D. The Fundamentals of Energy Security, Testimony. Hearing on «Foreign Policy and National Security Implications of Oil Dependence», Committee on Foreign Affairs US House of Representatives, March 22, 2007.
- 20 Багиров А. Т. Глобальная энергетическая безопасность: вызовы современности и роль России. – М.: Тезис, 2008. – 124 с.
- 21 Боровский Ю. Новые участники и тренды глобальной энергетики // *Международные процессы*. – 2014. – No3. – С. 93-104.
- 22 Данилов И.А. Энергетический комплекс Евразийского экономического сообщества // <http://www.ehorussia.com/new/node/5333>
- 23 Лаумулин М. Все участники ЕАЭС – часть единого целого / *Economist*. – 2016. – №5. // <http://economist.by/ru/news/-murat-laumulin-vse-uchastniki-eaes-chast-edinogo-celogo>.
- 24 Moran D., Russell J. Energy Security and Global Politics: The militarization of resource management. – New York: Routledge, 2009. – 245 p.
- 25 North Goldthau A., Witte J. M. Global Energy Governance: The New Rules of the Game. – Washington: Brookings Institution, 2009. – 361 p.
- 26 Buzan B., Waever O. Regions and Powers: The Structure of International Security. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 594 p.
- 27 Шафиев Р. Пути развития ЕАЭС // http://www.ng.ru/ng_energiya/2015-12-08/11_eaes.html

28 Болкунец Д.В. Институциональная основа энергетического сотрудничества в рамках Единого экономического пространства Беларуси, Казахстана и России // *Инновации и инвестиции*. – 2014. – № 5. – С. 89-93.

29 Кузьмина Е.М. Экономическое развитие стран ЕАЭС и перспективы экономической интеграции до 2025 г. – М., 2017 // <http://russiancouncil.ru/papers/EAEU2025-Policybrief-ru.pdf>

References

1 Bagirov A. (2008) *Globalnaya energeticheskaya bezopasnost vyzovy sovremennosti i rol Rossii* [Global energy security: challenges of the present and the role of Russia]. – М.: Tezis. – 124 s.

2 Baizakova K., Bolatkhan M., Baikushikova G. (2016) Energy Measurement of the Safety as a Factor of Sustainable Development in the Republic of Kazakhstan // *International Journal of Environmental and Science Education*. — №840. – P. 11569-11583.

3 Bolkunets D.V. (2014) *Institutsionalnaya osnova energeticheskogo sotrudnichestva v ramkah Edinogo ekonomicheskogo prostranstva Belarusi, Kazahstana i Rossii* [Institutional basis of energy cooperation within the framework of a Single economic space: Belarus, Kazakhstan and Russia] // *Inovatsii i investitsii*. № 5. – S. 89-93.

4 Borovsky Yu. (2014). *Novye uchastniki i trendy global'noj energetiki* [New Participants and Trends of the Global Energy Markets]. *Mezhdunarodnye Proessy*. Vol. 12, No. 3. P. 93-104.

5 Buzan B., Waever O. (2003) *Regions and Powers: The Structure of International Security*. – Cambridge: Cambridge University Press. – 594 p.

6 Danilov I. A. (2014) *Energeticheskii kompleks Evraziyskogo ekonomicheskogo soobshchestva* [Energy complex of the Eurasian Economic Community] // <http://www.ehorussia.com/new/node/5333>

7 *Energeticheskaya strategiya Rossii na period do 2030 ot 13 noyabrya 2013 goda* (2013) [Energy Strategy of Russia for the period up to 2030 from January 13, 2013] // <https://minenergo.gov.ru/node/1026>.

8 Fabio Genoese et al. (2014) *Energy Union: Can Eurasia learn from European Union's joint gas purchasing* // *CEPS Commentary*. – P. 1–2.

9 Kokoshin A.A. (2012). *Mezhdunarodnaya energeticheskaya bezopasnost* [International energy security]. Moscow: Lenand. 48 p.

10 *Kontsepsiya vneshnej politiki RK na 2014-2020-gg.* (2014) *Utverzhdena Ukazom Prezidenta Respubliki Kazahstan ot 21 yanvarya 2014 goda № 741* [Concept of foreign policy of the Republic of Kazakhstan for 2014-2020 years. Approved by the decree of the President of the Republic of Kazakhstan on January 21, 2014] // <http://mfa.gov.kz/index.php/ru/vneshnyaya-politika/kontsepsiya-vneshnoj-politiki-rk-na-2014-2020-gg>.

11 Kuzmina Ye. M. (2017) *Ekonomicheskoye razvitiye stran EAES i perspektivy ekonomicheskoy integratsii do 2025 g.* [Economic development of countries EAES and prospects for economic integration until 2025] – М. // <http://russiancouncil.ru/papers/EAEU2025-Policybrief-ru.pdf>

12 Laumulin M. (2016) *Vse uchastniki EAES – chast edinogo celogo* [All participants EAES – part of a whole] / *Economist*. – №5 // <http://economist.by/ru/news/-murat-laumulin-vse-uchastniki-eaes-chast-edinogo-celogo>.

13 Mastepanov A.M. (2015) *Energeticheskoye sotrudnichestvo v novyh geopoliticheskikh usloviyakh: nekotoriye otsenki yi perspektivy* [Energy cooperation in new geopolitical conditions: some assessments and prospects] *Energeticheskaya politika*. – Vyp. 1. -13-23 pp.

14 MEP: (2013) *Ot konfrontatsii k vzaymodeistviyu. «Diplomatiya» zarubezhnykh korporatsiy*. [WEP: From confrontation to interaction. «Diplomacy» of foreign corporations] // <http://stra.teg.ru/lenta/energy/478>.

15 Moran D., Russell J. (2009) *Energy Security and Global Politics: The militarization of resource management*. – New York: Routledge. – 245 p.

16 Movkebayeva G.A. (2014) *Energeticheskaya bezopasnost i problemi energoobespecheniya* [Energy security and energy supply problems] – *Monografiya*. – Almaty. – 209 s.

17 *Natsionalnaya energeticheskaya programma razvitiya Kyrgyzstana ot 13 fevralya 2008 goda* (2008) [National energy development program of Kyrgyzstan from February 13, 2008] // <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru>.

18 North Goldthau A., Witte J. M. (2009) *Global Energy Governance: The New Rules of the Game*. –Washington: Brookings Institution. – 361 p.

19 Ongdash A.O., Raushan Elemesov, Mara Gubaldullina, Klara Makasheva, Galiya A. Movkebayeva (2014) *Assessment of value of resource curse concept for a practical solution of the problem of industrial and innovative development of Kazakhstan* // *Life Science Journal*. -11(12). – P. 20-26.

20 *Poslanie prezidenta Respubliki Kazahstan – lidera natsii k narodu Kazahstana. Strategiya «Kazahstan-2050» – novyy politicheskii kurs sostoyavshegosya gosudarstva* [The Message of the President of the Republic of Kazakhstan – leader of the nation to people of Kazakhstan. Strategy «Kazahstan-2050» – a new political course of the state(2012)] // http://www.inform.kz/kz/poslanie-prezidenta-rk-narodu-kazahstana-strategiya-kazahstan-2050-novyy-politicheskii-kurs-sostoyavshegosya-gosudarstva_2436492.

21 *Poslaniye Prezidenta RK narodu Kazahstana «Kazahstan v novoy globalnoy realnosti: rost, reformy i razvitiye» ot 30 noyabrya 2015 goda* (2015) [The Message of the President of the RK to the people of Kazakhstan «Kazahstan in the new global reality: growth, reforms, and development» from November 30, 2015] // <http://www.akorda.kz/ru/addresses/poslanie-prezidenta-respubliki-kazahstan-nnazarbaeva-narodu-kazahstana-30-noyabrya-2015-g>

22 Schafiev R. (2015) *Puti rasvitiya EAES* [Ways of development EAES] // http://www.ng.ru/ng_energiya/12-08/11_eaes.html

23 Stanbekov T. A. (2015) Model balansa energeticheskikh resursov stran Evrasii [Model balance of energy resources of the countries of Eurasia] // Vestnik finansovogo universiteta. – № 2. – S. 105.

24 Strategiya razvitiya energeticheskogo potentsiala Belarusi do 2020 goda ot 22 sentyabrya 2013 goda (2013) [Strategy of development of energy potential of Belarus until 2020 from September 22, 2013] // http://www.government.by/upload/docs/program_ek2016-2020.pdf.

25 Strategiya razvitiya energetiki Armeniyi ot 1 marta 2008 goda (2008) [Strategy of development of energy of Armenia until March 1, 2008] // <http://www.energosovet.arm/npb1191.html>.

26 Strange S. States and Markets. 2nd Revised edition, Continuum International Publishing Group Ltd., 2004. 280 p.

27 Voronin A. Yu., Malikova O. I. (2010) Globalizatsiya energeticheskikh rynkov yi ekonomicheskiy rost v Rossii [Globalization of energy markets and economic growth in Russia]. 2-ye izd., dop. – SPB.: «KOSTA».

28 Yergin D. (2007) The Fundamentals of Energy Security, Testimony. Hearing on «Foreign Policy and National Security Implications of Oil Dependence», Committee on Foreign Affairs US House of Representatives, March 22.

29 Zhiznin S.Z. (2013). Osnovy energeticheskoy diplomatii [Energy diplomacy issues]. Moscow: MGIMO University. – 139 p.

Губайдуллина Мара

доктор исторических наук, профессор, факультет международных отношений
Казахского национального университета имени аль-Фараби,
Казахстан, г. Алматы, e-mail: gubaidullinamara1@gmail.com, тел.: +7 777 270 2936

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ДИПЛОМАТИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ ТРАНСПАРЕНТНОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА

В конце XX – начале XXI веков мировое сообщество столкнулось с феноменальным явлением глобального характера – интенсивной компьютеризацией и информатизацией, которое получило силу прямого воздействия на мировой политический процесс, на торговлю и экономику, на внутреннюю и внешнюю политику и многие другие сферы. Интернет стал главным инструментом информационного пространства, он очень быстро стёр понятия «время» и «границы». В этой связи «время» и «пространство» сегодня нуждаются в новой трактовке. С уверенностью можно говорить о сформированном глобальном информационном пространстве, ставшем реальностью, не имеющем границ, оно прозрачно, демократично, но одновременно небезопасно для ведения международной политики. Внешняя политика любого государства использует сегодня в своих интересах наиболее позитивное информационное сопровождение. Вместе с тем, дипломатия сталкивается с новым вызовом в форме недружественной либо конкурентной информации, которая направлена на ослабление позиции той или иной страны. Требуется умение противопоставления собственной, более убедительной позиции. Сегодня мировая и внешняя политика формируют новые информационные поля, которые могли бы противостоять угрозам, имели бы более убедительные позиции, охватывали бы более широкие слои потребителей этой информации. В условиях транспарентного информационного пространства, где действует масса информационных акторов, возможна любая провокация с целью возможной угрозы дестабилизации государственности стран ЦА. Угроза проникновения исламского радикализма остается актуальной для региона в целом. Перманентным источником расползания религиозного экстремизма в Центральной Азии является Афганистан, где базируются основные террористические группировки, имеющие интересы в регионе такие, например, как Исламское движение Узбекистана. Негативной тенденцией в данном контексте является информация, которая оправдывает идеологию радикализма и террора со стороны Исламского Государства, распространение его идей в странах ЦА.

Ключевые слова: внешняя политика, глобальное информационное пространство, информационная безопасность, кибербезопасность, транспарентность.

Gubaidullina Mara

Doctor of History, Professor of Department of «International Relations»
of Al-Farabi Kazakh National University,
Kazakhstan, Almaty, e-mail: gubaidullinamara1@gmail.com, tel.: +7 777 270 2936

Foreign activities and diplomacy in the modern conditions of transparency information space

At the end of XX – beginning of XXI century world community faced with a phenomenal global nature of the phenomenon – the intensive computerization and informatization, which has received by virtue of direct impact on the global political process on trade and economy, on domestic and foreign policy, and many other areas. The Internet has become the main tool of the information space; he quickly erased the concept of «time» and «boundary». In this context, «time» and «space» today need new

treatment. It is safe to say, a global information space, which has become a reality that has no borders, it is transparent, democratic, but at the same time is not safe for the conduct of international policy. The foreign policy of any state uses today the most positive information support in its interests. At the same time, diplomacy faces a new challenge in the form of unfriendly or competitive information, which is aimed at weakening the position of a particular country. Today's world and foreign policy form new information fields that could withstand threats, would have more convincing positions, and would encompass wider segments of consumers of this information. In the conditions of a transparent information space, where a mass of information actors operate, any provocation is possible with a view to a possible threat of destabilization of the statehood of the countries of Central Asia. The threat of penetration of Islamic radicalism remains relevant for the region as a whole. The permanent source of the spread of religious extremism in Central Asia is Afghanistan, where the main terrorist groups with interests in the region such as the Islamic Movement of Uzbekistan are based. A negative trend in this context is information that justifies the ideology of radicalism and terror on the part of the Islamic State, the dissemination of its ideas in the countries of Central Asia.

Key words: foreign policy, global information space, information security, cybersecurity, transparency.

Губайдуллина Мара

тарих ғылымдарының докторы, әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті,
халықаралық қатынастар және әлемдік экономика кафедрасының профессоры,
Қазақстан, Алматы қ., e-mail: gubaidullinamara1@gmail.com, тел.: +7 777 270 2936

Ақпараттық кеңістіктің транспаренттілік жағдайындағы сыртқы саяси қызмет пен дипломатия

XX ғасырдың соңы – XXI ғасырдың басында әлемдік қауымдастық жаһандық сипаттағы, әлемдік саяси үрдіске, сауда мен экономикаға, ішкі және сыртқы саясатқа, басқа да салаларға тура әсер етуші күшке ие ерекше құбылыс – қарқынды компьютеризациялау мен ақпараттандыруға тап болды. Ғаламтор ақпараттық кеңістіктің басты құралына айналып, «уақыт» және «шекара» ұғымдарын тез жойды. Осыған байланысты қазіргі таңда «уақыт» және «кеңістік» ұғымдары жаңа түсіндірмені қажет етеді. Шындыққа айналған, шекаралары жоқ, мөлдір, демократиялық, алайда халықаралық саясатты жүргізуге қауіпті, қалыптасқан жаһандық ақпараттық кеңістік туралы сенімділікпен айтуға болады. Қазіргі таңда кез келген мемлекеттің сыртқы саясаты өз мүдделері үшін ең жағымды ақпаратпен сүйемелдейді. Сонымен қатар, дипломатия белгілі бір мемлекеттің позициясын әлсіретуге бағытталған бәсекелес немесе дұшпан ақпарат түріндегі жаңа қатерге тап болды. Өзіндік, сендірерлік позицияларды қарсы қоя білу керек. Қазіргі таңда әлемдік және сыртқы саясат қауіп-қатерлерге қарсы тұра алатын, сендірерлік позицияларға ие, ақпаратты пайдаланушылардың кең ауқымын қамтитын жаңа ақпараттық алаң құруда. Көптеген ақпараттық акторлар қызмет ететін транспарентті ақпараттық кеңістік жағдайында ОА мемлекеттерінің мемлекеттілігін тұрақсыздандыру мақсатында кез келген арандату болуы мүмкін. Ислам радикализмінің ену қаупі жалпы аймақ үшін өзекті. Ауғанстан діни экстремизм таралуының тұрақты қайнар көзі болып табылады. Онда Өзбекстанның ислам қозғалысы сияқты аймақта өзіндік мүдделері бар лаңкестік топтар орналасқан. Бұл контексте Ислам Мемлекеті тарапынан радикализм мен террор идеологиясын ақтайтын, оның идеяларының ОА елдерінде таралуы жағымсыз болып табылады.

Түйін сөздер: сыртқы саясат, жаһандық ақпараттық қоғам, ақпараттық қауіпсіздік, киберқауіпсіздік, транспаренттілік.

Введение

О соотношении понятий «информационное пространство» и «информационная безопасность»

Мировое информационное пространство является ключевым фактором мирового политического процесса, внешней политики и даже дипломатии, в него так или иначе вовлечены сегодня все структуры государства и общества. Само понятие «информационное пространство»

объединяет термины «пространство» и «информация», оно вышло за рамки технической терминологии. В социальных науках получило широкое распространение понятие «глобальное информационное пространство» и, более того, оно рассматривается и изучается как новое явление, для которого необходимы правовые рамки и политико-правовое толкование сопутствующих ему негативных явлений, что несут реальные угрозы безопасности (индивидуальной, национальной, международной).

Для урегулирования взаимоотношений между странами в условиях информационной глобализации лидеры «группы восьми» (G8) приняли в июле 2000 г. «Окинавскую Хартию глобального информационного общества». Тем самым был признан факт создания единого глобального информационного пространства с использованием возможностей информационно-технологической инфраструктуры. Отмечалось, что «информационно-коммуникационные технологии являются одним из наиболее важных факторов, влияющих на формирование общества XXI века. Их революционное воздействие касается образа жизни людей, их образования и работы, а также взаимодействия правительства и гражданского общества ...» (Окинавская Хартия глобального информационного общества).

Организация Объединенных Наций, в рамках которой формируются базовые принципы, цели и правовая основа международного сотрудничества, сегодня с оптимизмом и одновременно с тревогой определяет политический облик глобального информационного общества. Остро ставится вопрос о безопасности, включая информационную безопасность. В 2001 году именно ООН организовала Всемирную встречу на высшем уровне по вопросам принципов информационного общества, одоблив резолюцию ГА ООН № 56/183 от 21 декабря 2001 г. (Декларация принципов ВВУИО ГА ООН).

В 2004 г. была создана международная группа правительственных экспертов для изучения проблемы международной информационной безопасности. В их задачи входит проведение исследования концепции укрепления безопасности глобальных информационных и телекоммуникационных систем. Позже ГА ООН создала в 2009 г. новую «группу правительственных экспертов ООН по международной информационной безопасности», для дальнейшего рассмотрения вопросов МИБ. Группа подготовила проект резолюции «Развитие в области информационно-коммуникационных технологий в контексте международной безопасности». Спустя десять лет после Всемирной встречи, главной темой саммита «G8» во Франции, проходившего 26-27 мая 2011 г., стало регулирование интернета и кибербезопасности, особенно в связи с начинавшейся «арабской весной» на Востоке и в странах Северной Африки. Так, «Интернет-саммит» в Париже собрал, наряду с политиками лидеров рынка, и ведущих интернет-экспертов. Речь уже шла о пределах транспарентности, о праве человека к доступу информации и об

обеспечении безопасности этой информации. В целом, комплекс взаимосвязанных проблем заключается в меняющейся объективной реальности глобального мира и его неотъемлемой части – «информационного пространства» (Интернет-пространства), которое предстало в XXI веке в качестве одного из самых главных факторов глобализации. Тем самым, информационная безопасность предстает главным атрибутом для информационного пространства, которая в свою очередь имеет ярко выраженный политический и социальный аспект.

Таким образом, «информационная безопасность» рассматривается как в значении непосредственно обеспечения самой информации, данных и их распространения, так в значении обеспечения защиты объекта от информации. Защита информации и информационная безопасность – задача комплексная, она направлена на обеспечение безопасности посредством внедрения новейших технологий в систему безопасности. В большинстве стран мира осознают значение информационной безопасности как в национальных рамках, так безопасности, выходящей за их пределы.

Продвижение интересов и ценностей в глобальном информационном пространстве.

Процесс глобализации в информационной сфере привел к следующим явлениям, на них обращают внимание специалисты:

- прозрачность (открытость) географических границ государств в условиях международного информационного обмена;
- диверсификация способов и средств информационного обмена;
- появление новых каналов связи и расширение возможностей непосредственных контактов между социальными и политическими группами;
- несогласованность национальных информационных законодательств и необходимость их гармонизации и унификации.

Интернет-пространство объединяет весь мир, и здесь же способствует продвижению интересов и ценностей тех представителей, кто производит и владеет информационными ресурсами. По праву лидирующим государством в области информационных технологий признаны Соединенные Штаты Америки. Только две мощнейшие американские корпорации по производству информационных ресурсов – Microsoft и Google дают большие возможности пользователям сети Интернет для работы в любой сфере. Тем самым США, оказывая технологическое влияние на

мировые процессы и на международное сообщество, показывают мировому сообществу, таким образом, свою глобальную мощь и контроль. Когда-то президент США Ричард Никсон, выступая в Совете Национальной Безопасности, утверждал, что гораздо выгоднее вложить один доллар в пропаганду, чем десять в оружие, ибо оружие вряд ли будет пущено в ход, а пропаганда работает ежедневно и ежечасно (Торкунов, 2002: 331). Похоже, утверждение президента США Р. Никсона продолжает быть актуальным и эффективно действует в эпоху активного распространения информационных технологий.

Методологические подходы выявления критериев по защите данных в «International Strategy for Cyberspace»

Информационное пространство для осуществления внешнеполитической деятельности имеет две стороны: прозрачность (прозрачность и доступность) и незащищенность. Обе стороны выступают в качестве проблемы, если речь идет о государственной внешней политике с применением традиционных средств в виде дипломатии. К информационным ресурсам (ИР), которыми все активно пользуются, относятся текстовые документы, базы данных, неподвижные и движущиеся изображения, звуковые и графические материалы, программное обеспечение и веб-страницы (Гирич, Чуприна). Действительно, сегодня многие документы хранятся на электронных носителях, а Интернет выступает в качестве средства коммуникации, и передачи множества данных, в том числе даже таких ведомств, как внешнеполитическое. В соответствии со ст. 3 Венской Конвенции о дипломатических сношениях 1961 г. в функции дипломатического представительства входит «выяснение всеми законными средствами условий и событий в государстве пребывания и сообщение о них правительству аккредитуемого государства» (Венская Конвенция о дипломатических сношениях).

Если раньше таковая информация хранилась и передавалась на бумаге, то сегодня практически вся собираемая информация об отношении страны пребывания к основным проблемам, волнующим мировое сообщество, об обстановке внутри и вне страны, в регионе, аналитическая работа, – хранится в электронном виде. Большая часть из них поступает в виде докладов в МИД своей страны через «защищенную» сеть Интернет. Как оказалось, сеть Интернет не гарантирует такую защищенность. Несколько лет международное сообщество потрясает сканда-

лы, связанные с утечкой информации, напрямую касающейся межгосударственных отношений, мировых событий, мировых лидеров и др.

США отреагировали принятием 16 мая 2011 г. «Международной стратегии по Интернет-пространству» (International Strategy for Cyberspace). В новом документе подчеркивается основная цель США, направленная на построение открытого, надежного, безопасного и обеспечивающего возможность взаимодействия Интернет-пространства, в котором выделено семь основных приоритетов:

- 1) внедрение международных стандартов в сфере экономики и торговли;
- 2) обеспечение безопасности сетей;
- 3) совершенствование законодательства;
- 4) военное сотрудничество;
- 5) создание структур-регуляторов;
- 6) обмен знаниями и опытом;
- 7) контроль за соблюдением основных прав и свобод пользователей (Международная стратегия Интернет-пространства).

Тем не менее, развитие информационных технологий порождает новые виды, сферы и формы совершения преступлений (киберпреступность). Наименее защищенными от них оказались развивающиеся страны, те, что не имеют финансовых и технических возможностей обеспечения соответствующего уровня безопасности (Загинайлов, 2010).

Мировая политика в информационном про-екте WikiLeaks («энциклопедия утечек»)

Понятие «свобода слова» нашло свое «пиковое» выражение в глобальном информационном пространстве путем обнародования разного рода засекреченной информации и данных, не предназначенных для огласки. Группа единомышленников во главе с австралийским хакером Джулианом Ассанжем в декабре 2006 г. запустила сайт WikiLeaks, на котором вначале появились публикации закрытых сведений, разоблачавшие коррупционные действия в правительстве и в частных компаниях. В архиве насчитывается более миллиона секретных документов, среди них телеграммы и депеши посольства США, а также отчеты НАТО и другие материалы. Депеши исходят из 274 посольств и представительств США со всего мира (Горбатюк, 2011: 11). Таким способом Ассанж заявил о «борьбе с всемирной цензурой» в глобальной сети. По сведениям, в работе над проектом занято всего 100 сотрудников. Годовой бюджет сравнительно небольшой – от 175 до 200 тыс. долл. Однако сайт WikiLeaks поддерживают крупнейшие мировые инфор-

мационными издания: *The National Newspaper, Publishers Association, The Los Angeles Times* и др. (Горбатюк, 2011: 23-26).

В 2010 г. на WikiLeaks опубликовано 250 тысяч секретных телеграмм американских дипломатов, направленных в посольства США за рубежом (WikiLeaks опубликовала 250 000 секретных дипломатических телеграмм США). В невыгодном для Вашингтона свете опубликованы материалы о событиях войны в Афганистане и Ираке, о неоправданных жертвах среди мирного населения, о пытках, применяемых к задержанным по подозрению в терроризме и о неудачном ходе ряда операций (История WikiLeaks). Из опубликованных телеграмм американских служб мир узнал подробности о значимых событиях и наиболее авторитетных политических фигурах многих стран мира, в том числе Великобритании, Германии, Франции, России, Пакистана, Италии и др. государств. В дипломатической переписке даны нелестные характеристики или высказывания о первых лицах государств.

По мнению экспертов, полная публикация материалов Государственного департамента США могла бы спровоцировать глобальный дипломатический конфликт. В американских телеграммах мир предстает в виде противостояния двух сверхдержав, причем с точки зрения Вашингтона Европейский Союз в этом процессе играет второстепенную и приниженную роль. Для США личность Ассанжа остается «*persona non grata*». Сотни тысяч секретных документов затронули не только политический сектор, но и финансовые компании, банки, нефтяные корпорации, киностудии и секты. Даже софтверный гигант Microsoft не избежал участи, став фигурантом одного из тысячи сенсационных разоблачений (Загинайлов, 2010: 24).

С одной стороны, имеются оценки ресурса WikiLeaks в качестве новостного издания нового формата, своего рода прототипа СМИ будущего. Возможно потому, что Д. Ассанж подвергся жесткому эмоциональному прессингу со стороны спецслужб некоторых стран мира, но работа сайта продолжалась, вызывая интерес, симпатия и доверие к WikiLeaks огромно во всем мире. В конце 2010 г. Google на запрос WikiLeaks давал 1 700 000 ссылок (Загинайлов, 2010: 30). С другой стороны, признано, что разоблачения позитивного свойства сопровождаются негативными моментами. Например, когда информация попадает не в те руки. Так произошло с большим количеством документов из «Афганского архива» (более 400 тыс.), который использовали боевики

«Талибан» для поиска и наказания афганцев, сотрудничавших с НАТО.

Следствием деятельности Ассанжа и его сайта WikiLeaks стало создание в США нового законодательного понятия «кибертерроризм», к которому отнесены различные квалифицированные формы хакерства, в частности «ущерб, причиненный компьютерной системе, используемой государственным учреждением при отправлении правосудия, организации национальной обороны или обеспечении национальной безопасности».

Были расширены функции министерства внутренней безопасности: оно включает в себя 22 различных управления (около 170 тыс. сотрудников) с бюджетом в 37 млрд. долл. в год. Это министерство координирует работу американских аналитических центров и служб по изменению концепции национальной безопасности в свете проявления новых угроз в совершенно новых и неожиданных формах.

Были расширены возможности федеральных правоохранительных органов вести розыск подозреваемых в терроризме личностей оперативным наблюдением за Интернетом (с помощью разработанной и используемой ФБР системы онлайн-наблюдения «Carnivore»).

Был разрешен режим получения санкции на отслеживание телефонных номеров при обмене сообщениями по электронной почте и посещения сайтов в Интернете. По заявлению бывшего президента США Барака Обамы, «мы все знаем, что кибершпионаж и сетевые преступления стали нарастающей тенденцией. Такие страны, как Китай, быстро уловили это изменение. В последние восемь лет мы запоздали в этом». Он обещал сделать «кибербезопасность высшим приоритетом в XXI веке» (Иванов, 2010). В начале 2010 г. Б. Обама подписал меморандум об открытости и прозрачности американского правительства, а Х. Клинтон выступила с речью о свободе Интернета (Хиллари Клинтон, 2011). Благодаря этому граждане США получили возможность ознакомиться с ранее закрытыми положениями Комплексной национальной инициативы кибербезопасности (CNCI).

В прогнозах экспертов присутствовало убеждение в том, что огромный поток информации, размещенный через сайт WikiLeaks, может привести к некоторой нестабильности в международной политике, и даже к таким последствиям, какие наблюдались в Северной Африке. Действительно, через несколько лет после появления разоблачений Ассанжа в глобальном

информационном пространстве и мероприятий, предпринятых США в отношении обеспечения кибербезопасности, неожиданным следствием явилась очевидная незащищенность мирового политического пространства.

Скандал вокруг сбора данных в США о звонках мировых лидеров

Летом – осенью 2013 г. в Европе разрастался скандалы из-за т.н. «наследия» бывшего сотрудника ЦРУ Эдварда Сноудена, который еще летом передал в СМИ секретные документы о деятельности Агентства национальной безопасности США (АНБ). Из документов стало известно о том, что американские центры по обработке информации, называемые «Особой службой сбора данных», созданные и усиленные, вероятно для обеспечения кибербезопасности, и не в последнюю очередь вследствие деятельности WikiLeaks, находились в 80 городах по всему миру, в том числе в 19 европейских городах. Такая служба работала под прикрытием американских посольств, вела широкомасштабное прослушивание телефонных переговоров мировых лидеров, в том числе членов нескольких правительств стран Евросоюза. В Берлине, например, такой центр располагался в посольстве США недалеко от зданий правительства ФРГ. Другой центр находился во Франкфурте-на-Майне. Почти все мировые СМИ выходили под заголовком «Спецслужбы США прослушивали телефоны 35 мировых лидеров» (Lenta.ru, 2013).

Как стало известно, программа прослушивания была начата в 2002 г. при президенте Дж. Буше после отказа правительства ФРГ участвовать в иракской кампании. Факт отказа мог заставить власти США усомниться в Германии как в союзнике. Вначале АНБ прослушивало канцлера Герхарда Шрёдера, а затем Ангелу Меркель. «Американцы могли не записывать разговоры немецкого политика», а могли лишь отслеживать, с кем она переговаривалась. По всей видимости, звонки А. Меркель прослушивались в июне 2013 г., т.е. за несколько недель до визита в Германию Барака Обамы («Bild am Sonntag», 2013).

После того, как были опубликованы первые сведения о прослушке телефона Меркель, посла США в Германии вызвали в МИД ФРГ, чтобы получить разъяснения. Президент Б. Обама в телефонном разговоре с канцлером Германии А. Меркель заверил, что ее телефон не прослушивается, а если бы ему стало известно обратное, то он бы это прекратил (Обама три года знал о прослушке Меркель..., 2013).

В материалах Э. Сноудена имеются данные о работе АНБ США во Франции, о перехвате ими до 70,3 млн. телефонных разговоров французских граждан. Осуществлялась слежка за президентом Бразилии Дилмой Русеф, за правительством Италии. АНБ инициировало в ООН обсуждение проекта резолюции, которая распространила бы право на невмешательство в частную жизнь и на интернет. Как следует из документов, уровень слежения за Россией, равно как за Бразилией, Мексикой, Францией и Австралией, был «средним», тогда как самый масштабный перехват телекоммуникаций велся в Афганистане, Пакистане, Иране, Саудовской Аравии и Ираке (Скандал вокруг сбора данных о звонках в США..., 2013).

Государственные лидеры по-разному реагировали на скандал с «прослушкой». Британцы и французы к разоблачениям Сноудена отнеслись более спокойно. Они знают, что их спецслужбы также бесцеремонны, как американские, и просто стараются хорошо замести следы. Немцы больше всего обиделись на слежку американских спецслужб и больше остальных возмущались. Их реакция объясняется следствием особенной настороженности немцев к подобным явлениям, появившейся после двух диктатур. К тому же они склонны к морализму и нравоучениям. СМИ сообщали о том, что «всех европейских политиков обязали приобрести мобильные телефоны с функцией шифрования» а «премьер Бельгии попросил министров не брать на заседания телефоны». При этом «телефоны министров во Франции и Голландии оснастят системой шифрования». «Бразилия и Германия призвали ООН к борьбе со шпионажем США» и т.д. («Франс Пресс», 2013).

Таким образом, существование и работа АНБ под дипломатическим прикрытием в различных странах мира, и особенно в Европе, нанесла серьезный урон отношениям США с иностранными правительствами. На вопрос экспертов о том, повлияет ли скандал с «прослушкой» телефона Меркель на отношения США и Германии и возможно ли восстановить доверие партнеров, – сегодняшний ответ следует скорее с большой долей пессимизма и критических упреков. Известная «Немецкая волна» (DW) с категоричностью заявляет, что «Барак Обама упустил возможность контролировать американские спецслужбы, он ослабил США и оказался в глубочайшем кризисе за все время его президентства». Теперь «Обама должен снова завоевать международное доверие, без которого США не

смогут остаться мировой сверхдержавой – той, в которой нуждается и Европа». «Может быть, Вашингтону интересно, что такой важный союзник как Ангела Меркель думает о России, Китае или Иране, и что она обсуждает с тем или иным доверенным лицом». «США не будут, да и не смогут отказаться от шпионажа. Но они должны коренным образом реформировать свои спецслужбы» (Die Welt, 2013).

«Цифровой Шелковый путь» как новая мягкая сила Китая»

По заявлению председателя КНР Си Цзиньпина на Международном форуме «Пояс и Путь» в мае 2017 г., выступившего перед первыми лицами ведущих мировых держав, цифровые технологии будут локомотивом развития глобального проекта «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП), или «Один пояс и один путь». По словам китайского лидера, речь идет о «цифровой экономике», искусственном интеллекте, квантовых вычислениях, нанотехнологиях (Российская газета, 2017).

Крупный китайский разработчик «облачных» вычислений компания Alibaba Cloud – дочка знаменитого интернет-коммерсанта Alibaba Group, планирует в 2017 году создать в Малайзии центр обработки электронных данных. Таким образом, Китай приступил к развитию ИТ-сферы в самых разных областях и выстраивает систему «цифрового мира» вдоль всех маршрутов нового Шелкового пути. Электронная коммерция, промышленные компьютерные сети, интернет-банкинг, связь, высокотехнологичные разработки, «умные города» – все это включено в «цифровой Шелковый путь». Как заявил глава Alibaba Cloud Симон Ху, также планируется вложить средства в развитие 14 дата-центров по всему миру, что будет способствовать в будущем китайским компаниям, намеренным вести бизнес в странах «Пояса и Пути». При этом Китай заинтересован и в «цифровом развитии» партнеров по проекту ЭПШП – «никому не нужны контрагенты, застрявшие в прошлом веке» (Си Цзиньпин).

«Новый Шелковый путь не должен упираться лишь в железнодорожные перевозки или другие способы физического перемещения грузов – создание «цифрового пути», оснащенного сетями связи 5G, в тысячу раз более быстрыми (Internet Plus), чем сети 4G – вот что сделает возможным новые сервисы, вроде автомобилей и поездов без водителей», – уверен президент бизнес-ассоциации Европейского Союза China – EU (представитель бизнес-сообщества ЕС Луиджи Гамбардел-

ла). «Мир будет восхищаться Китаем не только из-за роста его ВВП, но и глядя на то, сколько Китай делает для других стран», – отметил, выступая на форуме в Пекине, основатель Alibaba Group Джек Ма (Российская газета, 2017).

Важно отметить, программа «цифрового Шелкового пути», сформированная примерно год назад при активном участии Академии наук КНР, предусматривает не только инвестиции в суперсовременные разработки, но и подготовку специалистов. В течение пяти ближайших лет китайская сторона намерена обучить около пяти тысяч иностранных ученых, инженеров, менеджеров, не считая краткосрочных исследовательских программ за счет КНР. Также Пекин намерен создать совместные с другими странами исследовательские лаборатории по самым разным направлениям. Например, уже сформирована инициатива по сотрудничеству ученых из сорока стран в целях изучения космоса.

Выводы

Международное сотрудничество в области распространения информационных технологий и обеспечения информационной безопасности является неотъемлемой составляющей политического, военного, экономического, культурного и других видов взаимодействия стран, входящих в мировое сообщество.

Внешняя политика любого государства использует сегодня в своих интересах наиболее позитивное информационное сопровождение. Вместе с тем, дипломатия сталкивается с новым вызовом в форме недружественной либо конкурентной информации, которой необходимо противостоять либо противопоставлять собственную, более убедительную позицию. Тональность восприятия итогов переговоров, событий и тенденций в сфере международных отношений во многом формируется не столько принятыми документами, сколько их информационным фоном – это комментарии политологов, экспертов, выступления и публикации в СМИ. Особенность сотрудничества в области обеспечения информационной безопасности состоит в том, что оно осуществляется в условиях обострения международной конкуренции за обладание технологическими и информационными ресурсами, за доминирование на рынках сбыта, за доминирование в мировой политике. Впереди, возможно, нас ожидает появление новой формы дипломатии в эпоху цифровых технологий – «цифровая дипломатия».

Литература

- 1 Окинавская Хартия глобального информационного общества от 22 июня 2000 года [Электронный ресурс]: <www.iis.ru/library/okinava/charter.ru.html>
- 2 Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии. Декларация принципов ВВУИО ГА ООН. – № 56/183 от 21 декабря 2001 г. [Электронный ресурс]: <www.un.org/russian/conferen/wsis/dec.pdf>
- 3 Дипломатическая служба: учебное пособие / под ред. А.В.Торкунова. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. – С.331
- 4 Гирич В.Л., Чуприна В.Н. Глобальное информационное пространство и проблема доступа к мировым информационным ресурсам. Access: <www.rsl.ru/upload/mba2007/mba2007_05.pdf>
- 5 Венская Конвенция о дипломатических сношениях от 18 апреля 1961 г. // Дипломатическая и консульская службы: Сб. документов и материалов. – Алматы: Юрист, 2007. – С. 62
- 6 Международная стратегия Интернет-пространства // Белый дом. Available at: <http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/rss_viewer/internationalstrategy_cyberspace.pdf>
- 7 Загинайлов Ю.Н. Теория информационной безопасности и методология защиты информации: Курс лекций. – Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2010. – 104 с.
- 8 Горбатюк Н. WikiLeaks: Разоблачение, изменившее мир. – М.: Эксмо, 2011.
- 9 WikiLeaks опубликовала 250 000 секретных дипломатических телеграмм США (2010) Gazeta.ru. Available at <http://www.gazeta.ru/news/lastnews/2010/11/28/n_1590477.shtml> (accessed November 28, 2010)
- 10 История WikiLeaks. Available at: <<http://www.webplaneta.de/topic.php?topic=168>>; Wikileaks «раздел» американскую внешнюю политику. Available at: <<http://msk.kp.ru/daily/24598/765686/>> (accessed November 29, 2010)
- 11 Иванов В. США продолжает созидать киберстену // Независимая газета. – 4 сентября 2010 Available at: <http://www.nvo.ng.ru/spforces/2010-04-09/15_cyberwall.html> (accessed September 15, 2011)
- 12 Хиллари Клинтон. О свободе Интернета. Выступление Гос. Секретаря США в университете Дж. Вашингтона. – 15 февраля 2011. Available at: <<http://www.america.gov/st/democracy-russian/2011/February/20110215180526x0.3079449.html>> (accessed February 15, 2011)
- 13 Information: Lenta.ru (2013) Available at: <<http://lenta.ru/news/2013/10/25/thirtyfive/>> (accessed October 25, 2013)
- 14 «Bild am Sonntag» (2013) Available at: <<http://www.bild.de/news/startseite/news/testbuehne-news-15479264.bild.html>> (accessed October 27, 2013); Merkels Handy steht seit 2002 auf US-Abhörliste // Der Spiegel. – October 27, 2013
- 15 «Обама три года знал о прослушке Меркель»; «АНБ опровергло, что Обама еще в 2010 году знал о прослушке Меркель»; «Скандал вокруг сбора данных о звонках в США», Available at: <<http://lenta.ru/news/2013/10/27/merkelhandy/>> (accessed October 27, 2013)
- 16 «Скандал вокруг сбора данных о звонках в США»; «Как снежный ком»; «АНБ уличили в слежке за правительством Италии»; «АНБ обвинили в шпионаже за президентами Бразилии и Мексики»; «СМИ: посольство США в Афинах оснащено центром прослушивания телефонов», Информационный портал lenta.ru Available at: <<http://lenta.ru/news/2013/10/27/merkelhandy/>> (accessed October 24–29, 2013)
- 17 Цит. по: «Франс Пресс», Available at: <<http://www.afp.com>>, 2013, 27.10; RIA.World, Available at: <<http://ria.ru/world/20130708/948185111.html>> (accessed October 27, 2013)
- 18 «Прослушка Меркель подрывает авторитет Обамы (2013) // Süddeutsche Zeitung, October 29; «Беспомощность Обамы» // Die Welt. – October 29, 2013
- 19 Квантовые перспективы. Шелковый путь будет не только экономическим, но и цифровым // Российская газета. – №7281 (115). – 29 мая 2017.

References

- 1 «Bild am Sonntag» (2013), Available at: <<http://www.bild.de/news/startseite/news/testbuehne-news-15479264.bild.html>> (accessed October 27, 2013); «Merkels Handy steht seit 2002 auf US-Abhörliste» (2013) //Der Spiegel, October 27
- 2 V.L.Girich, V.N. Chuprina (2007) Global'noye informatsionnoye prostranstvo i problema dostupa k mirovym informatsionnym resursam. Available at: <www.rsl.ru/upload/mba2007/mba2007_05.pdf>
- 3 N. Gorbatyuk (2011) WikiLeaks: Razoblacheniye, izmenivsheye mir. M.: Eksmo
- 4 Diplomaticheskaya sluzhba (2002) Uchebnoye posobiye/Pod red. A.V.Torkunova. M.: «Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya» (ROSSPEN), S.331
- 5 Information: Lenta.ru (2013, 25.10.). Available at: <<http://lenta.ru/news/2013/10/25/thirtyfive/>>
- 6 Istoriya WikiLeaks. Available at: <<http://www.webplaneta.de/topic.php?topic=168>>; Wikileaks «razdel» amerikanskuyu vneshnyuyu politiku. Available at: <<http://msk.kp.ru/daily/24598/765686/>>
- 7 V. Ivanov (2010) SSHA prodolzhayet sozidat' kiberstenu // Nezavisimaya gazeta. Available at: <http://www.nvo.ng.ru/spforces/2010-04-09/15_cyberwall.html> (accessed September 4, 2013)
- 8 Khillari Klinton (2011). O svobode Interneta. Vystupleniye Gos. Sekretarya SSHA v universitete Dzh. Vashington. Available at: <<http://www.america.gov/st/democracy-russian/2011/February/20110215180526x0.3079449.html>> (accessed February 15, 2011)
- 9 Kvantovyye perspektivy Shelkovyy put' budet ne tol'ko ekonomicheskim, no i tsifrovym (2017) // Rossiyskaya gazeta. №7281 (accessed May 29, 2017)

10 Mezhdunarodnaya strategiya Internet-prostranstva // Belyy dom. Available at: <http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/rss_viewer/internationalstrategy_cyberspace.pdf>

11 „Obama tri goda znal o proslushke Merkel’»; «ANB oproverglo, chto Obama yeshche v 2010 godu znal o proslushke Merkel’»; Skandal po sboru dannykh o zvonkakh v SSHA: <<http://lenta.ru/news/2013/10/27/merkelhandy/>>, (accessed October 27, 2013)

12 Okinavskaya Khartiya global’nogo informatsionnogo obshchestva. [Elektronnyy resurs]: <www.iis.ru/library/okinava/charter.ru.html>

13 Postroyeniye informatsionnogo obshchestva – global’naya zadacha v novom tysyacheletiiye. Deklaratsiya printsipov VVUIO GA OON, № 56/183 ot 21 dekabrya 2001 g. [Elektronnyy resurs]: <www.un.org/russian/conferen/wsis/dec.pdf>

14 «Proslushka Merkel’ podryvayet avtoritet Obamy (2013) // Süddeutsche Zeitung, October 29, 2013; „Bespomoshchnost’ Obamy« // Die Welt, October 29, 2013

15 «Skandal vokrug sbora dannykh o zvonkakh v SSHA»; «Kak snezhnyy kom»; «ANB ulichili v slezhke za pravitel’stvo Italii»; «ANB obvinili v shpionazhe za prezidentami Brazili i Meksiki», «SMI: posol’stvo SSHA v Afinakh osnashcheno nablyudeniym telefonov», Informatsionnyy portal lenta.ru (2013), Available at: <<http://lenta.ru/news/2013/10/27/merkelhandy/>>, (accessed October 24-29, 2013)

16 Tsit. po: «Frans Press» (2013) Available at: <<http://www.afp.com>>, (accessed October 27, 2013); RIA. World (2013) Available at: <<http://ria.ru/world/20130708/948185111.html>>, (accessed August 07, 2013)

17 Venskaya Konventsiya o diplomaticheskikh snosheniyakh ot 18 aprelya 1961 g. (2007) // Diplomaticeskaya i konsul’skaya sluzhby: Sb. dokumentov i materialov. – Almaty: Yurist, S. 62

18 WikiLeaks opublikovala 250 000 sekretnykh diplomaticheskikh telegramm SSHA (2010) // Gazeta.ru. Available at: <http://www.gazeta.ru/news/lastnews/2010/11/28/n_1590477.SHTML> (accessed November 28, 2013)

19 YU.N. Zaginaylov (2010) Teoriya informatsionnoy bezopasnosti i metodologiya zashchity informatsii: Kurs lektsiy. – Barnaul: Izd-vo AltGTU, 104 s.

Әліпбаев Амангелді¹, Бөжеева Бақыт²

¹тарих ғылымдарының кандидаты, доцент, e-mail: alipbayev19@gmail.com, тел.:+7 701 397 4799

²тарих ғылымдарының кандидаты, доцент, e-mail: bbuzeeva@gmail.com, тел.:+7 702 550 0285

әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, халықаралық қатынастар және әлемдік экономика кафедрасы, Қазақстан, Алматы қ.

ЛАҢКЕСТІК: ӘЛЕУМЕТТІК-САЯСИ АСТАРЫ

Кез келген құбылыстың ғылыми тұрғыдан зерттелінуі оның мәні мен себеп-салдарының байланыстығын айқындауды қарастырады. Лаңкестік ұғымын іздестіруде оны лаңкестіктің мәнін қарастыру ретінде зерттеудің әртүрлі астарларын, оның тарихи, әлеуметтік-саяси, идеологиялық және психологиялық түп-тамырын зерделеуді қажет ететіндігі ешқандай күмән туғызбайды. Қазіргі кезеңде әлемдік қоғамдастық лаңкестіктің кез келген белгілерін, оның ішінде қандай да-бір әлеуметтік-саяси мақсаттар үшін жүзеге асуын да жоққа шығарғысы келеді. Дегенмен де бұл лаңкестіктің бар екендігіне жоқ дей алмайды, қайта бұл әлеуметтік құбылыс дамуын тоқтатқанды қойып, өрши түсуде. Бірқатар экстремистік топтар лаң салушылықты күрес тәсілі ретінде пайдалануын жалғастыра түсуде. Алайда лаңкестік әрекеттерге қарсы тиімді күресті бастау үшін және алдын алу үшін бұл құбылыстың түпкі мәнін айқындап алу қажет. Жалпы мұның зорлық-зомбылықтың саяси негіздегі қолданысы немесе ең қатігез түрі екендігінде лаңкестік мәселесін зерттеуші көптеген ғалымдардың ойлары бір арнадан шығуда. Кез келген лаңкестік іс-әрекеттер саяси сарынға ие, өйткені лаңкестік түріндегі зорлық-зомбылық елдегі саясатты сақтауға немесе керісінше өзгертудің құралы ретінде әрекет етеді. Сондықтан да лаңкестікті жеке азаматтардың, қоғамның және мемлекеттің өмірлік маңызды мүддесіне тікелей қатер туғызушы әлеуметтік-саяси құбылыс ретінде қарастыру қажет. Лаңкестікке тау-тау еңбектердің арналғанына қарамастан, оны бірегей тұтас құбылыс ретінде сараптап, саралап шықтық деуге болмас. Сонымен бірге осындай сараптама жасаудың мүмкіндігінің өзі күмәнді десе болады. Әрине, осы мақаланың авторлары да алдарына мұндай міндеттеме қойып отырған жоқ. Ондағы міндет – қазіргі лаңкестіктің тек кейбір белгілеріне ғана тоқталып өту.

Түйін сөздер: мемлекет, лаңкестік, әлеуметтік-саяси, қоғамдық-саяси, әлемдік қоғамдастық, зорлық-зомбылық, экстремизм.

Alipbayev Amangeldy¹, Byuzheyeva Bakyt²

¹Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, e-mail: alipbayev19@gmail.com, tel.: + 7 701 397 4799

²Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, e-mail: bbuzeeva@gmail.com, tel.: + 7 702 550 0285

Chair of International Relations and World Economy, of Department of International Relations of Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty

Terrorism: socio-political aspects

Scientific approach to a study of any phenomenon assumes detection of its entity and relationships of cause and effect. Exists any doubts that search in a concept of terrorism requires a study of different aspects of its research as reviewings of an entity of terrorism, its historical, socio-political, ideological and psychological roots. Now the world community denies any manifestations of terrorism including for the embodiment in life of any socio-political purposes. But nevertheless it does not cancel the existence of terrorism, this social phenomenon not only did not brake development, but also gains steam. Terror continues to be used as a fight method by a row of extremist groups. But to begin effective fight and to prevent the subsequent acts of terrorism, it is necessary to clarify an entity of this phenomenon. Many researchers of problems of terrorism meet that this politically motivated application or threat of application of extreme forms of violence. Any act of terrorism bears in itself a political charge as violence in the form of terrorism appears the instrument of saving or, on the contrary, changes of the policy pursued

in the country. Therefore terrorism should be considered as the socio-political phenomenon posing an explicit threat to the vital interests of the personality, society and state. In spite of the fact that mountains of literature hardly are devoted to terrorism it is possible to claim that it was succeeded to analyse and describe it as the uniform complete phenomenon. Moreover, there is a doubt in a basic possibility of the similar analysis. Certainly, the similar task isn't set for themselves also by authors of this article. A task her – to stop only on some manifestations of modern terrorism.

Key words: state, terrorism, socio-political, social and political, world community, violence, extremism.

Алипбаев Амангельды¹, Бюжеева Бакыт²

¹кандидат исторических наук, доцент, e-mail: alipbayev19@gmail.com, тел.: +7 701 397 4799

²кандидат исторических наук, доцент, e-mail: bbuzeeva@gmail.com, тел.: +7 702 550 0285
кафедра международных отношений и мировой экономики, факультет международных отношений,
Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы

Терроризм: социально-политические аспекты

Научный подход к изучению любого явления предполагает выявление его сущности и причинноследственных связей. Не существует никаких сомнений, что исследование понятия терроризма требует изучения различных его аспектов как рассмотрения сущности терроризма, его исторических, социально-политических, идеологических и психологических корней. В настоящее время мировое сообщество отрицает любые проявления терроризма. Но тем не менее, самого существования терроризма это не отменяет, это социальное явление не только не притормозило развитие, но и набирает обороты. Террор продолжает использоваться как метод борьбы рядом экстремистских группировок. Но для того чтобы начать действенную борьбу и предупреждать последующие террористические акты, нужно выяснить саму сущность данного явления. Многие исследователи проблем терроризма сходятся в том, что это политически мотивированное применение или угроза применения крайних форм насилия. Любая террористическая акция несет в себе политический заряд, так как насилие в форме терроризма выступает инструментом сохранения либо, наоборот, изменения проводимой в стране политики. Поэтому терроризм следует рассматривать как социально-политическое явление, представляющее явную угрозу жизненно важным интересам личности, общества и государства. Несмотря на то, что терроризму посвящены горы литературы, вряд ли можно утверждать, что удалось проанализировать и описать его как единое целостное явление. Более того, возникает сомнение в принципиальной возможности подобного анализа. Разумеется, подобной задачи не ставят перед собой и авторы данной статьи. Задача ее – остановиться лишь на некоторых проявлениях современного терроризма.

Ключевые слова: государство, терроризм, социально-политические, общественно-политические, мировое сообщество, насилие, экстремизм.

Кіріспе

Бүгінгі күні халықаралық лаңкестік мәселесі бүкіл әлем елдерімен бірге біздің еліміз үшін де өте өзекті болып отырғаны белгілі. Себебі, қоғамдық өмірдің қайшылықты жағдайларында көбінесе ұлтаралық және діни қатынастардың шиеленісу үрдістері белең алып, тура және жанама түрде халықтар арасында өзара сенімсіздікті және өшпенділікті, экстремизм және оның ең соңғы түрі – лаңкестікті тудыруда.

Елімізде өмірдің шынайылығына айналған бұл қасіретке қарсы 2010 жылдың 1 ақпанында Қазақстан Республикасы Президентінің № 922 Жарлығымен бекітілген «2020 жылға дейінгі Қазақстан Республикасының Стратегиялық даму жоспарында» да кез-келген қауіп-қатерді айқындап және алдын алу мен жою белгіленген

(2020 жылға дейінгі Қазақстан Республикасының Стратегиялық даму жоспарында, 2010). Әсіресе, халықаралық лаңкестікпен, діни экстремизммен, трансұлттық есірткі бизнесімен және заңсыз көші-қонмен күрес саласында халықаралық ынтымақтастықты дамытуға ерекше назар аударылған.

Жаңа қауіптер мен қатерлерді айқындау мүмкіндіктеріне сол мезгілде қол жеткізу үшін және соған қарсы тиісті шараларды қабылдау мақсатында Қазақстан Республикасының ұлттық қауіпсіздік жүйесінің сараптамалық-болжау жұмыстарын жаңа арнада жетілдірудің тиімділігін арттыру маңызды бағыттардың бірі болуға тиіс. Сонымен бірге экстремизм мен лаңкестікке қарсы тұру аясында еліміздегі ұлтаралық үйлесімділікті нығайту мақсатында және қоғамдық-саяси ахуалдың тұрақтылығын

қамтамасыз ету үшін жергілікті тұрғындар мен азаматтық қоғам институттарының белсенділігін арттыру қажет. Соған орай Қазақстанның ұлттық және рухани қауіпсіздігін қамтамасыз ету аясында қазіргі таңдағы еліміздің мемлекеттік саясатының басым бағыттарының бірі – жастар арасынан діни экстремизм мен лаңкестік топтарға тартылуының алдын алу.

Белгіленген мақсатты жүзеге асыру үшін 2013 жылы 24 қыркүйекте Қазақстан Республикасы Президентінің № 648 Жарлығымен «Қазақстан Республикасында 2013-2017 жылдарда діни экстремизм мен лаңкестікке қарсы әрекет ету туралы Мемлекеттік бағдарлама» қабылданған болатын (Қазақстан Республикасында 2013-2017 жылдарда діни экстремизм мен лаңкестікке қарсы әрекет ету туралы Мемлекеттік бағдарлама, 2017). Мемлекеттік бағдарламада діни экстремизм мен лаңкестікке қарсы әрекет жасайтын мемлекеттік мекемелердің жаңа әдіс-тәсілдері мен түрлерін қарастырумен қатар халықтың діни сауаттылығын арттыруға да ерекше назар аударылған. Сол себепті лаңкестік пен діни экстремизмнің түп-тамырын жою бағытында оларға қарсы тұра алатын теориялық және тәжірибелік әдіс-тәсілдер мен әдістемелерді айқындау, сонымен бірге тиімді әлеуметтік-саяси және мәдени-идеологиялық ескертпелерді ойластырудың маңыздылығы ерекше болып табылады.

Теориялық-әдістемелік негізі

Лаңкестік мәселесінің түп-тамырын зерделеу барысында бихевиоризм, институционализм, сондай-ақ статистикалық, саяси-құқықтық және әртүрлі сараптамалық бағалау технологиялары кеңінен пайдаланылды. Мәселенің қарама-қайшылықтары мен қарқынын жан-жақты қарастыруға мүмкіндік туғызған аналитикалық тәсілді атап өтуге болады. Лаңкестікті зерттеуде әлеуметтік-саяси тәсіл лаңкестіктің мақсаттарын, міндеттерін, күштері мен құралдарын айқындауға мүмкіндік туғызды. Жалпы мұны осы мәселені қарастырудағы негізгі сүйенген тәсіл десе болады. Өйткені әлеуметтік-саяси тәсіл лаңкестікті зерттеуде бұл құбылыстың шығу себептерін әлдеқайда толыққанды түсіндіре отырып, лаңкестіктің сипаттағы қылмыстың дамуына қарсы тұру шараларының жүйесін айқындайды.

Ал лаңкестік пен діни экстремизмнің әрқилы бағыттары мен ағымдарын бір-бірімен салыстырмайынша, оларды толыққанды түсіну

және бұл құбылыстардың ішкі мәнін ұғына қою мүмкін емес десе болады. Сондықтан да мәселені теоретикалық және әдістемелік тұрғыдан зерттеудің негізін ең алдымен салыстырмалы сараптамалар құрады. Сол ретте айқындағаннан кейін ғана лаңкестік пен діни экстремизмнің алдын алуға, ескертуге және бейтараптандыруға қатысты тиімді тұжырымдама жасауға болады. Салыстырмалы сараптама өз кезегінде тарихи шолумен толықтырылды, оның қажеттілігі лаңкестік пен діни экстремизмнің қазіргі кезеңдегі ілімін жақсырақ түсіну үшін нақтылы тарихына үңілумен дәйектеледі. Сол себепті мәселені талдау барысында тарихи әдістеме кеңінен қолданылды. Қоғамдық құбылысты зерттеудің әдістемелік негізі ретінде сондай-ақ диалектикалық әдістермен бірге жүйелі сараптау әдісін де атап өтуге болады. Бұл жерде сарапталынатын құбылыстар негізінен өзіне тән қарқындылығымен және өзара тәуелділігімен ерекшеленді.

Нәтижелер

Жалпы лаңкестіктің басты себебі болып әлеуметтік қайшылық саналады. Өйткені әлеуметтік астарына қарай лаңкестікті қандай да бір әлеуметтік топтың өз мүддесін қамтамасыз ету мақсатында осындай лаң салушылық әдіс-тәсілді пайдалануы деп түсінуге де болады.

Лаңкестіктің шығуы мен дамуына ықпал ететін негізгі жағдай – ол: әлеуметтік-экономикалық, идеологиялық, саяси, ұлттық, мемлекетаралық, діни және басқа да қайшылықтар мен шиеленістер екендігі белгілі. Сондай-ақ лаңкестік саяси жүйе талғамайтындығына көзіміз жетті.

Лаңкестіктің басты мақсаты – адамдарды мерт қылу арқылы үрей туғызу. Бүгінгі күні лаң салушылардың көпшілігі жүйелі де құпия түрде күрделі ұйымдастырылған топтар мен ұйымдардың маманданған жасақтары.

Әлемдегі көптеген елдер лаңкестікке ерекше көңіл бөліп, оны қоғамға төнген басты қауіп-қатер деп біледі. Зерттеу барысында айқындалынған бүгінгі заманның шынайылығын ескеретін болсақ, қоғамды лаңкестіктен толығымен арылту мүмкін емес, тек қана оның болу мүмкіндігін азайту жағына бар күш-жігерлерін жұмсауы тиіс. Кез келген лаңкестік іс-әрекеттер саяси сарынға ие, өйткені лаңкестік түріндегі зорлық-зомбылық елдегі саясатты сақтауға немесе керісінше өзгертудің құралы ретінде әрекет етеді. Сондықтан да

лаңкестікті жеке азаматтардың, қоғамның және мемлекеттің өмірлік маңызды мүддесіне тікелей қатер туғызушы әлеуметтік-саяси құбылыс ретінде қарастыру қажет деген болжам жасалынды. Лаңкестіктің ұлтшылдық сипаты негізінен дінмен жиі байланыстырылады, алайда әлеуметтік лаңкестіктің дәйектемелері мен ұрандарын да жоққа шығармайтындығы анықталды.

Пікірсапап

XX ғасырдың аяғында лаңкестік жаңа даму сатысына шықты деп айтуға болады. Лаң салушылардың іс-әрекет жасайтын аумағы да, пайдаланатын құралы да кенейе түсуде. Ал мәні сол күйінде қалуда, яғни адамдар мерт болады, қоғамға үлкен залал келтіріледі. Осыған орай лаңкестік мәселесі соңғы кездері өте елеулі құбылыстардың біріне айналып отыр. Өйткені ол ұлт, ел, шекара таңдамайды. Сол себепті де адамзат үшін өте қауіпті құбылыстың алдын алу, оны болдырмау, тамырына балта шабу – лаңкестікті жан-жақты сараптап, шығу себебін айқындауды қажет етеді. Сонда ғана лаңкестікке қарсы қабылданатын іс-шаралардың тиімділігі артары айқын.

Мемлекеттің және қоғамның қауіпсіздігіне ұлтаралық қатынастардың шиеленісуі негізінде туындайтын лаңкестік қаншалықты ықпал ететіндігіне сараптама жасау да әр кезде өзекті мәселе болып қала бермек. Әртүрлі әлеуметтік және саяси негізде туып отырған лаңкестік қауіпке қарсы тиімді іс-шараларды, алдын алу қимылдарын жүргізу бүгінгі күні ғаламдық деңгейдегі мәселеге айналып отыр. Бұған дәлел қазіргі кезде көптеген мемлекеттер басшыларының, арнайы қызмет және құқық қорғау органдары басшыларының, қоғам қайраткерлерінің, өкілдерінің лаңкестіктің қауіпсіздігін бәсеңдету, лаңкестікпен күресу мәселелеріне арналған жұмыс мәжілістері, халықаралық кездесулері мен конференцияларының саны күннен күнге көбеюде. Өйткені лаңкестіктің болу-болмауын болжау өте қиын. Оған 2001 жылғы 11 қыркүйектегі бүкіл әлемді дүр сілкіндірген Америка Құрама Штаттарындағы оқиға дәлел. Әлемнің қуатты мемлекеті болып саналатын елде лаңкестіктің өз басымдылығын көрсетуі, адамзатқа қауіп тудыратын бұл құбылысқа қарсы қойылған бөгеттің әлсіздігін көрсетеді. Әлемнің ешбір халқы мұндай қасіретті қаламайды. Кезінде Ресей Президенті В.В.Путин АҚШ-тағы 11 қыркүйектегі оқиғаға қатысты сөзінде:

«АҚШ-тағы оқиғалар ұлттық шектерден шығып кетті. Бұл өркениетті адамзатқа деген қарсылық. Бүгінгі болған оқиға, осы лаңкестікке қарсы жасалған Ресей ұсынысының өзектілігін тағы да көрсетті. Ол ұсыныс халықаралық қауымдастықтың күшін және қуатын осынау XXI ғасырдың қасіретіне қарсы пайдалану...», – деп мәлімдеген болатын (Ресей Президенті В.В. Путиннің 11 қыркүйектегі АҚШ-тағы оқиғаға қатысты сөзі, 2003).

Лаңкестікпен күрес жүргізу – бұл өте күрделі де қажетті үрдіс. Лаңкестікке қарсы күресті халықаралық қауымдастық күш біріктіре отырып жүзеге асырмаса, жеке мемлекет көлемінде жүргізу өте қиынға соғатыны сөзсіз. Шын мәнінде лаңкестік – бұл әлемнің жаңа қасіреті болды. Өйткені, лаңкестіктік бағыттағы топтар, ұйымдар саны әлемде көбейе түсуде. Олардың лаң салушылық іс-әрекеттері өз мемлекеттерінің аумағымен шектеліп қалмай, халықаралық деңгейге жайылып, бүкіләлемдік қауымдастыққа қатер төндіруде. Лаңкестік өзінің бүкіл даму сатысында көптеген әлеуметтік себепке негізделген құбылыс екендігін байқатты және оның өзгеруіне қатысты дамыды. Соған орай діни экстремизм мен лаңкестік мәселесіне өте мол ғылыми еңбектер арналған. Солардың арасында өзіміздің аймаққа қатысты қазақстандық стратегиялық зерттеулер институтының мамандары бұдан он бес жыл бұрын «Современный терроризм: взгляд из Центральной Азии» атты монографиялық еңбектерінде діни экстремизм мен лаңкестіктің шығу көзі мен мәнін, бұл жағымсыз құбылыстың орталық азиялық аймақта таралу үдерісін қарастырады (Современный терроризм: взгляд из Центральной Азии, 2002). Америкалық ғалымдардың ішінде Б. Хоффманның орыс тіліне аударылған «Терроризм – взгляд изнутри» атты еңбегінде Таяу Шығыс елдеріндегі сепаратистік лаңкестікке, дін мен лаңкестік құбылысына, әдіс-тәсілдеріне, технологиясына, лаңкестікшілердің ойлау қабілетіне көңіл бөледі (Хоффман, 2003). Ал ресейлік С.У. Дикаев лаңкестіктің түрлерін, психологиялық астарларын, тарихи өзара шарттылығын зерттей келе, лаң салушылық – бұл негізінен қарсылық білдіру көрінісі деп тұжырымдаса (Дикаев, 2006), лаңкестікті әлеуметтік құбылыс ретінде зерттеген В.И. Василенко оның саяси, сепаратистік, ұлтшылдық, діни, мемлекеттік және қылмыстық түрлерінің де болатындығын дәйектейді (Василенко, 2002). Жалпы лаңкестік мәселесін зерттеу барысында лаңкестік ұғымына бірнеше анықтама берілген.

Солардың арасында америкалық ғалымдар В. Маллисон мен С. Маллисон: «лаңкестік – бұл жалпы немесе саяси мақсатқа жету үшін жүйелі негізде зорлық-зомбылықпен, күшпен қауіп туғызуды пайдалану», – десе, ресейлік заңгер Л.А. Моджорян: «лаңкестік – бұл қандай да бір белгілі саяси нәтижеге жету мақсатында жеке тұлғаның, ұйымның немесе үкімет органының жағымсыз мемлекеттік және саяси тұлғаның көзін жоюға бағытталған және мемлекеттік заңдық тәртіпті тұрақсыздандыру үшін жасалынған күштеу актісі», – деп түйіндейді (Зеленков, 2016).

Әрине лаңкестік түсінігі өте кең, сондықтан келтірілген анықтама көлемінде шектелуге болмайды. Лаңкестіктің алғашқы даму кезеңінде оның саяси тұлғаны жою немесе оның қызметіне ықпал ету құбылысымен байланыстырсақ, бүгінгі кезде лаңкестік кең көлемдегі күрделі әлеуметтік-саяси құбылыс. Ол жүйелі негізде іске асатын, қоғамда орын алған құбылыс.

Әлеуметтік-саяси құбылыс ретіндегі лаңкестіктің күрделілігі оның неше түрін айқындайды. Ол өзіне тән саяси мақсатпен, ұйымдастырушылық құрылымымен, пайдаланатын күш-қуатымен, сондай-ақ басқа да белгілерімен сипатталады. Мұны неміс ғалымы Р. Рупрехт: «лаңкестік – күштеу тәсілдерін жүйелі түрде немесе үрей туғызу үшін пайдалануы арқасында саяси мақсатқа жетуімен сипатталады» – дейді (Крылов, 1987:78-84). Лаңкестіктің қыр-сырын ашуға көптеген ғалымдар өзіндік үлесін қосып келеді. Ресейлік ғалым О.Н. Алексеев халықаралық лаңкестіктің шығу себептерін, алғышарттары мен таралуын жан-жақты қарастырған (Алексеев, 2012:134-140). Қазіргі кезеңдегі лаңкестікке қатысты Д. Виновтың пікір-сараптары да өте жүйелі десе болады (Винов, 2014: 97-106). Бүгінгі кезеңдегі халықаралық лаңкестіктің сыр-сипаты А.И. Гушердің еңбегінің негізі болып табылады (Гушер, 2006). Лаңкестік пен лаңкестікке қарсы қызметтің теориялық мәселесі С.И. Грачевтің студенттерге арналған оқу құралында қарастырылған (Грачев, 2010). Осы бағытты өз еңбектерінде С. Дашкова мен Е. Карчагин де жалғастыра түскен (Дашкова, 2013:70-74). Әлемдік қоғамдастыққа тәніп отырған халықаралық лаңкестіктің кейбір мәселелері В.Жадан еңбектерінде (Жадан, 2016:77-78), негізгі бағыттарына сараптама Е.П. Кожушконьның көлемді еңбегінде ашылған (Кожушко, 2000). Неміс ғалымы Х.Мюнклер лаңкестіктің соғыс деңгейіне шыққанына тоқталса (Мюнклер, 2004: 218-225), осындай

көзқарасты америкалық ғалым С.Ф. Эхоо өз еңбегінде толықтай түскен (Эхоо, 2010).

Қазақстан Республикасының «Терроризмге қарсы күрес туралы» 1999 жылғы 13 шілдедегі №416 заңының 1 бабында: терроризм – күш қолдану идеологиясы және халықты үрейлендіруге байланысты және жеке адамға, қоғам мен мемлекетке залал келтіруге бағытталған күш қолдану және (немесе) өзге де қылмыстық әрекеттерді жасау не жасаймын деп қорқыту жолымен мемлекеттік органдардың, жергілікті өзін-өзі басқару органдарының немесе халықаралық ұйымдардың шешім қабылдауына әсер ету практикасы» деп анықтама берілген (Терроризмге қарсы күрес туралы, 2017). Дей тұрғанмен заңнамадағы бұл анықтама лаңкестіктің ішкі дүниесін толыққанды аша алмайды. Лаңкестікке итермелеуші күшті айқындау ғана оның алдын алуға, тыю жөніндегі әрекеттерді жүзеге асыруға мүмкіндік туғызары сөзсіз.

Сол ретте лаңкестікті анықтайтын факторлардың ішінде ерекше орынды алатын «ұлтшылдықты» да атап өткен дұрыс. Идеология, саясат және әлеуметтік тәжірибе іспеттес, ұлттық ерекшелік пен артықшылықты үгіттеуге бағытталған, ұлттық өшпенділікті тұтататын ұлтшылдық ерекше бүліншілік мүмкіндігіне ие, қоғамда әлеуметтік шиеленісушілікті ұлғайтуға, әртүрлі деңгейдегі жанжалдарды тұтатуға қабілетті, тіпті кейде оған барабар тиімді қарсы әрекет шаралары қарсы қойылмаса, тұтас мемлекетті жояды.

Қазіргі заман тарихы беттерінен бұл қағиданы растайтын көптеген мысалдарды білеміз. Атап айтсақ, үнді штаттары Пенджаб пен Кашмирдегі қанды қақтығыс, Югославиядағы әскери іс-қимыл, Шри-Ланкедегі лаңкесті тамилдер немесе Түркиядағы күрдтер белсенділігі, бұлардың барлығы ұлтшылдықтан шығатын қауіпсіздік қаупінің жоғары деңгейінің мысалы. Сондай-ақ, мәскеулік «демократтар» белсенді түрде қолдаған Балтық жағалауындағы республикалардағы ұлтшылдық құбылыстар, Таулы Карабахтағы армян-әзербайжан жанжалы, Орталық Азия Республикаларындағы, Украинадағы, тіпті Ресейдегі ұлтшыл-сепаратистік іс-әрекеттер КСРО-ның жойылуына да әкелді (Современный терроризм: состояние и перспективы, 2000: 98). Бірақта Кеңестер Одағы ыдырағаннан кейін де ұлтшылдық жаңадан құрылған мемлекеттер шекараларында өзінің бүліншілік ықпалын тоқтатқан жоқ. Ол темірді жейтін тот сияқты Тәуелсіз Мемлекеттер Достастығының көптеген елдеріндегі қоғамдар мен мемлекеттердің

негізін әлсіретуде. Бұған дәлел Шешенстандағы орын алған оқиғалар, бейбіт өмір сүріп жатқан қаншама мыңдаған халықтың өмірін қиған. Бұл оқиғалар ұлтаралық қатынасты уақытында реттеу мәселесіне өкіметтің немқұрайлы қарауы, саяси, экономикалық сипаттағы ауыр кешірілмейтін зардаптарға әкелгендігінің айғағы болды. Сонымен қатар бұл оқиға – ұлтшылдық пен лаңкестіктің тығыз өзара байланыста екендігін айқын паш етіп көрсетті.

Лаңкестік әртүрлі мәнді фактілердің кең ауқымын анықтайды. Бірақта солардың ішінен сондай күшті, терең және ұзақ уақытты лаңкестіктің салдарларын тудыратын ұлтшылдықты табу мүмкін бе?

Ұлтшылдық адамның өте терең және сезімтал психологиялық қасиеті, ол сыртқы кейбір оң және теріс қимылдарға тез тітіркене қалатын қабілетке ие. Ұлттық намысқа сырттан кемсітушілік байқалған жағдайда осы ұлт өкілінің бойында тез арада біржақты келеңсіз әрекет етушілік байқалады. Адам бойындағы осындай қасиетті кейбір топ өз мақсатында пайдалануға ұмтылады. Осының негізінде лаңкестіктің ұлтшылдық сипаты да бүгінгі күні кең етек алуда. Ұлттық сезімге әсер еткен дақ көп уақытқа дейін жойылмауы да мүмкін. Бұл тіпті ұрпақтан ұрпаққа беріледі. Мысалы, XIX ғасырдың аяғы – XX ғасырдың басындағы армян халқын түріктердің жаппай қырып-жоюы армян халқының тарихи жадында терең із қалдырды, бұл бүгінгі күні Арменияның Түркия және Әзербайжанмен қатынасына өзіндік әсерін тигізуде. Немесе Ресейдегі шешен халқының орыстарға, федералды әскерге деген өшпенділігі оларға кезінде, XX ғасырдың 40-жылдарындағы кеңестік одақ жағынан жасалынған қысымшылдық, ұлт өкілдерін жер аудару негізінде туғандығы сөзсіз. Осындай сәтті пайдаланып экстремистік топтар, ұйымдар нақтылы мақсаттарын жасырып, сол мақсатқа жетуде халықтың ұлттық сезімімен бүркеніп іс-әрекет жасағаны белгілі.

Қазақстан Республикасының «Экстремизмге қарсы тұру туралы» 2005 жылғы 18 ақпандағы № 31 заңының 1-бабына сәйкес: «Экстремизм – бұл жеке және (немесе) заңды тұлғаның, белгіленген тәртіппен экстремистік деп танылған ұйымдар атынан жеке және (немесе) заңды тұлғалар бірлестігінің әрекеттер ұйымдастыруы және (немесе) жасауы; нәсілдік, ұлттық және рулық алауыздықты, оның ішінде зорлық-зомбылықпен немесе зорлық-зомбылыққа шақырумен байланысты алауыз-

дықты қоздыруды (ұлттық экстремизмді); діни өшпенділікті немесе алауыздықты, оның ішінде зорлық-зомбылықпен немесе зорлық-зомбылыққа шақырумен байланысты өшпенділікті немесе алауыздықты қоздыруды, сондай-ақ азаматтардың қауіпсіздігіне, өміріне, денсаулығына, имандылығына немесе құқықтары мен бостандықтарына қатер төндіретін әрекеттер ұйымдастыруы және (немесе) жасауы деп айқындалған (Экстремизмге қарсы тұру туралы, 2005). Осыдан-ақ экстремизмнің саяси астарлы әрекеттерге негізделетіндігін аңғаруға болады. Ал қазіргі сәтте экстремистік мақсаттарға жету немесе бұл қызметтің дәйектемесі лаңкестіктік іс-әрекеттермен жалғасуда.

Қорытынды

Жалпы лаңкестік жөніндегі анықтамаларды сараптай келіп, оның көпшілігі саяси мақсатқа жетуге ұмтылуда зорлық-зомбылық тәсілдерін пайдалана отырып тек мемлекетке, саяси жүйесіне қарсылығымен де шектелетіндігін байқауға болады.

Лаңкестікті саяси және идеологиялық мақсаттарға жетудегі қандайда топтың күштеу әдістерін пайдаланатындығымен байланыстыра отырып, лаңкестіктің шығуы мен дамуына әлеуметтік қайшылықтардың да жан-жақты ықпал ететіндігі айқын. Әлеуметтік құбылыс ретінде лаңкестік көпқырлы. Ол экстремистік лаңкестіктік идеологияны, терроризмнің қандайда түрін жүзеге асыру үшін ұйымдастырушылықтың тұтас құрылымын, лаңкестіктік тікелей іс-әрекетін өз бойына сіңірген деп айтуға болады.

Лаңкестіктің мәні жағынан әлеуметтік-саяси құбылыс екендігін білдіретін негізгі белгілеріне көңіл аударатын болсақ, оның қатарына үрей туғызу мен зорлық-зомбылықты пайдалануы; жабайы лаң салушылық әрекеттерінің негізінде баспасөзде жарнама жасауы арқылы қоғамға жария етуі; саяси қарсыластарының әлсіреуіне, өздерінің саяси ұстанымының нығаюына, яғни саяси мақсаттарға жетуге бағытталуы; лаң салушылардың өз мақсаттарына жетуде қоғамға, жеке тұлғаларға қауіп төндіретін кез келген құралды пайдалануына дайындығы; лаңкестіктің құбылыс ретінде заңсыздығы, қоғамдық ізгілік пен негізгі құқық парықтарына қарама-қайшылығы; құпия әрекет етуді лаңкестіктік құрылымның өмір сүру шарты ретінде пайдалануы жатады.

Ал ұлтаралық шиеленістерді тудыру лаңкестік топтардың өзіндік пайдасына негіз-

делетіні белгілі. Сол себепті де ұлтаралық шиеленістердің алдын алу, лаңкестік топтардың ұлттық намысты өз мақсатында пайдалануға жол бермеу үшін жергілікті билік ұлтаралық қатынастағы мәселелерге өте ұқыпты қарап, өзара тиімді шешімін таба білуі қажет. Олар барлық саяси, экономикалық, әкімшілік шешім қабылдау барысында оның салдарына көз

жіберіп, ұлтаралық қатынастарға ешқандай қиямет жасалынбайтындығын бағдарлай білуі тиіс, сонда ғана келеңсіз жағдайдың алдын алу мүмкіндігі ұлғаяды.

Жалпы лаңкестікті ғылыми негізде сараптау, оған тән сипаты мен түрін айқындау ұлттық қауіп туғызатын лаңкестіктің алдын алатын жүйенің қалыптасуына зор септігін тигізетіндігі анық.

Әдебиеттер

- 1 «2020 жылға дейінгі Қазақстан Республикасының Стратегиялық даму жоспары» 2010 ж. 1 ақпандағы Қазақстан Республикасы Президентінің № 922 Жарлығы // <http://adilet.zan.kz/kaz/docsU100000922>. 09.10.2017.
- 2 «Қазақстан Республикасында 2013-2017 жылдарда діни экстремизм мен лаңкестікке қарсы әрекет ету туралы Мемлекеттік бағдарлама» 2013 ж. 24 қыркүйектегі Қазақстан Республикасы Президентінің № 648 Жарлығы // <http://adilet.zan.kz/kaz/docsU1300000648>. 19.09.2017.
- 3 «Ресей Президенті В.В. Путиннің 11 қыркүйектегі АҚШ-тағы оқиғаға қатысты сөзі» // Егемен Қазақстан. 13.09.2003 ж. № 174.
- 4 Современный терроризм: взгляд из Центральной Азии: А.Г. Косиченко, М.С. Ашимбаев и др. – Алматы: Дайк-Пресс, 2002. – 213 с.
- 5 Хоффман Б. (2003) Терроризм взгляд изнутри / пер с англ. Е. Сажина. – М.: Ультра. – 264 с.
- 6 Дикаев С.У. (2006) Террор, терроризм и преступления террористического характера. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс». – 464 с.
- 7 Василенко В.И. (2002) Терроризм как социально-политический феномен: монография / Под общ. ред. А.А. Прохожева. – М.: Изд-во РАГС. – 220 с.
- 8 Зеленков М.Ю. (2016) Терроризм – крайняя форма экстремизма и современная угроза национальным интересам России // <http://nic-pnb.ru/terrorizm-ekstremizm-separatizm/terrorizm-krajnyaya-forma-ekstremizma/>
- 9 Крылов Н.Б., Решетов Ю.А. (1987) Государственный терроризм – угроза международной безопасности // Советское государство и право. – М.: Наука, №2. – С. 78-84.
- 10 Алексеев О.Н. (2012) Причины, предпосылки, условия возникновения и распространения международного терроризма // Социально-экономические явления и процессы. – М.: Наука, № 2. – С.134-140.
- 11 Винов Д. (2014) Размышления о современном терроризме // Система ценностей современного общества. – Новосибирск: ООО «Центр развития научного сотрудничества», №34. – С. 97-106.
- 12 Гушер А.И. (2006) Лицо современного международного терроризма. – М.
- 13 Грачев С.И. (2010) Терроризм и контртеррористическая деятельность: вопросы теории: учебное пособие. – Нижний Новгород: ФМО/ИСИ ННГУ им. Лобачевского. – 242 с.
- 14 Дашкова С., Карчагин Е. (2013). Идея справедливости в терроризме // Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, №8(34): в 2-х ч. Ч. I. – С. 70-74.
- 15 Жадан В. (2016) Некоторые вопросы о международном терроризме и его угрозе для мирового сообщества // Таврический научный обозреватель. – Ялта: ООО «Межрегиональный институт развития территорий», февраль. №2(7). – С. 77-78.
- 16 Кожушко Е.П. (2000) Современный терроризм: анализ основных направлений. – Минск: Харвест. – 446 с.
- 17 Мюнклер Х. (2004) Терроризм сегодня: Война становится асимметричной: пер. с нем. / Мюнклер Х. // Иностранная литература. – С. 218-225.
- 18 Exoo C.F. (2010) The Pen and the Sword: Press, War, and Terror in the 21st Century. Los Angeles; London: SAGE Publications.
- 19 «Терроризмге қарсы күрес туралы» Қазақстан Республикасының 1999 жылғы 13 шілдедегі № 416 заңы // <http://adilet.zan.kz/kaz/docsZ990000416>. 17.08.2017.
- 20 Современный терроризм: состояние и перспективы. (2000) / под ред. Е.И. Степанова. – М. – С. 98
- 21 «Экстремизмге қарсы тұру туралы» Қазақстан Республикасының 2005 жылғы 18 ақпандағы № 31 заңы // Егемен Қазақстан. 26.02.2005 ж. № 40-41.

References

- 1 Alekseev O.N. (2012) Prichiny, predposylki, usloviya vzniknoveniya i rasprostraneniya mezhdunarodnogo terrorizma [Reasons, premises, conditions of origin and distribution of the international terrorism] // sotsialno-ekonomicheskie yavleniya i protsessy. – М.: Nauka, № 2. – S.134-140.
- 2 Binov D. (2014) Razmyshleniya o sovremennom terrorizme [Speculations about the modern terrorism] // Sistema tsennostei sovremenno go obshestva. – Novosibirsk: ООО «Sentr razvitiya nauzhnogo sotrudnishectvo». №34. – S. 97-106.

- 3 Dashkova S., Karchagin E. (2013) Ideya spravedlivosti v terrorizme [The idea of justice in terrorism] // Voprosy teorii i ipraktiki.-Tambov:Gramota. №8(34): v 2-hCh.I. -S.70-74.
- 4 Dikayev S.U. (2006) Terror, terrorizmi prestuplmiya terroristisheskogo kxaraktera. [Terror, terrorism and crimes of terrorist character] – SPb.: Izd-vo «Yuridicheskii tsentr Press». -464 s.
- 5 Exoo C.F. (2010) The Pen and the Sword: Press, War, and Terror in the 21stCentury. Los Angeles; London: SAGE Publications.
- 6 «Extremizmge qarsy turu turaly» [About counteraction to extremism] Qazaqstan Respublikasynyng 2005 zhylyg 18 aqbandagy № 31 zangy // Egemen Qazaqstan. 26.02.2005 zh. № 40-41.
- 7 Grachev S.И. (2010) Terrorizm и kontrterroristicheskaya deyatelnost: voprosi teorii. [Terrorism and counterterrorist activities: theory questions] Uchebnoe posobie: Nizhnii Novgorod: FMO/ИСИ NNGU im. Lobachevskogo.-242 s.
- 8 Gusher A.U. (2006) Litso sovremennogo mezhdunarodnogo terrorizma. [Person of the modern international terrorism] –M.
- 9 Hoffman B. Terrorizm vzglyad iznutri [Terrorism look from within] // Pers angl. E.Sazhina. -M.:Ultra. -2003. -264 s.
- 10 Jadan B. (2016) Nekotorie voprosy o mezhdunarodnom terrorizme i ego ugroze dlya mirovogo soobshestva [Some questions of the international terrorism and its threat for the world community] // Tavricheskii nauchnyi obozrevatel. –Yalta:OOO «Mezhregionalnyi institut razvitiya territorii», fevral. №2(7).-S.77-78.
- 11 Kozhushko E.P. (2000) Sovremenniy terrorizm: analiz osnovnyh napravlenii. [The modern terrorism: analysis of the main directions] -Minsk:Harvest. -446 s.
- 12 Krylov N.B., Reshetov Yu.A (1987) Gosudarstvennyi terrorizm – ugroza mezhdunarodnoi bezopasnosti [The state terrorism – threat of the international security] // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. –M.:Nauka, №2. -S.78-84.
- 13 Myunkler H. (2004) Terrorizm segodnya: Voina stanovitsya asimmetrichnoi: [Terrorism today: War becomes asymmetrical] per. snem./ Myunkler H// Inostrannaya literatura. –S.218-225.
- 14 «Qazaqstan Respublikasynda 2013-2017 zhyldarda dini extremism men langkestikke qarsy areket etu turaly Memleketik bagdarlama» [STATE PROGRAM on counteraction to religious extremism and terrorism in the Republic of Kazakhstan for 2013 – 2017] 2013 zh. 24 qyrkuyektegi Qazaqstan Respublikasy Prezidentining № 648 Zharlygy // <http://adilet.zan.kz/kaz/docsU1300000648>. 19.09.2017.
- 15 «Resei Prezidenti V.V.Putinning 11 qyrkuyektegi AQSh-tagy oqigaga qatysty sozi» [The speech of the President of Russia V.V. Putin apropos an event on September 11 in the USA] // Egemen Qazaqstan.13.09.2003 zh. № 174.
- 16 Sovremenniy terrorizm: sostoyanie i perspektivy. [The modern terrorism: status and perspectives] (2000) Pod red. E.I.Stepanova. -M. -S.98
- 17 Sovremenniy terrorizm: vzglyad iz Tsentralnoi Asii. [The modern terrorism: a look from Central Asia] A.G.Kocichenko, M.S.Ashimbayev I dr. –Almaty:Daik-Press, 2002. -213 s.
- 18 «Terrorizmge qarsy kures turaly» [About counteraction to terrorism] Qazaqstan Respublikasynyng 1999 zhylyg 13 shildegi № 416 zangy // <http://adilet.zan.kz/kaz/docsZ990000416>. 17.08.2017.
- 19 Vasilenko V.I. (2002) Terrorizm kak sotsialno-politicheskii fenomen. [Terrorism as socio-political phenomenon]. Monografiya / Obsh. red. A.A.Prokhozhev. -M.:Izd-vo RAGS. -220 s.
- 20 Zelenkov M.Yu. (2016) Terrorizm – krainyaya forma ekstremizma i sovremennaya ugroza natsionalnom interesam Rossii [Terrorism – the extreme form of extremism and the modern threat to the national interests of Russia] // <http://nic-pnb.ru/terrorizm-ekstremizm-separatizm/terrorizm-krajnyaya-forma-ekstremizma/>
- 21 «2020 zhylda deingi Qazaqstan Respublikasynyng Strategiyalyq damu zhospary» [The strategic development plan for the Republic of Kazakhstan till 2020] 2010 zh. 1 aqbandagy Qazaqstan Respublikasy Prezidentining № 922 Zharlygy // <http://adilet.zan.kz/kaz/docsU100000922>. 09.10.2017.

Balaubayeva Binur¹, Idrysheva Zhazira²

¹Candidate of Historical Sciences, Associate Professor e-mail: binur77@mail.ru tel.: +7 778 518 7799

²Candidate of Historical Sciences, Associate Professor e-mail: idrysheva7@gmail.com, tel.: +7 701 737 4438

Chair of International Relations and World Economy, of Department of International Relations
of Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan,

MASS CULTURE IN JAPAN IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

Currently, Japan is actively promoting itself as a regional center of globalization. On the basis of new global problems Japan seeks to revise its cultural strategy. This is the development of mass culture, as it stimulates the rapid improvement of consumer society and the emergence of new technologies. After that, we can say that sites for anime and manga are growing rapidly. The main problem is the emergence of a new humanitarian image of Japan and its cultural technologies based on ultra-new technologies. Now in Japan the importance and role of cultural exports, which is a form of «soft power» is understood. According to the concept proposed by the Advisory Council on Cultural Diplomacy of Japan, the prevalence of national mass culture is usually seen as a starting point for understanding Japan. Japan is a pioneer in the field of «globalization». Japanese research is a process that dominates, is assimilated and influenced by Japanese culture, than other cultures. Now Japan is a phenomenon in the world of globalization that allows transforming Western cultural values to the East and making maximum efforts to produce products of the national cultural industry and providing new opportunities for a civilized dialogue. Many cultural projects in Japan form global trends in spiritual and material life. As the new regional center of globalization processes Japan is actively promoting the emergence of a new global cultural space, promoting the way of life of millions of people in the West and in the East.

Key words: globalization, Japan, mass culture, cultural diplomacy, glocalization.

Балаубаева Бинүр¹, Идрышева Жазира²

¹тарих ғылымдарының кандидаты, доцент м.а., e-mail: binur77@mail.ru, тел.: +7 778 518 7799

²тарих ғылымдарының кандидаты, доцент м.а., e-mail: idrysheva7@gmail.com, тел.: +7 701 737 4438

әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, халықаралық қатынастар және
әлемдік экономика кафедрасы, Алматы қ., Қазақстан,

Жаһандану жағдайындағы Жапониядағы бұқаралық мәдениет

Жапония қазір өзін әлемдік жаһанданудың аймақтық орталығы ретінде белсенді көрсетуде. Жаңа жаһандық міндеттер негізінде Жапония өз мәдени стратегиясын қайта қарастыруға мүдделі. Бұл үшін жалпыға тән бұқаралық мәдениетті дамытуы, себебі бұл тұтынушы қоғамының болмысы және жаңа технологиялардың жылдам дамуын ынталандырады. Осыдан кейін аниме мен мангаға арналған сайттардың жылдам өсуін айтуға болады. Басты мәселе – Жапонияның жаңа гуманитарлық имиджі мен оның ультра жаңа технологияларға негізделген мәдени технологиялардың пайда болуы. Қазір Жапонияда «жұмсақ күштің» бір формасына жатқызылатын мәдени экспорттың үлкен маңызы мен рөлін жақсы түсінеді. Жапонияның мәдени дипломатиясы жөніндегі Консультативті кеңесі ұсынған тұжырымдама бойынша ұлттық бұқаралық мәдениеттің таралуы жалпы Жапонияны түсіну үшін бастапқы саты деп көрсетіледі. Жапония – «глокализация» саласындағы пионер болып табылады. Жапондану – жапон мәдениетінің басқа мәдениеттерге қарағанда доминант болатын, ассимиляцияланатын және оларға өзінің ықпалын тигізетін үрдіс. Батыстың мәдени құндылықтарын Шығыс үшін арнап трансформациялау мүмкіндігін қамтамасыз етіп және әлем нарығына ұлттық мәдени индустрияның өнімдерін шығару үшін максималды ұмтылыстар жасап, өркениет аралық диалогқа жаңа мүмкіндік берген Жапония жаһандану әлемінде қазір ерекше құбылыс болып отыр. Жапонияда жасалған көптеген мәдени жобалар жаһандық масштабта рухани және материалдық өмірдің бағыттарын қалыптастырады. Жапония

мәдени саладағы жаһандану үрдістерінің жаңа аймақтық орталығы ретінде жаңа жаһандық мәдени кеңістіктің пайда болу үрдісіне белсенді атсалысуда, яғни Батыс пен Шығыстағы миллиондаған адамдардың өмірі мен көзқарасының жаңа өмір салтын насихаттауда.

Түйін сөздер: жаһандану, Жапония, бұқаралық мәдениет, жапондану, мәдени дипломатия, «глокализация».

Балаубаева Бинур¹, Идрышева Жазира²

¹кандидат исторических наук, и.о. доцента, e-mail: binur77@mail.ru, тел.: +7 778 518 7799

²кандидат исторических наук, и.о. доцента, e-mail: idrysheva7@gmail.com, тел.: +7 701 737 4438
кафедра международных отношений и мировой экономики факультета международных отношений
Казахского национального университета имени аль-Фараби, г. Алматы, Казахстан

Массовая культура в Японии в контексте глобализации

В настоящее время Япония активно продвигает себя в качестве регионального центра глобальной глобализации. На основе новых глобальных проблем Япония стремится пересмотреть свою культурную стратегию. Это развитие массовой культуры, поскольку оно стимулирует быстрое развитие потребительского общества и появление новых технологий. После этого можно сказать, что сайты для аниме и манги быстро растут. Главная проблема заключается в появлении нового гуманитарного образа Японии и его культурных технологий, основанных на ультра-новых технологиях. Теперь в Японии понимают важность и роль культурного экспорта, который является формой «мягкой силы». Согласно концепции, предложенной Консультативным советом по культурной дипломатии Японии, распространённость национальной массовой культуры обычно рассматривается как отправная точка для понимания Японии. Япония является пионером в области «глобализации». Японские исследования – это процесс, который доминирует, ассимилируется и под влиянием японской культуры, чем другие культуры. Япония сейчас является феноменом в мире глобализации, позволяющим преобразовать западные культурные ценности на Восток и прилагать максимальные усилия для производства продуктов национальной культурной индустрии и предоставления новой возможности для цивилизованного диалога. Многие культурные проекты в Японии формируют глобальные тенденции в духовной и материальной жизни. Являясь новым региональным центром процессов глобализации в Японии, она активно содействует появлению нового глобального культурного пространства, пропагандируя образ жизни миллионов людей на Западе и на Востоке.

Ключевые слова: глобализация, Япония, массовая культура, японизация, культурная дипломатия, «глокализация».

Introduction

Japanese traditional culture is unique and exquisite, it is full of contradictions in the spiritual world. On the other hand, compared to the Chinese culture, there is more ambiguity, more authenticity, and it is less luxurious.

The Japanese national psychology, like any other ethnic society, is shaped by the past experiences and new discoveries especially the essence of the old is growing.

It is clear that traditions in Japanese society have been copied, and then nationalized by cultural and daily elements. Japanese people are attentive to ancient cultural heritage, which have preserved their cultural values such as classical theater, tea ceremony and ikebana. In modern dynamic society, Japanese seek for stability and find it in traditional forms of art.

Theoretical-methodological bases of the article

The scientific basis of the research is the interdisciplinary approach, historical method, comparative analysis method, document analysis method, phenomenal analysis method, classification method, questionnaire research, as well as elements of dialectics and thesaurus.

The basis of the study was the general cultural-philosophical approach. The theoretical and methodological bases of the research are the fundamental cultural and philosophical rules of works of G. V. F. Hegel, F. Nietzsche, P.A. Sorokin, N.A. Berdyaev, K. Yespier, A. Toynbee, A. Kamy, N. Danilevsky, O. Shpengler.

To understand the philosophical aspect of the culture of globalization, H. Baffy, K. Ivabuti, A. Kozhev, F. Fukuyama, S. Huntington's works were important.

Discussion

The problem of cultural globalization in the contemporary world is of great interest to scientists around the world. However, most of the literature on globalization and globalization science is devoted to contemporary trends, such as economics, computer science, and politics. The literature on the cultural and socio-cultural aspects of globalization processes is very low. As for the globalization of culture and its peculiarities and features in Japan, it is rare to find studies that cover all aspects and contradictions of this process and studying this process from the point of view of philosophical culture and culture itself.

Scientists, who are studying globalization, see modern phenomena and globalization processes as a new stage in human history. For these scientists, the liberation of western liberal democracies destroys the national borders of states and contributes to the creation of global civilization based on common cultural, social and political standards. As for culture, the process of globalization causes a global culture to adapt to the mass culture. These are true points of view: In the Ohmae's work «Infinite world: power and strategy of interrelated economy» (Ohmae, 1999;), F. Fukuyama's book, «The End of History and the Last Man» (Fukuyama, 2004).

The issue of the impact of globalization on the cultural development process was emphasized by P. Berger in the article «Dynamics of Cultural Globalization» (Berger, 2004), T. Kuznetsova in the article «Culture Time» (Kuznetsova, 2006).

The impact of globalization on Japan and Japanese culture is analyzed in the works of V. M. Alpatov «Japan: Language and Culture» (Alpatov, 2008), V.P. Molodyakov's «Modeling of Japan's Image» (Molodjakov, 1998); In M. Titarenko's article titled «The Global Importance of Internationalization of Japanese Spiritual Culture» (Titarenko, 1993), S.V. Chugrov's article «On Combination of Tradition and Modernism in Contemporary Japanese Thinking» (Chugrov, 2001).

Japanese Tradition culture and national identity analyzed in such books as R. Bell's «The Japanese Tradition and Its Modern Interpretation» (Bell, 2003), E. Caribe's «The Traditional Japanese Compatibility» (Caribe, 2004), T. Sakaia's «What's Japan?» (Sakaia, 1992), D. G. Glaveva's «Traditional Japanese Culture: Peculiarity of the Worldview» (Glaveva, 2003), S. V. Chugrov «Japan defines its Identification before Globalization: From East to West» (Chugrov, 2008).

The problem of spreading of mass culture in the period of globalization was discussed by K. Ivabuti (Iwabuchi, 2002), also studied in E. Katasonova's «Japanese culture in the context of globalization: a view from Japan» (Katasonova, 2002), «Japan: The Problems of Western Civilization» (Katasonova, 1999).

At the beginning of the XXI century globalization process occupied most of the world space and divided it into two parts: «central» and «periphery».

Until now, global trends have not only expanded its geography, but have also captured key areas of world community life. It conquered not only the economy but also politics and culture. In this case, cultural globalization can be viewed as a subject of personal study.

Due to new trends in recent decades, globalization's trajectory has changed dramatically: the universally recognized world center, along with the United States, as well as so-called «specializing» and «regional center» and other leading countries, including Japan have appeared. Japan is now actively promoting itself as a regional center of global globalization (Hannerz, 1989: 69-75).

In the beginning of the 21st century, Japan has turned its interests into culture, including the most popular and easily accessible mass culture (mass culture), to preserve its leading position in the world and to have an active influence on world trends. «Time» magazine outlines the new foreign policy strategy: «While Japan loses its position as an industrial giant, the role of the country as an exporter of new trends in modern music, art, fashion, design and other mass culture is increasing... «Pokemon» won the hearts of schoolchildren in 65 countries of the world and 65% of all products in the field of animation are produced in Japan... In the last decade, Japan's industrial exports grew by 20%, while its cultural exports tripled and reached \$12.5 billion.

Researchers Allen and R. Sakamoto say that: «Japan's modern mass culture has been able to create an alliance with globalization that has enabled its worldwide access» (Allen, 2007: 12). It tells about the dramatic growth of Japanese cultural forces and public ambitions and the desire for Japanese to be the center of scattered civilizations. Japan sees itself as a highly focused, active force, a global and regional center of gravity. In the early 80's, Japan was aggressively focused on the economic space of the world, while other countries accused it of being passive. Well-known Japanese writer, Nobel laureate Can Kendzaburo, and other Japanese intellectuals are actually opposed to this situation. Kendzaburo

wrote to his foreign readers: «You all know how wonderful the car Honda is, but we, Japanese, do not care about Honda. It is only a matter of sorrow that you are not familiar with our cultural life» (Iwabuchi 2002: 2).

In the early 80's, the Japanese government took the lead in promoting national culture abroad to bring its cultural potential to the level of its economic success, as well as to create cultural preconditions for further prosperity of business. The policy in this direction is based on history and not on the future. Many countries are mainly represented by Japanese exotic, such as samurai films, medieval plays like Noh and Kabuki, an exhibition of ancient Japanese paintings, Japanese works of nature and ancient architecture, royalty, traditional ikebana art, sumo fighters and other types of sport and more. Japanese culture, based on its distinctive features had limited world-class features.

Familiarity with traditional Japanese culture is of interest to the country, but the demand of many countries is based on modernity, democracy, universality and new technologies. That demand was able to satisfy the American mass culture that was then the only and absolute leader in the global world.

In the late 90s of the twentieth century, influence on the cultural industry market was divided among six major transnational corporations. They are: «Sonia», «Time Warner», «Walt Disney», «Sigram», «News Corporation» and «Viacom». All of them were Hollywood studios of global significance. They were viewed as «workshops of ideas» that defined the policy, aesthetics and form of the cultural industry – satellite television, radio, cable line, sound recording, press, and so on. The struggle between them is not inferior to competition and competition within the framework of industrial culture. The problem is that there are sometimes 50-60 million spectators and listeners. According to Steeger, the president of the «Sony» Corporation in the USA: «Each house will become a battlefield.»

The development of communicative systems and the emergence of new technologies, cable and space television, and computer networks have created a common global space. This space requires new information for common use and news that can generate new ideas on its basis. That is when Japan's technical potential was in demand. Japan presented its technologies and peculiarities to the benefit of many nations in the world by seeking to eradicate «Americanization», which eliminates their own national culture and spiritual values. Based on these new global challenges, Japan was interested in

revising its cultural strategy. The society and political circles realized that they could not achieve cultural leadership through preaching their cultural identity. The reason is that it is difficult for foreigners. For this purpose, it was necessary to develop a mass culture, as it is the essence of the consumer society and stimulates the rapid development of new technologies.

After that, Japan has chosen the aggressive form of its cultural invasion. The evidence for this is the rapid growth of anime and manga websites (now over 10,000). Japanese companies are interested in increasing the popularity of these sites to cover the maximum audience. Quickly discussing this issue and quickly accessing the information is what keeps the customers of this genre alive. In this field, the Japanese government carries out its work in three main areas:

1. New qualitative features of any product offering;
2. Providing the interest of all groups of the population;
3. Adapting material to any regional and local situation.

The Japanese society understood earlier that Japan was not just an active participant in the process of globalization but that it would be beneficial for its own benefit. The main issue was the emergence of a new humanitarian image of Japan and its cultural technologies based on ultra-new technologies.

Now Japan understands the importance and role of cultural export, which is a form of «soft power». Moreover, there is no doubt that cultural values are the priority here. Their prevalence in the other world, firstly, should reflect the historical significance of Japan and its centuries-old culture for the global heritage. Here is logic: to understand Japan it is necessary to recognize the basics of its history and culture, and its current cultural form is only a small part of various ideological and commercial factors. However, this can be the shortest way to the deeper surfaces of Japanese history and culture.

Therefore, according to the concept proposed by the Japan Cultural Diplomacy Advisory Council, the prevalence of national mass culture is generally the starting point for understanding Japan. This concept includes the following conclusions: «Aesthetic feelings and traditional visualization skills are demonstrated in cultural products such as manga and anime.» The authors of the concept describe them as a new image of cultural traditions of the country. «It is very important for ordinary people to enter the world market and to give them easy access to Japanese culture in the century that affects

political, economic and social issues. They can find the many values that await them and enter into this world. «According to the authors of the concept, «Japan is faced with the task of «bringing up new anime generation»» (Japan echo web).

In fact, this is just a sign of ambitious aspirations of Japan, which has a great impact on the emergence of new world spiritual values. But it is not only aggressive mood of the ruling elites that the future generations are «the mind-blowers», but also the immense values and moral norms in the new trends they offer to the world such as anime. The Japanese press has slowly disseminated these ideas, now they find supporters among foreign researchers, and in their work, the concept of «Japanese embodiment» has appeared.

Researchers T. Elger and K. Smith use this term in their book «Global Japanization» by analyzing Japanese management as well as everyday and spiritual culture, they even put it on the same level with terms «Americanization» and «Westernization» (Elger Tony, 1994: 31-59).

Japanization is a process where Japanese culture dominates, assimilates and has influence to other cultures (Japanization).

However, it is still early to talk about the process of «Japanization» and comparing it with the process of «Americanization» creates difficulties. The reason is that «Americanization» is essentially a widespread distribution of American culture and its system of privileges, values, lifestyle, spiritual ideals and etc. It is clear that the «Americanization» is based on objective reasons such as the US economic and political leadership in the world and subjective reasons, like purposeful dissemination of North American culture.

«Business Week» magazine: «Japanese culture has become a big business in the United States ... The Japanese culture industry is entering all spheres of life, beginning with pop culture and toys.... these products have never been so widely available and these cartoons reach a larger audience than channels» (Business weeks).

This tendency is getting more popular in Asian countries. For example, the export of musical and television programs has increased from 5.5 billion yen in 1998 to 14.6 billion yen in 2002 and totaled about 200 billion yen 5.5 in 9 countries of South – East Asian Region . In 1970 the number of Japanese TV programs reached 2200, in 1980 its number was 4585, in 1992 – 19540, now it is more than 35000.

In addition, some experts pay attention to the phenomenon of «non-direct Japanization». Its essence is that Japanese cultural products come from

other countries as a result of their cultural influence, not directly from Japan. At the early stage of the «Japanization» cultural products were distributed directly from Japan. After a certain period of time, the countries which accept this product become the additional centers of «Japanization», forming a matrix for reaching the high level of this process.

For example, the Spanish version of the anime «Pretty Guardian Sailor Moon» was translated into Spanish and adapted to local traditions and then it had been sold to all Latin American countries. Another example is that Japanese cuisine spread out in the Netherlands, from England and the United States. Japanese scientist, Tamamura Toyoo, analyses such kinds of examples of the «non-direct Japanization» tendency in his book «Kaiten-Susi» (Tamamura Toyoo, 2000: 5).

Authors of the idea of «Japanization» confirm that Japanese popular culture takes a second place after the American popular culture. Therefore, its sources should be searched in United States. But, according to them, the Japanese popular culture has become more popular than other countries because of its special and original national features. In the contemporary world, Japanese popular culture has a special appeal and demand throughout the world.

Although, the Japanese popular culture, built up its national identity on its basis, but it has copied its overall structure from the United States. Owing to these familiar factors, Japanese music and common literature are gaining momentum not only in Asian, but also in European markets. Nevertheless, without the main national basics, the Japanese popular culture would be a simple replication of Western culture. Cultural Scientist Iwabuchi Koichi says: «Japan offers a unique alternative to western pop culture, thus to make it easier to understand and more appealing in East Asia» (Befu Harumi, 2003: 9). According to him, the origins of Japanese culture should be searched in West. Japan has adapted this original and adapted it to Asian countries. That means that Japanese pop music, television, and anime have their original source in West.

It is well-known for all scientists who are interested in Japanese cultural life, that Japan is actively pursuing its culture to Asia, based on a strategic nature and to eliminate negative emotions which still exist in Korea and China. Today, culture is closely connected with modern communication system and creates favorable conditions for Japan's image as a «global player», able to adapt to new geopolitical situations.

An example of this can be seen in a number of sophisticated and counterproductive cultures that

are still preserved in South Korea. On the one hand, Japanese popular culture has the greatest popularity, and on the other hand, entering Japanese cultural industry into Korean market has not been banned.

Thus, until 1998, the release of Japanese movies in Korea was legally punishable. It was difficult to show even American movies with Japanese actors. Also, the distribution of Japanese popular music in Korea was banned. And in Korea's best university – Seoul National University there was no Japanese language department until recently. The reasons for these were armed conflicts of two countries in history and colonial regime of Japan for 35 years. So it's clear that, older Koreans are suspicious of all Japanese news. But it is possible to see a different mood and enthusiasm for all Japanese items among Korean youth. Popular Japanese art lovers are mostly citizens between the ages of 13 and 22. As a result of survey conducted at the Seoul National University, 65.5% of respondents expressed their support for further development of contacts with Japan, and 55% expressed their desire to get acquainted with the Japanese culture more accurately and deeply.

In length of time, Korean anti-Japanese feelings are raging. Nevertheless, Japan is one of Korea's closest neighbours and one of the major trading partners, a source of vital technology and has a large Korean diaspora.

Even so, Korea's interest in Japan's popular culture is rising. Japanese printing products take 85% of all magazines. And watching Japanese TV channels is no longer problem in Korea. In a word, general and youth cultures of Korea are amazed by Japanese culture.

In fact, Japan psychologically felt itself between America and Asia, but it is impossible to destroy its Asian image and be classified as a western country even if it is in the top three list by GDP in the world.

Before the war, the Japanese considered themselves not only as part of the Asian civilization, but also as a nation that civilizes it. Imperial features of the 30s of the 20th century can also be felt in the Japanese government and private structures. However, changes in the cultural strategy of the country – Japan's cultural diplomacy in Asia – is a reflection of Russell's «cultural imperialism» rather than «imperialism of power» (Chugrov, 2007: 338)

Asian listeners pay more attention to Japanese pop stars rather than American artists. «Asian artists with American costumes, hairstyle and behavior are worthy of their audience, because Asian pop idols are often sincere, and in every one of them, worshipers can find something similar to them. This proximity between the worshiper and the star

distinguishes the system of forming Japanese idols from the Hollywood system» – says Befu in his research (Japan Foundation Programs 7-8). Even so, that's the reason for the popularity of Japanese fashion and cosmetics in Asian countries, but often it is a physiological proximity: the similarity of body tissue, skin composition and etc.

Now analysts expect Tokyo to strengthen its position in the field of culture between Asia and the West and leave enough area for actions connected with China, which has a great influence on the region. According to British scientist H. Hook, «Modern tripartite communication between Japan, the US and East Asia depicts the globalization in this region. In addition to the globalization of the United States in Japan and Asia, the globalization of Japan in Asia considers too. «(Nihon Oyobi Nihonjin, 1918: 320).

Japan is a pioneer in the field of «glocalisation». Even the new concept of «glocalisation» was presented by Morita Akio, the head of the Japanese «Sony» corporation, and then found supporters from other countries at the XXII Global Social Congress in Madrid in 1982.

Regional cultures that have been modernized in process of «glocalisation» are combined with global culture, but have to adapt to new cultural conditions. Cultural anthropologists have called this tendency «cultural change» or «creolization» of the product. In this area of adaptation of cultural products, it is necessary to amend the peculiarities of the population in order to understand the markets and understand the internal individuality of consumer behavior and to effectively adapt the proposed cultural product.

For example, the distribution of manga and anime to other countries can cause some difficulties. It is a phenomenon that Japanese nationalism is not bound by the traditions of other nationalities and many others. This feature is determined by the peculiarity of the language of the Japanese comic culture.

The creator Osamu Tezuka, compares manga with Egyptian hieroglyphs, without which it is impossible to read ancient manuscripts. Similarly, it is difficult to understand the advantages and depth of many Japanese manga and anime, without knowing anything about visual symbols, symbolic, the basics of reading different cultural codes and associative images. That is why a complex adaptation of the Japanese comic culture to other countries will be made.

According to the researchers of the Kubo Masakazu and Anna Alison, the «Queen of Momonoke» and «Sailor Moon – the Pretty Soldier»,

known in Japan, was not lucky that they could not satisfy the taste of the American audience. Studying this situation, analyzing the reasons for the failure, Japanese authors of Pokemon have done a great job of adapting this tape to the US market. The name of the heroes, music, plot, etc., and 700 thousand dollars was spent.

Values are based on the image of the producer country for the cultural industry. For example, McDonald's restaurants and its main products are hamburgers in Asia without any adaptation. According to Iwabuchi, «the key issue here is the thoughtful image of a productive country, and in this case, McDonald's identity is linked to the American style of life» (Japanese programs: 11) In other words, the product price is also included in the value of American popular culture, which may even lead raising the ratings of American dishes that do not really taste good.

And the situation with Japanese goods is different. For many countries, the inscription «Made in Japan» immediately makes the product attractive and associated with the centuries-old culture, advanced technologies and achievements of the world economy. Nevertheless, a number of states will adhere to the same approach to the product created by linking Japan to negative military experience.

Researcher Christina Rosha comes to the conclusion that Japanese tea, spread in Brazil, is the result of «the fact that the Japanese descendants of Japanese immigrants retain their national tea traditions, local residents became interested in this ancient Japanese tradition. As in all other countries, Brazil has a tendency to ensure that all Japanese items are exotic and beautiful. Japan is the first non-European superpower that can be considered as a decorative trend in Brazil, without losing its mysterious and exclusive elements. Perhaps find this mystical motivation, perhaps, prompted the Brazilians to learn about tea.

While Japan is tied to a certain positive phenomenon, Japanese names, for example, names of national cuisine, are very attractive to consumers, and vice versa, Japanese values are more neutralized by national elements in societies that have negative feelings.

However, in case of great difficulties with such negative emotions, its producers use several methods. First, it is to demonstrate the psychological distance between Japan and Japan, which previously offered a high-quality product to eliminate negative emotions in the region and Japan, which previously showed themselves badly in military practice (Japan Fund Programs, 16). Consumer interest takes the first

place. Therefore, Japanese products can be called abroad, which means the principle of «corporate anonymization.» That is, a Japanese company has the right to choose any name in Japanese or English, for example, «Sony», «Panasonic», «Nikon», because the Japanese name can cause some problems on the street. Please note that Panasonic has a different name in Japan – Matsusita Danki.

Another example: The creator of «Sony Walkman» Kuroki Yasuo suggests that Japan's military experience boils down to minimizing all national characteristics in goods so that they can not remember. (Programs of Section 17 of the Japan Foundation).

It is likely that the government will further strengthen the process of «anonymization» so that the Japanese image can not be reduced. Goods can be spontaneously «anonymous». For example, animated films can be severely damaged and overcome their unique national characteristics. And for children, «Mighty Morphines. Alien rangers, «has undergone a comprehensive adaptation work for the American audience. The prevalence of this project, whose owner, American businessman Hume Saman, brought worldwide popularity and wealth. But the homeland project is not the United States, but Japan. In 1975, he appeared in a children's television program in Japan, where in 1993 he came to the United States.

Most of the exported anime products are eliminated from national characteristics, because it is a matter of keeping them from any problems arising from foreign audiences. This is especially true in Korea: the Japanese flag is translated into Korean, Japanese – Korean, etc.

However, «anonymization» – the removal of goods from the national characteristics of their homeland – is not universal. For example, robots and cybermen should not be «anonymous» for Asian countries. Because in these states there are similar symbols.

«Anonymization» always depends on the state of the country in which cultural goods are exported. Anna Alison, an animation researcher, says that Japanese products now lose their national identity. The same goes for Shiraiishi Saya: «This is a shortage of the Japanese cultural product, which can make it universal and easy to export to different countries» (Japanese programs: 22).

For Japan, it is no longer profitable to divide the cultural product into «national» and «global». In its cultural policy, Japan is perceived as a creative force capable of shaping global cultural phenomena based on its own national vision. The technologies

of the 21st century will make it possible to quickly turn a national product into a global product. But the «Japanese fund» can easily lose its original meaning in a short period of time, but the Japanese news system remains the same.

Results

Globalization of culture is a process of changing culture, which is affected by socio-economic globalization, which reflects the deformation of the national spiritual culture and the formation of a universal planetary technogenic civilization.

Japanese philosophy includes the idea of the Japanese nation, which includes elements of Japanese culture: Japanese philosophy, samurai etiquette and elements of Shinto-Buddhist religious symbiosis.

On the territory of Japan, two areas of philosophy developed – the «philosophy of Japan», which arose on the basis of the synthesis of Western and Eastern philosophy and Western philosophy.

In the Japanese popular culture, the western components of the Japanese idea became simpler, and the eastern parts of the national idea began to differ in mass culture. The nationalistic ideas of today's Japanese people were reflected in the

popular culture of Japan, such as Nihonjinron (Theory about Japanese), where the Japanese are unique and homogeneous.

The conclusion

Japan is a country renowned for its common history of development, with a wealth of experience in this field that can absorb foreign cultural values and adapt to its traditions and customs. Traditional culture is based on Japanese culture, which includes elements of all Asian cultures, the essence of Shinto, Buddhism and Confucianism, and now Western values cover new requirements.

Transformation of cultural values to the east to the west, so that the national and global markets of cultural products industry the maximum allowed new ambitions, and inter-civilization dialogue, Japan is now a phenomenon in the world of globalization. Many cultural projects in Japan form global trends in spiritual and material life. In other words, Japan is actively participating in the emergence of a new global cultural space as a new regional center for the processes of globalization in the cultural sphere. That is, the way of life and the vision of millions of people in the West and East are propagating a new way of life.

References

- 1 Ohmae K. The Borderless World: Power and Strategy in the Interlinked Economy. – New York, 1999: P.70-82
- 2 Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. – М. «Издательство АСТ: ЗАО НПП «Ермак», 2004. – 588,
- 3 Бергер П. Культурная динамика глобализации // Многоликая глобализация. – М., 2004. – С.12.
- 4 Кузнецова Т. Ф. Время культуры // Тезаурусный анализ мировой культуры: Сб. науч. трудов. Вып. 8. – М., 2006. – С. 28.
- 5 Алпатов В. М. Япония: язык и культура. – М.: Языки славянских культур, 2008 – 208 с.
- 6 Молодяков. В. Моделирование образа Японии (Япония: переворачивая страницу). – М., 1998. – С. 125-151.
- 7 Титаренко М. К вопросу о глобальном значении интернационализации японской духовной культуры // Проблемы Дальнего Востока. 1993. – С.128
- 8 Чугров, С. В. К вопросу о сочетании традиционализма и модернизма в современном японском мышлении // Политические институты на рубеже тысячелетий. – Дубна. 2001. – С. 358-379
- 9 Bellah R. N. Imagining Japan: The Japanese Tradition and Its Modern Interpretation. – Los Angeles, 2003. 254 p.
- 10 Карибэ Ё. Традиционная японская идентичность – М., 2004. – 196.
- 11 Сакаиа Т. Что такое Япония? – М., 1992. – С. 127-142.
- 12 Главева Д. Г. Традиционная японская культура: Специфика мировосприятия. – М.: Вост. лит., 2003. — 264 с.
- 13 Чугров С.В. Япония уточняет свою идентичность перед вызовами глобализации: Восток встречается с Западом // Глобальные вызовы – японский ответ. – М. 2008. – С. 77-93.
- 14 Iwabuchi Koichi. Resentering Globalization. – Tokyo, 2002. – 288 p.
- 15 Катасонова Е. Л. Японская культура в контексте глобализации: взгляд из Японии // Япония и современный мировой порядок. – М., 2002. – С.151-166
- 16 Катасонова Е.Л. Япония: вызов западной цивилизации? // Япония: мифы и реальность. – М., 1999. С.186.
- 17 Hannerz Ulf. Notes on the Global Ecumene. – New York, 1989, p. 69–75.
- 18 Allen M., Sakamoto R. Popular Culture. Globalization and Japan. – New York, 2007, P.12.
- 19 Japan echo web. <http://www.japanechoweb.jp/category/society-culture>. The Post-Bubble City and Japan's New Wave of International Design.
- 20 Elger Tony and Smith Chris. Global Japanization? The Transnational Transformation of the Labour Process. – L., 1994. 31-59 66.

- 21 Japanization. <http://en.wikipedia.org/wiki/Japanization>.
- 22 Business week. <http://www.businessweek.com/chapter/katz.htm> www.knogg.net Richard Katz. – Japan: The System That Soured.
- 23 Tamamura Toyoo. *Kaiten sushi sekai issyu*. Tokyo, 2000. P.27
- 24, Befu Harumi. *Globalization from Botton Up:Japan’s Contribution*. – Japanese Stadies. 2003, vol.23, №1. P.9
- 25 Чугров С. С. Социокультурная традиция и внешнеполитический менталитет современной Японии. Рукопись диссертации на соискание ученой степени доктора социологии. – М., МГИМО, 2007. – 338-б
- 26 Жапон Қоры бағдарламалары. <http://www.jpfmw.ru>
- 27 Нихон оёби нихондзин. 1918. – № 746. – 23-26-б.

References

- 1 Allen M., Sakamoto R. (2007) *Popular Culture. Globalization and Japan*. New York, P.12.
- 2 Alpatov V.M. (2008) *Yaponiya: yazyk i kultura*. – М.: Yazyki slavyanskikh kultur, – 208 s.
- 3 Berger P. (2004) *Kulturnaya dinamika globalizatsii // Mnogolikaya globalizatsiya*. М. – S.12.
- 4 Bellah R.N. (2003) *Imagining Japan: The Japanese Tradition and Its Modern Interpretation*. Los Angeles, 254 p.
- 5 Befu Harumi (2003) *Globalization from Botton Up:Japan’s Contribution*. – Japanese Stadies. vol.23, №1. P.9
- 6 Business week. <http://www.businessweek.com/chapter/katz.htm> www.knogg.net Richard Katz, Japan: The System That Soured.
- 7 Chugrov, S.V. (2001) *K voprosu o sochetanii traditsionalizma i modernizma v sovremennom yaponskom myshlenii // Politicheskiye instituty na rubezhe tysyacheletiy*. Dubna. – S. 358-379
- 8 Chugrov S.V. (2008) *Yaponiya utochnyayet svoyu identichnost’ pered vyzovami globalizatsii: Vostok vstrechayetsya s Zapadom // Global’nyye vyzovy — yaponskiy otvet*. М. – S. 77-93.
- 9 Chugrov S.S. (2007) *Sotsiokulturnaya traditsiya i vneshnepoliticheskiy mentalitet sovremennoy Yaponii*. Rukopis’ dissertatsii na soiskaniye uchenoy stepeni doktora sotsiologii. М., МГИМО, 338-б
- 10 Fukuyama F. (2004) *Konets istorii i posledniy chelovek*. – М. «Izdatelstvo ACT: ZAO NPP «Yermak»». – 588 s.
- 11 Glaveva D.G. (2003) *Traditsionnaya yaponskaya kultura: Spetsifika mirovospriyatiya*. – М.: Vost. lit.. – 264 s.
- 12 Elger Tony and Smith Chris. (1994) *Global Japanization? The Transnational Transformation of the Labour Process*. L., 31-59 66.
- 13 Iwabuchi Koichi (2002) *Resentering Globalization*. Tokyo. – 288 p.
- 14 Japan echo web. <http://www.japanechoweb.jp/category/society-culture>. The Post-Bubble City and Japan’s New Wave of International Design.
- 15 Japanization. <http://en.wikipedia.org/wiki/Japanization>.
- 16 Hannerz Ulf (1989) *Notes on the Global Ecumene*. New York, p. 69–75.
- 17 Karibe Y. (2004) *Traditsionnaya yaponskaya identichnost’* М., 2004. – 196.
- 18 Katasonova Ye. L. *Yaponskaya kultura v kontekste globalizatsii: vzglyad iz Yaponii // Yaponiya i sovremennyy mirovoy poryadok*. М., 2002. – S.151-166
- 19 Katasonova Ye.L. (1999) *Yaponiya: vyzov zapadnoy tsivilizatsii? // Yaponiya: mify i realnost’*. – М. – S.,186.
- 20 Kuznetsova T.F. (2006) *Vremya kulturey //Tezaurusnyy analiz mirovoy kulturey: Sb. nauch. trudov. Vyp. 8*. М. – S.28
- 21 Molodyakov V. (1998) *Modelirovaniye obraza Yaponii (Yaponiya: perevorachivaya stranitsu)*. М. – S.125-151.
- 22 Nihon oyobi nikhondzin (1918) № 746, 23-26-б.
- 23 Ohmae K. (1999) *The Borderless World: Power and Strategy in the Interlinked Economy*. New York. – P. 70-82
- 24 Sakaiya T. (1992) *Chto takoye Yaponiya?* М., – S. 127-142.
- 25 Tamamura Toyoo (2000) *Kaiten sushi sekai issyu*. Tokyo. – P.27
- 26 Titarenko M. (1993) *K voprosu o globalnom znachenii internatsionalizatsii yaponskoy dukhovnoy kulturey // Problemy Dalnego Vostoka*. – S.128
- 27 Zhapon kori bagdarlamalari. <http://www.jpfmw.ru>

Миралиева Акмарал

докторант Ph.D по специальности «Мировая экономика» кафедры международных отношений и мировой экономики факультета международных отношений
Казахского национального университета им. аль-Фараби,
Казахстан, г. Алматы, e-mail: Akmaral11@bk.ru, тел.: +7 702 557 2626

**ФОРМИРОВАНИЕ И РЕАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ
МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН**

Автор статьи дает понятие и описывает задачи международного научно-технического сотрудничества, а также условия для его развития. В работе проведен обзор современного состояния развития сотрудничества Республики Казахстан в научно-технической сфере и сфере экономики, рассмотрены преимущества международных отношений, их влияние на состояние экономики и позиции страны на мировой арене. Налаженная система международных взаимоотношений республики имеет широкий масштаб, охватывая различные сферы деятельности. Развитие сотрудничества между государствами способствовало возникновению организаций глобального и регионального значения. Обострение глобальных проблем привело к увеличению роли многостороннего сотрудничества, заключающегося в поддержке стран и их объединению в различные союзы, коалиции, сообщества и другие формы сотрудничества. Для урегулирования политики международного сотрудничества правительство Республики Казахстан разработало целый комплекс законопроектов и стратегий, задачи и цели по вхождению страны в число пятидесяти наиболее конкурентоспособных стран мира, упрочению позиции на мировой арене. В статье рассмотрены направления сотрудничества РК со странами Европы, Азии и Российской Федерацией.

Ключевые слова: международное сотрудничество, научно-технические связи, внешняя политика, экономика, интеграция, технологии, образование, стратегия, глобализация.

Miraliyeva Akmaral

Doctoral Ph.D on the specialty «World Economy» of the Department of International Relations and World Economy Faculty of International Relations al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty, e-mail: Akmaral11@bk.ru, tel.: +7 702 557 2626

Formation and implementation of the policy of international scientific and technical cooperation of the Republic of Kazakhstan

The author of the article gives the concept and describes the tasks of international scientific and technical cooperation, as well as the conditions that determine its development. The review of the current state of development of cooperation of the Republic of Kazakhstan in the scientific and technical sphere and the sphere of economy was reviewed, the advantages of international relations, their influence on the state of the economy and the country's position in the world arena were considered. The well-established system of international relations of the republic has a wide scope, covering various areas of activity. The development of cooperation between states contributed to the emergence of organizations of global and regional importance. The aggravation of global problems has led to an increase in the role of multilateral cooperation, which consists in supporting countries and their unification in various alliances, coalitions, communities and other forms of cooperation. To regulate the policy of international cooperation, the Government of the Republic of Kazakhstan has developed a whole set of bills and strategies that have formulated tasks and objectives for the country's entry into the list of the fifty most competitive countries in the world and to consolidate its position in the world arena. The article examines

the directions of cooperation of the RK with the countries of Europe, Asia and the Russian Federation.

Key words: international cooperation, scientific and technical relations, foreign policy, economy, integration, technology, education, strategy, globalization.

Миралиева Акмарал

«Әлемдік экономика» мамандығының Ph.D докторанты; халықаралық қатынастар және әлемдік экономика кафедрасының халықаралық қатынастар факультеті
әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті,
Қазақстан, Алматы қ., e-mail: Akmaral11@bk.ru, тел.: +7 702 557 2626

Қазақстан Республикасының халықаралық ғылыми-техникалық ынтымақтастығы саясатын қалыптастыру және жүзеге асыру

Мақала авторы халықаралық ғылыми-техникалық ынтымақтастық міндеттерін, сондай-ақ оның дамуын анықтайтын жағдайларды түсіндіреді және сипаттайды. Қазақстан Республикасының ғылыми-техникалық саладағы және экономика саласындағы ынтымақтастығын дамытудың қазіргі жай-күйін қарастыру, халықаралық қатынастардың артықшылықтары, олардың экономиканың жай-күйіне әсер етуі және әлемдік аренадағы елдің позициясы қарастырылды. Республикадағы халықаралық қатынастардың орнықты жүйесі кең ауқымды қызметтің әртүрлі салаларын қамтиды. Мемлекеттер арасындағы ынтымақтастықты дамыту жаһандық және өңірлік маңызы бар ұйымдардың пайда болуына ықпал етті. Жаһандық проблемалардың нашарлауы қолдау көрсететін елдерден тұратын әртүрлі альянстарда, коалицияларда, қауымдастықтарда және ынтымақтастықтың басқа да түрлерінде біріктірілген көп жақты ынтымақтастық рөлінің артуына әкелді. Халықаралық ынтымақтастық саясатын реттеу үшін Қазақстан Республикасының Үкіметі еліміздің әлемдегі бәсекеге барынша қабілетті 50 елдің тізіміне кіруі және әлемдік аренадағы өз ұстанымын нығайту жөніндегі міндеттері мен мақсаттарын қалыптастырған бірқатар заңдар мен стратегияларды әзірледі. Мақалада ҚР Еуропа, Азия және Ресей Федерациясымен ынтымақтастығының бағыттары қарастырылады.

Түйін сөздер: халықаралық ынтымақтастық, ғылыми-техникалық қатынастар, сыртқы саясат, экономика, интеграция, технологиялар, білім, стратегия, жаһандану.

Введение

Международное сотрудничество в современный век высокой интеграции и глобализации различных процессов остается одним из приоритетных направлений деятельности Республики Казахстан. Развитие сотрудничества между государствами способствовало возникновению системы межгосударственных и негосударственных организаций глобального и регионального значения (Абдрахманов, 2016: gov.kz). Возникновение и обострение глобальных проблем необычайно увеличили потребности в расширении многостороннего сотрудничества. В настоящее время сотрудничество охватывает все сферы деятельности: торговлю, таможенные правила, экологическую сферу, освоение космоса, ресурсы общего пользования, коммуникационные сети и т.д.

Для проведения значимых и имеющих наиболее высокий результат научных исследований необходима новейшая информационная и материально-техническая база, привлечение высококвалифицированных специалистов, что требует значительных финансовых затрат. Осуществление намеченных планов возможно лишь путем

международного научно-технического сотрудничества, которое гарантирует странам-участницам доступ к базе знаний, полученных в результате совместных усилий (Авдокишин, 2015: 300).

Материалы и методы исследования

Международное сотрудничество – это совместные действия субъектов в какой-либо сфере их взаимных интересов, их взаимосвязанная деятельность по согласованию своих позиций, координации действий, разрешению общезначимых проблем и принятию взаимоприемлемых решений (Авдокишин, 2015: 94).

Проводя сбор и анализ материалов по проблеме международных связей, сопоставляя мнения и взгляды разных ученых, политологов, экономистов, мы решили остановиться на определении Фрайдена: международное научно-техническое сотрудничество (МНТС) – одно из наиболее динамично развивающихся направлений внешнеэкономической деятельности, которое включает совместную разработку научно-технических проблем, обмен научными результатами и производственным опытом, совместную

подготовку квалифицированных кадров (Алшанов, 2016: 5). Сфера МНТС охватывает широкий спектр вопросов: от фундаментальных исследований до решения практических задач. Многообразие форм сотрудничества (взаимные консультации, разработка научных прогнозов, кооперирование при проведении научных исследований, сотрудничество в области научно-технической информации, патентного дела, изобретательства, стандартизации и др.) позволяет странам выбирать те из них, которые в наибольшей степени соответствуют их национальным интересам и особенностям экономического развития (Байгісіев, 2015: 350).

Различные аспекты МНТС исследуются в рамках нескольких общественных дисциплин: науковедения, истории, социологии, экономики и психологии науки, правоведения, юриспруденции, теории международных отношений и др. Изучением проблем организации и развития международного научно-технического сотрудничества занимаются такие ученые, как С.В. Валдайцев, В.В. Ежков, С.Б. Шапошник, И.П. Потехин, А.Е. Иоффе, Е.Д. Лебединкина, М.А. Есенина, Е.З. Мирская, И.П. Фаминский, В.С. Циренщиков и др. (GINI Index, 2014: worldbank.org).

Научно-технический прогресс имеет прогрессирующее влияние на интернационализацию производительных сил, стимулирует интеграционные процессы. Признанием и реализацией данного процесса служит Послание Президента Казахстана Н.А. Назарбаева народу страны в «Стратегии вхождения Казахстана в число пятидесяти наиболее конкурентоспособных стран мира»: «Систему развития научно-исследовательской и научно-инновационной деятельности в сфере науки и образования следует осуществлять с учетом кардинальных перемен в научной жизни страны, способствовать скорейшему становлению присущих рыночной экономике механизмов научно-технического прогресса» (Дукенов, 2008: 3).

Ведущим рейтингом конкурентоспособности стран мира является глобальный индекс конкурентоспособности Всемирного экономического форума (ГИК ВЭФ), который представляет собой независимую оценку экономического развития государств мира (Idrissov, 2016: kazakhembus.com/).

Казахстан участвует в данном международном рейтинге с 2006 года. С 2012 по 2014 гг. РК стабильно занимала 50-е место. По результатам рейтинга 2015 года республика поднялась на 8 пунктов – 42 место.

Однако итоги рейтинга 2016 года показывают резкое снижение показателя – 53 место.

На сегодняшний день перед страной стоит важная задача – войти в число 30 наиболее развитых стран мира. Для этого Казахстан имеет необходимые ресурсы: большая территория, полезные ископаемые, законодательная база, интересы иностранного капитала.

Многовекторная внешняя политика Казахстана, формировавшаяся в период обретения независимости, способствовала укреплению государственности, установлению и развитию взаимовыгодного сотрудничества со всеми странами ближнего и дальнего зарубежья (Ivanov, 2014: 3). Сложился международный имидж республики как серьезного и надежного партнера.

Сегодня Казахстан установил дипломатические отношения со 120 странами мира. В стране аккредитовано 68 посольств и представительств международных организаций. Дипломатические миссии Казахстана открыты в 38 странах. Казахстан вступил в такие международные организации, как ООН, ОБСЕ, ОИК, Совет Сотрудничества НАТО, Всемирный банк, МВФ, Европейский Банк Реконструкции и Развития, Организация Экономического Сотрудничества, ШОС и другие международные организации и союзы. Республика отказалась от ядерного оружия и подписала Договор СНВ, Лиссабонский протокол, присоединилась к Договору о нераспространении ядерного оружия (Krikorian, 2016: wordpress.com).

В век появления высоких технологий, наукоемкости ВВП проблема инновационного развития Республики Казахстан стала центральной идеей в понимании способов реформирования экономики, образования и науки. Государственная программа индустриально-инновационного развития Республики Казахстан на 2015-2019 годы (ГПИИР) в качестве одной из приоритетных задач ставит стимулирование создания наукоемких высокотехнологических и экспортоориентированных производств, установление более прочной связи «наука – производство – рынок».

В апреле текущего года по сравнению с декабрем предыдущего года цены на экспортируемые товары повысились на 2,2%, на импортируемые – на 1,4%.

За период с начала года цены экспортных поставок повысились на ферросплавы на 10,9%, уголь – на 9,3%, прокат черных металлов – на 7,1%, нефть – на 3,8%, изделия из черных металлов – на 2,4%, снизились – на медь на 3,9%, свинец – на 1,6%. Увеличение цен отмечено на

хлопок на 6,2%, ячмень – на 1,5%, их уменьшение – на шерсть на 10,7%, пшеницу – на 6,6%.

Из импортируемой продукции молочная продукция подорожала на 8,6%, кофе – на 5,2%, растительное масло на – 3,2%, чай – на 2,1%, ма-

каронные изделия – на 2%, овощи подешевели на 8,1%, рыба – на 2,7%, мясо птицы – на 1,8%. Цены на шины стали выше на 9,7%, пластмассы – на 5,7%, бумагу – на 4,4%, на обувь – ниже на 8,3%, текстильные изделия – на 1,6%.

Таблица 1 – Изменение цен экспортных поставок и импортных поступлений в январе-апреле 2017 года

	Март 2017 г.	Апрель 2016 г.	Декабрь 2016 г.	Декабрь 2015 г.	Январь-апрель 2016 г.
Экспорт	-4,1	11,4	2,2	11,8	20,3
Сырье	-5,6	16,1	3,6	10,8	28,0
Полуфабрикаты	-1,8	2,6	0,3	16,8	6,8
Готовые товары	0,9	0,4	-2,1	8,6	2,4
Импорт	0,1	7,6	1,4	18,0	10,4
Сырье	2,1	3,7	-2,2	12,0	5,9
Полуфабрикаты	-0,8	9,4	0,3	14,4	11,5
Готовые товары	0,2	7,6	1,9	19,2	10,6

Источник: <http://economy.gov.kz/ru/news/izmenenie-cen-eksportnyh-postavok-i-importnyh-postupleniy-v-yanvare-aprele-2017-goda>

Рисунок

Источник: <http://economy.gov.kz/ru/news/izmenenie-cen-eksportnyh-postavok-i-importnyh-postupleniy-v-yanvare-aprele-2017-goda>

С 2016 года индексы цен экспортных поставок, импортных поступлений характеризуют изменение цен внешнеторговых сделок, выраженных в тенге (в предыдущие годы – в долларах США).

Для расчета используются первичные статистические данные общегосударственного статисти-

ческого наблюдения за ценами по выборочному кругу предприятий экспортеров, импортеров и отобранным видам продукции (форма 1-Ц (экспорт, импорт), общегосударственного статистического наблюдения о взаимной торговле товарами с государствами-членами Евразийского экономического союза (форма 1-ТС) и дан-

ные таможенной статистики. Используемая для агрегирования индексов цен схема взвешивания рассчитывается по данным о стоимости внешнеторгового оборота за определенный год, выраженной в тенге.

Изучение мирового опыта является важным аспектом в реализации национальной концепции интеграции науки, образования и производства. Данный процесс является длительным и обуславливается многообразием форм интеграции на примере университетов американской модели, японской (азиатской) модели и европейской модели смешанных типов.

Международное сотрудничество в области науки и технологий регулируется Законом Республики Казахстан «О науке» – глава 7, статья 29. Сотрудничество основывается на международных соглашениях и контрактах. Существуют

более 140 соглашений и договоров с различными странами о научном сотрудничестве.

В рамках Государственной программы развития образования и науки Республики Казахстан на 2016-2019 годы принимаются меры по выходу казахстанской науки на мировой уровень исследований и разработок. Формирование международных научно-технических связей с другими странами будет базироваться на соглашениях о научно-техническом сотрудничестве, в том числе через механизмы государственно-частного партнерства.

Правительство РК на протяжении всех лет независимости страны постоянно поддерживает развитие отечественной науки. Обратимся к данным об изменениях ВВП и внутренних затрат на НИОКР с 2006 по 2016 гг., предоставленным Комитетом по статистике РК (kazdata.kz, 2017: 01).

Таблица 2 – ВВП и внутренние затраты на НИОКР с 2006 по 2016 гг.

	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Валовый внутренний продукт, млрд. тенге	10 213,7	12 849,8	16 052,9	17 007,60	21 815,50	28 243,10	31 015,20	35 999,00	39 675,80	40 884,1	46 971,2
Внутренние затраты на НИОКР, млн. тенге	24 799,9	26 835,5	34 761,6	38 988,7	33 466,8	43 351,6	51 253,1	61 672,7	66 347,6	69 302,9	66 600,1

Примечание: таблица дана со ссылкой на официальный сайт Агентства Республики Казахстан по статистике – <http://stat.gov.kz/>

Использование сопоставительного метода позволяет сделать вывод, что внутренние затраты на научные исследования увеличились с 24 799,9 млн. тенге в 2006 г. до 66 600,1 в 2016 г. Однако доля затрат на научные исследования и разработки в ВВП в 2016 году составила всего 0,14%, в то время как в развитых странах этот показатель намного выше – от 3 до 4 %, при этом доля государства в этих расходах составляет в среднем 25-34%. К таким странам, прежде всего, относятся Израиль (4,86% ВВП), Финляндия (4,01%), Швеция (3,75%), Япония (3,42%) и Корея (3,37%) (Маманов, 2015: 420).

Президент РК Нурсултан Назарбаев постоянно выступает с идеями о необходимости ос-

новать в стране отрасли инновационных технологий (мобильных и мультимедийных, нано- и космических), робототехники, генной инженерии, открытия энергии будущего (Назарбаев, 2017: akorda.kz/).

Таким образом, формирование динамично развивающегося научно-технического потенциала, отвечающего современным требованиям и ресурсным возможностям страны, повышение эффективности его использования в целях обеспечения духовного и физического здоровья нации, конкурентоспособности экономики – все это и многое другое является, на наш взгляд, стратегической целью независимого Казахстана в развитии международного сотрудничества.

Результаты исследования

Внешняя политика Республики Казахстан на современном этапе носит ярко выраженный экономический характер и направлена на активное содействие осуществлению курса реформ, обеспечению конкурентоспособности национальной экономики (Michiel, 2014: 139-157). На практике это означает создание условий для выхода страны на мировые рынки товаров, услуг и капиталов, развитие собственного экспортно-импортного потенциала, привлечение инвестиций и технологий в производственную сферу, реализацию проектов новых транспортных путей.

Международное сотрудничество Казахстана развивается по различным направлениям со странами Европы, Азии, США, СНГ.

Приоритетное место во внешней политике РК занимают взаимоотношения с Россией, базирующиеся на договорно-правовой базе в составе 200 договоров и соглашений, охватывающих практически все сферы деятельности (Нэбиев, 2015: 300).

В целом, на современном этапе в российско-казахстанских отношениях обозначаются следующие наиболее перспективные направления сотрудничества:

- взаимная торговля;
- нефтегазовая, энергетическая сфера;
- сфера транспорта и коммуникаций;
- культурно-гуманитарная сфера;
- сфера безопасности.

Активным участником внешнеторговой деятельности с Казахстаном является российско-казахстанская приграничная зона, в которой действует более 300 совместных предприятий («Казросхром», «Коксохим», автомобильный комплекс на базе УралАза и др.) (Норимаса, 2015: undp.org/content/unct/kazakhstan).

В сфере транспорта и коммуникаций оба государства представляют друг для друга стратегическое значение. Налажены также поставки грузовой автомобильной техники, собранной на казахстанском предприятии.

Начиная с 2003 года, Правительство РФ выделяет квоту для граждан Казахстана на обучение за счет бюджета в вузах России по необходимым для казахстанской экономики специальностям (Профиль Казахстана на сайте ООН, 2015: /data.un.org/CountryProfile).

Благодаря реализации в РК многолетней государственной программы подготовки кадрового резерва «Болашак», ежегодно 3 тысячи молодых стипендиатов выезжают за границу с целью

получения образования в признанных международных университетах.

В Казахстане в 2010 г. начал свою реализацию проект «Назарбаев-Университет», созданный с привлечением ведущих вузов США и ЕС, в их числе – Университетский колледж Лондона, Медицинская школа Гарвардского университета, Университет Пенсильвании, школа бизнеса Дюкского Университета, Университет Карнеги Меллон, Университет Висконсин-Мэдисон.

Дискуссия

Анализируя труды политологов касательно позиции РК на мировой арене и приоритетов в международном сотрудничестве республики, согласимся с их мнением о том, что во внешней политике Казахстана особое место отводится сотрудничеству с Евросоюзом, занимающим лидирующие позиции в мировой политике и экономике (Political Risk Analysis, 2015: kazakhstan/political-risk). Двусторонние отношения между ЕС и РК определены в следующих документах: Соглашение о Партнерстве и Сотрудничестве (1999); Меморандум о взаимопонимании по сотрудничеству в области энергии (2006); Меморандум о взаимопонимании по сотрудничеству в области транспорта (2009), «Стратегия нового партнерства на период до 2013 г.»

Казахстан – первый партнер ЕС среди всех стран СНГ, заключивший в 2015 году Соглашение о расширенном партнерстве и сотрудничестве с ЕС, заменившее прежнее Соглашение 1999 года. Принятие названного документа стало основой для нового и более крепкого фундамента для отношений между ЕС и Казахстаном (Roger, 2015: 57).

В 2016 году Казахстан впервые вошел в состав 50 стран с наиболее инновационной экономикой Bloomberg Innovation Index, а в 2017 году поднялся в нем на 2 позиции – до 48 места. Рейтинг строится с учетом семи показателей: затраты на НИР, производительность, количество высокотехнологичных компаний, охват населения высшим образованием, добавленная стоимость товаров, число регистрируемых патентов и количество исследователей.

Республика Казахстан заключила двусторонние соглашения о сотрудничестве с Германией, Великобританией, Францией, Польшей, Испанией, Грецией, Турцией и Болгарией. Все эти соглашения предусматривают проведение совместных исследований, обмен студентами и

преподавателями, совместное участие в рамочных программах ЕС.

Кроме Европы и США, Республика Казахстан намерена укреплять азиатский вектор внешней политики (Rywkin, 2011: 222-229).

Наиболее перспективным видится сотрудничество между Казахстаном и Китайской Народной Республикой, так как в рамках инновационного партнерства уже запущены в работу масштабные казахстанско-китайские проекты строительства на территории Казахстана. Президент Казахстана Н.Назарбаев в ходе брифинга по итогам визита в КНР в 2016 году заявил о планировании строительства 51 совместного предприятия, 2 из которых уже построены. Один из них – завод по крупноузловой сборке гибридных и полностью электрических автомобилей JAC. Стоимость совместного казахстанско-китайского проекта составляет 2,3 млрд. долларов США, партнёрами от китайской стороны выступают China Metallurgical Group Corporation, China Machinery Engineering Corporation и AVIC corporation (Nazarbayev, 2015: kazakhstans-internal-politics/).

Лидер Казахстана также выступил с идеей об экспорте в Китай природных богатств для производства самолётов. Реализация данного проекта обеспечит создание 1100 новых рабочих мест. (Тажикова, 2016: 59-62). Производство будет

осуществляться по инновационным, низкозатратным и экологически чистым технологиям с изготовлением продукции с высокой добавленной стоимостью.

Заключение

За последние годы в Республике Казахстан были сделаны определенные шаги в направлении интеграции науки, образования и производства, что должно стать одним из основных факторов развития общества, обеспечения высокой конкурентоспособности национальной высшей школы в условиях глобализации, продвижения страны на международном рынке труда и новейших технологий, а также средством успешной реализации новой экономической стратегии государства «Нұрлы жол».

Важным моментом является привлечение исследователей с мирового академического рынка, направление инвестиций на развитие международного сотрудничества в научно-технической сфере вузов, на программы преподавательских и студенческих научно-образовательных обменов (Witt, 2016: witt/kazakhstan-presidential). Повышенная дипломатическая активность РК на всех уровнях позволила укрепить авторитет государства и обеспечить экономическое развитие страны и ее внутривластную стабильности.

Литература

- 1 Абдрахманов К.К. Официальный сайт Министерства иностранных дел Казахстана. <http://mfa.gov.kz/index.php/ru/>
- 2 Авдокишин Е.Ф. Международные экономические организации и экономические союзы: учеб. пособие. – 4-е изд. – Алматы, 2015. – 300 б.
- 3 Авдокишин Е.Ф. Международные экономические отношения. «Маркетинг»: Учеб. пособие. – 4-е изд. – Алматы, 2015. – 94 с.
- 4 Алшанов Р. Жаһандық экономика және Қазақстан // Егемен Қазақстан. – 2016. – 28-ақпан. – 5 б.
- 5 Байгісиев Майдан-Әли. Халықаралық экономикалық қатынастар. – Алматы: Қайнар, 2015. – 350 б.
- 6 GINI Index: Kazakhstan. The World Bank. 2014. <http://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI>
- 7 Дуkenov K. Международная позиция Казахстана // Юридическая газета. – 2008. – 21 марта. – С. 3.
- 8 Idrissov E.A. Embassy of Kazakhstan in United States. «Foreign Policy Concept». <http://www.kazakhembus.com/>
- 9 Ivanov, Igor, and Vadim Volovoj. «Geopolitics of Kazakhstan: theory and practice.» – Russia: The Russian Academic Journal 29, no. 3 (2014).
- 10 Krikorian, Danny. «The Political Stability of Kazakhstan: The Gift & the Curse». -Florida Political Science Association: 2016. <https://dannykrikorian.wordpress.com/2016/06/07/the-political-stability-of-kazakhstan-the-gift-the-curse/>
- 11 Country Watch Incorporated. Country Watch Review: Kazakhstan. 2011. <http://www.countrywatch.com/Content/pdfs/reviews/B3LMQQ45.01c.pdf>
- 12 Қазақстан Республикасының президентінің 2013 жылғы 23 желтоқсандағы №1385 «Қазақстанның әлемнің ең дамыған 30 мемлекетінің қатарына кіруі жөніндегі тұжырымдама туралы» қаулысы adilet.zan.kz/kaz/docs
- 13 ҚР ның негізгі сыртқы сауда көрсеткіштерінің тауар айналымы. 2017. <http://kazdata.kz/04/2017-01-export-import-kazakhstan.html/>
- 14 Liu, Xinru. «A Silk Road Legacy.» Journal of World History 22, no. 1 (2011): 55-81.
- 15 Маманов А.Т., Молдақұлова С.А. Халықаралық қатынастар. – Алматы: Экономика, 2015. – 420 б.
- 16 Мамыров Н. Әлемдік экономикалық қатынастар. – Алматы: Экономика, 2015. – 300 б.
- 17 Мемлекет басшысы Н.Назарбаевтың Қазақстан халқына жолдауы. 2017 жылғы 31 қаңтар. <http://www.akorda.kz/>

- 18 Michiel S., and Iwona Sobis. «Reluctant reforms: The case of Kazakhstan.» *Public Organization Review A Global Journal* 14, no. 2 (2014): 139-157.
- 19 Нәбиев Е.Н. Әлемдік экономикалық қатынастар. – Астана: Академия «Болашақ», 2015. – 300 б.
- 20 Нормаса Шимомура United Nations in Kazakhstan. <http://www.undp.org/content/unct/kazakhstan/en/home.html/pages/30.jsp>
- 21 Olcott, Martha Brill. *Central Asia's second chance.* – Carnegie Endowment, 2005. – С. 223-227.
- 22 Профиль Казахстана на сайте ООН. <http://data.un.org/CountryProfile.aspx?crName=Kazakhstan>
- 23 Political Risk Analysis – Market Reform Outlook Deteriorates With Proposed Constitutional Amendments – APR 2017 <http://www.emergingeuropemonitor.com/analysis/russia-cis/kazakhstan/political-risk>. -Russia & CIS: February 2017 / Kazakhstan / Political Risk
- 24 Roger N. and Baizakova Zhulduz, McDermott. *Reassessing the Barriers to Islamic Radicalization in Kazakhstan.* -Carlisle, PA: U.S ARMY WAR COLLEGE CARLISLE BARRACKS PA STRATEGIC STUDIES INSTITUTE, 2015.
- 25 Rywkin, Michael. «What Is Central Asia to Us?.» *American Foreign Policy Interests* 33, no. 5 (2011): 222-229.
- 26 Sultangalieva Gulmira and Paul W. Werth. «The Place of Kazakhstan in the Study of Central Asia.» – *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 16, no. 2 (2015): 345-358.
- 27 Sholk, Dena. «Nazarbayev's overwhelming victory notwithstanding, change is taking place in Kazakhstan.» 2015. <http://thediplomat.com/2015/05/understanding-kazakhstan-internal-politics/>
- 28 Тажиқова Ж. Ж., Сражден К. С. Қазақстан Республикасының халықаралық экономикалық жағдайы // Молодой ученый. – 2016. – №1.1. – С. 59-62.
- 29 Төлем балансының ағымдағы шотының тапшылығы. 2016. <http://www.akorda.kz>
- 30 Witt, Daniel. «Kazakhstan Presidential Election Shows Progress.» *The World Post*. 2016. http://www.huffingtonpost.com/daniel-witt/kazakhstan-presidential-_b_847612.html

References

- 1 Abdrakhmanov K.K. Ofitsialnyi sait Ministerstvo inostrannyh del Kz/ [Official website of the Ministry of Foreign Affairs of Kazakhstan] (<http://mfa.gov.kz/index.php/ru/>)
- 2 Avdokishin E.F. Mezhdunarodnye ekonomicheskie organizatsii i ekonomicheskie soyuzы. [International economic organizations and economic unions] –Almaty: Ucheb. posobie -4 izd, (2015)-300b
- 3 Avdokishin E.F. Mezhdunarodnye ekonomicheskie otnosheniya M. «Marketing» [International economic relations. «Marketing»] -Almaty: Ucheb. posobie -4 izd, (2015).-94 s.
- 4 Alshanov R. Zhahandyk ekonomika zhane Kz// [The global economy and Kazakhstan // – Almaty: Egemen Kazakhstan] –(2016). 28-ақпан 5б.
- 5 Baigisiev Maidan-Ali Halykaralyk ekonomikalyk katynastar . [International Economic Relations] – Almaty: Kainar (2015) -350b.
- 6 Country Watch Incorporated. Country Watch Review: Kazakhstan. [Obzor strany: Kazakhstan.] (2011). (<http://www.countrywatch.com/Content/pdfs/reviews/B3LMQQ45.01c.pdf>)
- 7 Dukenov K. Mezhdunarodnaya pozitsiya Kz // [International position of Kazakhstan] –Almaty: Uredicheskaya gazeta-(2008)-21 marta-s3.
- 8 GINI Index: Kazakhstan. The World Bank. (2014). [Индекс GINI: Kz. Vsemirnyi bank] (<http://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI>)
- 9 Idrissov E.A. Embassy of Kazakhstan in United States. «Foreign Policy Concept». (<http://www.kazakhembus.com/>) [Posolstvo Kz v SSHA. «Kontsepsiya vneshnei politiki »]
- 10 Ivanov, Igor, and Vadim Volovoj. «Geopolitics of Kazakhstan: theory and practice.» –Russia: *The Russian Academic Journal* 29, no. 3 (2014). [« Geopolitika Kz: Teoriya i praktika ». Rossiskii akademicheskii zhurnal]
- 11 KR-nun prezidentinin (2013) zhylygy 23 zheltokсанды №1385 Kz aleminin en damygan 30 memleketinin kataryna kirui turaly tyzhyrymdama kaulysy. [№1385 of December 23, 2013, the President of the Republic of Kazakhstan «Kazakhstan's joining the 30 most developed countries of the world, the decision on the Concept of»] (adilet.zan.kz/kaz/docs)
- 12 KR negizgi syrtykы sauda korsetkisherinin tauar ainalymy (2017) [The main indicators of the foreign trade turnover of the Republic of Kazakhstan] (2017) (/ <http://kazdata.kz/04/2017-01-export-import-kazakhstan.html>.)
- 13 Krikorian, Danny. «The Political Stability of Kazakhstan: The Gift & the Curse». -Florida Political Science Association: (2016). (<https://dannykrikorian.wordpress.com/2016/06/07/the-political-stability-of-kazakhstan-the-gift-the-curse/>) [«Politicheskaya stabilnost Kz: dar i proklyatie».]
- 14 Liu, Xinru. «A Silk Road Legacy.» *Journal of World History* 22, no. 1 (2011): 55-81. [«Nasledie Shelkovogo puti». Zhurnal vseмирnoy istorii]
- 15 Mamanov A.T., Moldagulova S.A. Halykaralyk katynastar [International relations] –Almaty: Ekonomika (2015)-420 b.
- 16 Mamyrov N. Alemdik ekonomikalyk katynastar . [International economic relations]–Almaty: Ekonomika (2015) -300b.
- 17 Memleket basshysy N.A.Nazarbaevtyн Kz halkyna zholdauy [Address of the President of Kazakhstan Nursultan Nazarbayev.] (2017) zh 31 kantar. (<http://www.akorda.kz/>)
- 18 Michiel S., and Iwona Sobis. «Reluctant reforms: The case of Kazakhstan.» *Public Organization Review. A Global Journal* 14, no. 2 (2014): 139-157. [«Nezhelatelnye reformy: sluchai Kz». Obzor obshchestvennoy organizatsii]
- 19 Nabiyeв E. N. Alemdik ekonomikalyk katynastar. –Астана : «Academiya Bolashak» (2015)-300 b.

- 20 Norimasa Shimomura. United Nations in Kazakhstan. (<http://www.undp.org/content/unct/kazakhstan/en/home.html/pages/30.jsp>) [OON v Kazakhstane.]
- 21 Olcott, Martha Brill. Central Asia's second chance. -Carnegie Endowment, [Vtoroi shanse v Tsentralnoi Azii. Fond Karne-gi] (2005).
- 22 Political Risk Analysis – Market Reform Outlook Deteriorates With Proposed Constitutional Amendments – APR (2017) (<http://www.emergingeuropemonitor.com/analysis/russia-cis/kazakhstan/political-risk.>) Russia & CIS February (2017) / Kazakhstan / Political Risk
- 23 Profil Kz na saite OON. World Statistics Pocketbook. [Mirovaya statisticheskaya kniga] (<http://data.un.org/CountryProfile.aspx?crName=Kazakhstan>)
- 24 Roger N. and Baizakova, Zhulduz McDermott. Reassessing the Barriers to Islamic Radicalization in Kazakhstan. -Carlisle, PA: U.S ARMY WAR COLLEGE CARLISLE BARRACKS PA STRATEGIC STUDIES INSTITUTE, (2015). [Pereotsenka prep'yatstviy k islamskoi radikalizatsii v Kz]
- 25 Rywkin, Michael. «What Is Central Asia to Us?». American Foreign Policy Interests 33, no. 5 (2011): 222-229. [«Chto dlya nas Tsentralnaya Aziya?» Americanskie vneshnepoliticheskie interesy]
- 26 Sultangalieva, Gulmira, and Paul W. Werth. «The Place of Kazakhstan in the Study of Central Asia.» Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History 16, no. 2 (2015): 345-358. [«Mesto Kz v izuchenii Tsentralnoi Azii ». Kritika: Issledovaniya v russkoi i evraziskoi istorii]
- 27 Sholk, Dena. «Nazarbayev's overwhelming victory notwithstanding, change is taking place in Kazakhstan.» (2015). (<http://thediplomat.com/2015/05/understanding-kazakhstans-internal-politics/>) [Nesmotrya na oshelamitel'nuyu pobedu Nazarbaeva, v Kz proishodyat peremeny».]
- 28 Tazhikov Zh.Zh., Srazhden K.S. KR-nyn halykaralyk ekonomikalyk zhagdai// [International economic position of the Republic of Kazakhstan] -Almaty: Molodoy ucheniy. — (2016). — №1.1. — С. 59-62.
- 29 Tolem balansynyn agymdagy shotynyn tapshylygy. [The current account deficit of the balance of payments] (2016). (<http://www.akorda.kz>)
- 30 Witt, Daniel. «Kazakhstan Presidential Election Shows Progress.» The World Post. (2016). [«Prezidentskie vybory v Kz pokazyvayut progress».] (http://www.huffingtonpost.com/daniel-witt/kazakhstans-presidential-_b_847612.html)

2-бөлім

**ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ЖӘНЕ МЕМЛЕКЕТІШЛІК
ҚҰҚЫҚ МӘСЕЛЕЛЕРІ**

Раздел 2

**ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНОГО И
ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАВА**

Section 2

**ISSUES OF INTERNATIONAL
AND DOMESTIC LAW**

Vong Un-Bor

Associate Professor of International Law, School of Law, Harbin Institute of Technology,
China, Harbin, e-mail: paulwong318@hotmail.com, tel.: 86-158-46506148

HUMAN RIGHTS, STATE SOVEREIGNTY AND INTERFERENCE: THE BASIC CONCEPTION UNDER TREATY LAW SYSTEM

This paper discusses what human rights are and how human rights changed after World War II. Author tried giving a legal determination of human rights. Also the paper considers evolution of development of human rights. In this document argues that under the domestic law, the protection of fundamental individual rights is guaranteed in the State Constitution or relevant legal documents. In this aspect, the protection is more related to the sovereign power of the State. The purpose of this protection is to confirm inalienable and legally enforceable rights against the State interference and the abuse of the power possessed by the government.

Author in the research considered UN Charter, The Universal Declaration of Human Rights, and Will of the State as Basis for Protection of Human Rights shows how domestic law and international treaties connected with each other in the field of human rights. Author claims that organs and specialized agencies related to human rights should therefore further enhance the coordination of their activities based on the consistent and objective application of international human rights instruments. Implementation of International human rights treaties, which is ratified by the State should be monitored by the monitoring bodies concerned.

Key words: Human Rights, International Law, State Sovereignty, Interference, Domestic law.

Вонг Юн-Бор

халықаралық құқық кафедрасының доценті, заң мектебі, Харбин технология институты,
Қытай, Харбин қ., e-mail: paulwong318@hotmail.com, тел.: 86-158-46506148

Адам құқықтары, мемлекеттік тәуелсіздік және араласу: Шарт құқығы жүйесіндегі негізгі концепция

Аталған жұмыста адам құқығы мәселесі мен оның Екінші Дүниежүзілік Соғыстан кейінгі өзгерісі көрсетіледі. Автор адам құқықтарына заңды түрде анықтама беруге тырысады. Сондай-ақ мақалада адам құқықтарының эволюциялық дамуы қарастырылады. Аталған құжатта адамның негізгі құқықтарын қамтамасыз ету Конституциямен және өзге де заңды құжаттармен қамтамасыз ететіндігі баса айтылады. Осы тұстан алғанда құқықтық тұрғыдан қорғау мемлекет тәуелсіздігімен тікелей байланысты. Бұл құқықтық қорғаудың негізгі мақсаты мемлекет атынан үкіметтің адамның ажырамас заңды құқығын пайдалану мен қорғауда араласпауын және өз өкілеттілігін асыра пайдаланбауын қадағалау.

Автор өз зерттеуінде Біріккен Ұлттар Ұйымының Жарғысын, Адам құқықтары туралы жалпыға ортақ декларацияны, Адам құқықтарын қорғаудағы мемлекеттің еркі туралы халықаралық дәрежедегі құжаттарды пайдалану арқылы адам құқықтарын қорғау мен қамтамасыз етуде ұлттық заңдар мен мемлекетпен расталған халықаралық құжаттардың өзара байланысын көрсетеді. Автордың пайымдауынша, адам құқықтарын қорғауға бағытталған арнайы мекемелер мен ұйымдар адам құқықтары туралы халықаралық құжаттардың объективті қолданылуы мен жүйелі жұмыс жасауына ерекше назар аударып, өзара байланыстарын нығайтуы тиіс. Адам құқықтары туралы мүше мемлекетпен ратификацияланған халықаралық құжаттардың орындалуын арнайы қадағалаушы органдармен бақылануы тиіс.

Түйін сөздер: адам құқықтары, халықаралық құқық, мемлекет тәуелсіздігі, араласу, ұлттық заң.

Вонг Юн-Бор

доцент международного права, юридическая школа, Харбинский технологический институт,
Китай, г. Харбин, e-mail: paulwong318@hotmail.com, тел.: 86-158-46506148

**Права человека, государственный суверенитет и вмешательство:
Основная концепция в системе Договорного права**

В этой работе рассматриваются вопросы прав человека и изменение прав человека после Второй мировой войны. Автор попытался дать юридическое определение правам человека. Также в статье рассматривается эволюция развития прав человека. В данном документе говорится, что согласно внутреннему законодательству защита основных прав личности гарантируется в Конституции или соответствующих правовых документах. В этом аспекте защита больше связана с суверенной властью государства. Цель этой защиты состоит в том, чтобы подтвердить неотъемлемые и юридически закрепленные права против вмешательства государства и злоупотребления властью, которыми обладает правительство.

Автор в исследовании рассматривал такие международные документы, как Устав ООН, Всеобщая декларация прав человека и Воля государства как основа защиты прав человека, и показывает, как внутригосударственное право и международные договоры связаны друг с другом в области обеспечения прав человека. Автор утверждает, что органы и специализированные учреждения, связанные с правами человека, должны, таким образом, еще более укрепить координацию своей деятельности на основе последовательного и объективного применения международных документов по правам человека. Исполнение международных договоров по правам человека, которые ратифицированы государством-участником, должны контролироваться соответствующими контролирующими органами.

Ключевые слова: права человека, международное право, государственный суверенитет, вмешательство, национальный закон.

Introduction

Before the Second World War II is not likely to think that international law is able to interfere with the relations between States and their citizens since traditionally States were the primary subjects in international law governing relations among States. The emergency of international protection of human rights allows individuals to have certain degree of role-playing under international law (Higgins, 1985: 476-494.). Nowadays, respect for fundamental human rights has entered into a new generation and this is changing the international legal order; it practically reflects in the enhancement of the legal status of human rights. The human rights issue of a nation, by its nature, appears to be a domestic affair within the domestic legal order of a nation. In the process of the development of protection of fundamental rights, the protection of the human rights has become a part of international law. This fundamental change challenges the traditional role of the State sovereignty.

Many States, nonetheless, are of the view that the treatment of their own nationals is an internal matter and reject the abuse of allegation of violation of «human rights» on the ground that it is an unjustified form of intervention. This is probably because traditionally international law only governs relations between sovereign States while

the relations of State and individuals are governed under domestic law. After the Second World War, international law began to consider including individual as a subject of international law. In this regard, the State sovereignty may have been more or less affected after the emergency of the international protection of human rights. The confusing issue is whether the State sovereignty will, thus, be restricted. The question especially is related to the legal status of human rights and of State sovereignty in the framework of international legal order. This article tries to analyze the legal relationship between the human rights and the State sovereignty.

Methodology

A conceptual framework that helps in identifying indicators for use in human rights assessments has to be backed by an effective methodological approach so as to populate those indicators with the required data. Thus, this article tries to give a definition about human rights and tries to analyze the legal relationship between the human rights and the State sovereignty. It is worth that philosophical and sociological dimensions, as well as trans-disciplinary analysis of this issue, however, are beyond my exploration. An analyses of the extensive legislation and conventions from this field, will allow us to understand the developments that have occurred

and how international jurisdiction understand the relationship between human rights and State Sovereignty. When examining specific human right in the context of domestic law and international are confronted with situations of potential norm conflict. Our analyses will show how the domestic law and international law act harmoniously, whether they help fill in the gaps of each other, or whether one field of law has priority over the other.

Main body

The General Legal Concept of Human Rights

When entering into discussion of the human, rights, the first question we are facing is the definition of the term «human rights» (Macklem, 1985: 501-513.) however, the term «human rights» seems to have no fixed content. It is difficult to precisely perceive what the «rights» should be.

On the constitutional law level, according to the Western European constitutional tradition and the movement of constitutionalism, human rights could be described as liberal fundamental rights and freedoms against State (Nowak: 2003. 14-15.). It extends also to social and economic rights. On the other hand, developing States emphasize more on economic development rather than on individual freedoms due to the fact that the poverty is the primary issue has to be resolved. Religion States, such as Islamic States, are of the different view in the explanation of freedom of religion and equality of men and women (Farrag, 1990: 133-134.). The diversity of views in the explanation of the meaning of human rights makes it difficult to have a global accepted definition of «human rights». One may agree that the nature and contents of human rights varies from State to State; and we are unable to predicate what it should be contained.

It has been accepted that the evolution of human rights can be classified into there «generations» (or three dimensions) (Malanczuk, 1997: 210.): 1.) Freedoms of individuals, emphasizing on the civil rights of individual against State interference; 2.) Social rights claiming welfare benefits from State, such as the right to work and education; 3.) the right to self-determination and the right to development could be seen as the third generation of human rights, but its contents are entirely unclear. Human rights contain many aspects in regard with the fundamental rights of a human being such as political rights, social rights, economic rights, cultural rights, but the enforcement of the protection of the human rights is to a large degree depended upon the State's implementation that they are

recognized by the State and can be applied in the national court. More precisely, human rights do not have an absolute definition applying to all States but the standardization of which has been made by the UN in the «international bill of rights» (the Universal Declaration of Human Rights, the ICC PR and the ICESCR) (Bayefsky, 2001: 68-73).

Under the domestic law, the protection of fundamental individual rights is guaranteed in the State Constitution or relevant legal documents. In this aspect, the protection is more related to the sovereign power of the State. The purpose of this protection is to confirm inalienable and legally enforceable rights against the State interference and the abuse of the power possessed by the government.

Human Rights and the United Nation Charter

A) Promoting and Encouraging Respect for Human Rights

One of basic questions in regard with the legal status of human rights is that where the «rights» are delivered from? One may agree that the UN Charter has a great contribution to the development of human rights. Has the State sovereignty been limited under the UN Charter? Does the UN Charter bestow any «international» rights for individuals?

The term «fundamental human rights» has been mentioned in the preamble of the UN Charter, which states: «... to save succeeding generations from the scourge of war, which twice in our lifetime has brought untold sorrow to mankind, and to reaffirm faith in fundamental human rights, in the dignity and worth of the human person, in the equal rights of men and women and of nations large and small, and...» Article 1 of the UN Charter confirms further that it is one of the purposes of the United Nations «to achieve international cooperation in solving international problems of an economic, social, cultural, or humanitarian character, and in promoting and encouraging respect for human rights and for fundamental freedoms for all without distinction as to race, sex, language, or religion...» Moreover, Article 13 (b) of the UN Charter states that the General Assembly shall initiate studies and make recommendations for the purpose of promoting international cooperation in the economic, social, cultural, educational, and health fields, and assisting in the realization of human rights and fundamental freedoms for all without distinction as to race, sex, language, or religion. Article 55 of the UN Charter, additionally, mentions that the United Nations shall promote...universal respect for, and observance of, human rights and fundamental freedoms for all without distinction as to race, sex, language, or religion. Significantly, the UN Charter in Article

56 states: «All Members pledge themselves to take joint and separate action in co-operation with the Organization for the achievement of the purposes set forth in Article 55». Similarly, promoting respect for human rights and fundamental freedoms has been remarked in Articles 62, 68, and 76.

The UN Charter has introduced the term «human rights» in many provisions. It requires the Member States to achieve the promotion of respect for human rights. The legal obligations may have been imposed by Article 56 of the UN Charter by using the word «pledge», but there is no concrete list of the contents of the «human rights». Clearly, the UN does not confer any international rights of individuals, but the benefits (*Malanczuk, 1997: 212.*). The vagueness of the language used in the UN Charter in regard with the human rights implies at least flowing aspects:

1) The term «human rights» is a general concept which cannot be identified.

2) The contents of the «human rights» left in the discretion of Member States.

3) The UN Charter merely imposes on the State the obligation to «promote and respect for» human rights, but it does not bestow any «international» rights to individuals or groups.

4) Promoting human rights is based on the respect for State sovereignty; this is particularly reflected in the principle of the non-interference embodied in Article 2(7) of the UN Charter.

The UN Charter merely mentions the *promotion* of human rights rather than the *protection*. It was so drafted because it considers that the measures protecting human rights need the consent of State; and interference, with national sovereignty is inadmissible (Nowak:2003, 23.).

The Universal Declaration of Human Rights

The Universal Declaration of Human Rights probably is the concrete list of the human rights that the UN Charter promotes». It contains mainly two categories of rights: 1.) civil and political rights; 2.) economic, social and cultural rights. The legal status of the Declaration is an UN resolution, which indeed, by its nature strictly speaking, does not have legal binding force to the Member States. However, it can be regarded as authoritative interpretation of the term «human rights» in the UN Charter and, therefore, has function of indirect influence to the development of international human rights law.

The Universal Declaration of Human Rights can be regarded as milestone in the process of the standardization of human rights. In the preamble of the resolution, it states (Donnelly, 2004: 1-28) «The General Assembly, Proclaims this Universal

Declaration of Human Rights as a *common standard* of achievement for all peoples and all nations, to the end that every individual and every organ of society, *keeping this Declaration constantly in mind*, shall strive by teaching and education *to promote respect for these rights and freedoms and by progressive measures*, national and international, to secure their universal and effective recognition and observance, both among the peoples of Member States themselves and among the peoples of territories under their jurisdiction» (**Koskenniemi**, 1991: 397-410).

The wording «to promote respect for these rights and freedoms and by progressive measures» implies that the Declaration is a mere statement of ideal which could be seen as a recommendation to the Member State to promote respect for these rights and freedoms and that this obligation is not immediately. The Declaration could be recognized nowadays as the «standard» of human rights. Partly contents of the Declaration, such as the prohibition of torture and slavery, have become customary international law binding all States (Novak: 2003, 76.). Although the contents of the Declaration have been cited in the constitutions of many States, it is still debatable that the Declaration as a whole has obtained a status of customary international law. The consent of the State remains the primary decisive factor to decide whether or not to refer to the Declaration in the national constitution.

The Will of the State as Basis for Protection of Human Rights

The ICCPR and the CESCR can be said as transformational document which transforms the rights declared in the Universal Declaration of Human Rights into legal binding rights. The development of Human Rights enters into an era of protection and implementation.

The covenants, however, are not compulsory documents which indeed are opened for signature based on the will of the State. In other words, State *grants* international bodies or organizations to monitor their compliance with these international treaties. In the ICCPR, the only enforcement mechanism under Article 40 is a reporting system requiring State parties to submit periodically State report (every five year) to a Human Rights Committee. Article 41 of the ICCPR further arranges an optional procedure to allow State party to initiate complaints of violation of human rights against another State party. The effectiveness of the inter-State complaint system, without any doubt, relies on the discretion of State parties. Since it is based on a cooperation and communicational approach, the inter-State complaint system is weak and ineffective.

In the ICESCR, neither the inter-State complaint system, nor the individual petitions procedure has been provided for; only the reporting system is required. It should be noted that the rights in this Covenant do not represent to have absolutely and directly binding force to the State parties (O'Flaherty, 2002: 47.); it may require transformation into domestic law if the international law is not direct legal source applied in the national court. For example, Germany is one of the States in its constitution regulates that the international treaty that Germany ratified has direct binding force in the courts; while the United Kingdom, on the contrary, insists on a domestic incorporation so as to be applied in the national courts. This explains that these two Human Rights Covenants are not inconstant with the principle of sovereignty, it merely requires in Article 2 of the ICESCR the State party to «to take steps ...to the maximum of its available resources, with a view to achieving progressively the full realization of the rights recognized in the present Covenant by all appropriate means, including particularly the adoption of legislative measures».

Therefore, it is clear that, under the both Covenants, the principle of sovereignty is the prerequisite in promoting respect for human rights. International human rights treaties in general with binding force to the States parties are based on the will of the State which in fact is the approval of the State party to be monitored by the monitoring bodies concerned. From this point of view, the effectiveness of the enforcement and the implementation of the human rights treaties are therefore very depend upon the self-determination of the State on voluntary basis. It is also the initial idea that the term «human rights» in general may not be abused to infringe the State sovereignty. This particularly reflects in the entitlement of the State parties in the consideration of making reservations, declarations and interpretative statements at the time of signature, accession or ratification (Best, 1995: 775-799). Indeed, a large extent of reservations is made in the major human rights treaties.

Briefly, the term «human rights» is still an ongoing notion; it does not enjoy a legal status of supremacy overriding the principle of sovereignty except some universally accepted rights which have become customary international law or a rule of *jus cogens*. This part will be clarified later below.

Sovereignty V.S. Human Rights?

It is true that the main purpose of the UN is to maintain international peace and security. Human rights issue, however, in the evolution of the State practice, has become significant factor in

the maintenance of international peace. It affects not only the inter-State political relations, but also international legal order. Human rights may have been abused by some States as a tool to intervene internal affairs of another State (UN Document, 1993). Therefore, it raises a question as to whether «human rights» belongs to internal affairs or it should be an international concern governed under international law. As has been explored above, there is no universally accepted consensus on the contents and implementations of «human rights». The legal obligations imposed to States by the UN Charter or international human rights treaties are indeed based on the goodwill of the State «to promote respect for human rights». Treaty-law basis remains the main source of the protection of human rights. Most of the State would like to interpret that human rights are the internal matter of a State and insist on principle of non-interference embodied in Article 2(7) of the UN Charter. It states: «Nothing contained in the present Charter shall authorize the United Nations to intervene in matters which are essentially within the domestic jurisdiction of any state or shall require the Members to submit such matters to settlement under the present Charter; but this principle shall not prejudice the application of enforcement measures under Chapter VII».

Discussion

There is a view that international law only protects the «people's sovereignty» but not the «sovereign sovereignty», arguing that the government violates the wishes of the people would not be protected under sovereign's domain reserve (Reisman, 1990: 866-876.). It happens often in the State practice that a third State criticize human rights situation of another State. This leads to a confusion of the justification of the application of human rights. Thus, on the basis that international society is constructed by sovereign States as a whole, it would be more meaningful to ask the justification of the inference itself rather than the legality of the violation of the human rights on the other hand. More precisely, the uncertainty lays on the international entitlement to a third State to initiate allocation of human rights violation against another State. In other words, the debatable question is whether «human rights» are the «matters which are essentially within the domestic jurisdiction of any state» in the sense of Article 2(7) of the UN Charter. It must be recognized the fact that most of the human rights protection is based on the will of the State on the treaty-basis; in this sense there is no «world constitution». On

that ground, it is conceivable to believe that at least in the contemporary international law, «human rights» could be seen as internal matters within the jurisdiction of a State unless the State violate serious fundamental human rights such as the prohibition of torture, racial discrimination or genocide, which have been regarded as *obligation erga omnes* and is non-derogable even under «state of emergency» (Sunga, 1992: 59). Individuals or officers who directly involve this kind of serious violation against humanity may not invoke any ground to deny their crimes. In other words, violation against these rights can be regarded as «international crime» (M'illerson, 2001: 357-369).

From this point of view, principally a third State is not entitled under international law to interfere with internal matters of another State. Even in the case of domestic violation of human rights, the violation itself should have become «international concern» as a threat to the peace and the security of the international society in which international law applies. When international law applies, it still needs a collective action taken by international society (e.g. the Security Council of the UN) or by a treaty monitoring organization, to which the State concerned has participated in, to stop the violation (**Popovski**). One-sided responses or actions taken by the third State may fall into the suspicion of the infringement of the principle of non-interference. Human rights are not without limitations. States are free to decide the extent of the restriction of the human rights as far as it is permissible under general international law (Nowak, 2003: 59.). There are only few human rights such as the prohibition of torture or slavery can be considered as absolute human rights (Article 2 (2) of the Substantive Provisions of the Convention against Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment states: «No exceptional circumstances whatsoever, whether a state of war or a threat of war, internal political instability or any other public emergency, may be invoked as a justification of torture»). (Article 2(2) of the Substantive Provisions of the Convention against Torture and Other Cruel). Prima facie, in certain degree there is a distinction between the «international crime» and «human rights». However, the application of the international human rights has been interpreted into a broad sense. A precise distinction becomes difficult. In other words, human rights in general can only have relative validity; it implies that under contemporary international law the interference with human rights issues of any other State could be seen as unjustified (Nowak: 57.).

However, if a State has ratified an international human rights treaty, it should be admitted that the State, by its consent to be monitored under the protecting procedure created by the treaty, has the obligation to implement the treaty provisions into domestic law. In this regard, invoking the principle of non-interference would become a denial to the treaty obligation and treaty rules if the violation of human rights is within the regime of the treaty obligations. The core of the issue here is the «treaty-obligation» which restricts the State's freedom of action and limits the exercise of its sovereignty/ ' rather than «human rights».

Results

The principle of sovereignty is a part of fundamental principles of general international law; it protects practically the self-determination of the State in the external and internal affairs. Internal affairs are for example the political, constitutional, cultural and social-economic systems within the jurisdiction of the State. «Human rights issue could be considered as interference with internal affairs in the sense of Article 2(7). The exception of Article 2(7) is that if the violation of the human rights has led to a threat to the international peace and security, then this could not simply be seen as internal affairs. This denotes that the protection of human rights principally remains the domestic affairs (but no longer exclusively and absolutely) (Steinberger: 1987, 500-521); it may also lead to international concern if there is a serious violation against humanity caused a threat to international peace. The question is: who is of competence to determine whether there is a violation as such? Article 39 of the UN Charter states: «*The Security Council shall determine the existence of any threat to the peace, breach of the peace, or act of aggression and shall make recommendations, or decide what measures shall be taken in accordance with Articles 41 and 42, to maintain or restore international peace and security*». Obviously, this whole responding mechanism is built on a collective basis. Article 40 of the UN Charter further: «In order to prevent an aggravation of the situation, *the Security Council may, before making the recommendations or deciding upon the measures provided for in Article 39, call upon the parties concerned to comply with such provisional measures as it deems necessary or desirable (The United Nations, 2010.)*. Such provisional measures shall be without prejudice to the rights, claims, or position of the parties concerned. The Security Council shall duly take

account of failure to comply with such provisional measures» (Soren, 2001: 533-559).

The use of force is the last resort if it is considered necessary by the Security Council of the UN. Article 41 of the UN Charter adds: «*The Security Council may decide* what measures not involving the use of armed force are to be employed to give effect to its decisions, and it may call upon the Members of the United Nations to apply such measures. These may include complete or partial interruption of economic relations and of rail, sea, air, postal, telegraphic, radio, and other means of communication, and the severance of diplomatic relations». Article 42 of the UN Charter goes on: «*Should the Security Council consider* that measures provided for in Article 41 would be inadequate or have proved to be inadequate, *it may take such action* by air, sea, or land forces as may be necessary to maintain or restore international peace and security. Such action may include demonstrations, blockade, and other operations by air, sea, or land forces of Members of the United Nations» (A Basic Handbook for UN Staff, 2005).

The systematic and serious violation of human rights may cause political tension in a region and probably result in an armed conflict. In State practice, apartheid policy in Southern Africa in the 1960s and 1970s has been regarded as a threat to international peace and security; and this excludes the applicability of Article 2(7) of the UN Charter. Without any doubt, Chapter VII of the UN Charter is dealing with extremely serious and systematic human rights violation (Cherif Bassiouni, 2012: 3-54). In recent years. Collective security measures have been used in the case of Iraq/Afghanistan, East Timor, former Yugoslavia and Somalia. However, one-sided interventions, as announced by the United States and the NATO in the event of 9/11, have undermined the power and the function of the Security Council in maintaining international peace and security. This raises a question to the effectiveness of the actions of the Security Council in the defense of basic human rights. The power of the determination of the Security Council in response to the human rights protection appears to be constructed under a «collective will», but the enforcement of that protection by- means of use of force would certainly leads to a doubt to the principle of prohibition of use of force (Hoffmann, 1995: 35). The relationship between the «human rights protection» and «the use of force» (the maintenance of international peace) is vague; at least there is no clear international rules governing the interventions against the human rights violations.

Conclusion

International law is a legal order constituted by typical subjects: States. The international human rights treaties regardless of multilateral or bilateral are concluded on the basis of the exercise of the State sovereignty. The protection of human rights in various international organizations regardless of universal or regional, also including the United Nations, reflects primarily the exercise of the sovereignty on the principle of equality of State. It implies that the consent of the State is predominated. There is no «World State» as such under which the State is entitled to exercise sovereignty. This, however, does not mean that the sovereignty is absolute. The question of absoluteness of the sovereignty may be closer related to the philosophy of law in regard with the validity of international law. Thus, upholding absolute sovereignty may be a denial to the idea of international law of mankind in which an international society is formed.

In order to promote respect on human rights, thus, the exercise of sovereignty may necessarily be limited in certain way. This could happen either by the customary international law» or treaty law; the former is obviously binding to all State while the later is simply on the voluntary basis. Some contents of human rights, through the State practice, have become customary international law; in this case the State sovereignty may be difficult to be used as shield to deny the fundamental value accepted by almost all of the States. On the other hand, on the treaty-basis, the voluntary participation of human rights shows that human rights indeed is an on-going legal concept depending largely on the capacity of a State party in its internal legal, social and economic developments under which the human rights are effectively protected. Thus, the State sovereignty may only be restricted in the way that the provisions of the treaty provided for.

In fact, until nowadays, the international human rights treaties do not impose strict obligation on the State parties on the ground of diversity of the value of human rights according to religions, ethnics and cultural difference. The third State's allegation of the violation of human rights in another State without the above mentioned two basis may constitute a breach to the principle of non-interference laid down in the UN Charter. Therefore, unilateral taking-action by respond to the human rights is unjustified under general international law and should be condemned; the mechanism of the collective security and sanctions as embodied in the Chapter VII may not be ignored. In short, an

effective international protection of the human rights needs the enhancement of international cooperation and coordination on the basis of respecting State sovereignty and the principle of peaceful and friendly relations among nations and inconsistent with the contents of the human rights treaties.

At last, a meaningful statement in a declaration is cited here as a final summary of this article. Paragraph 4 of the *Vienna Declaration and Programme of Action 1993* (a World conference on Human Rights organized by the United Nations states: «The promotion and protection of all human

rights and fundamental freedoms must be considered as a priority objective of the United Nations in accordance with its purposes and principles, *in particular the purpose of international cooperation*. In the framework of these purposes and principles, the promotion and protection of all human rights is a legitimate concern of the international community». The organs and specialized agencies related to human rights should therefore further *enhance the coordination of their activities based on the consistent and objective application of international human rights instruments*.

References

- 1 Higgins R (1985). «Conceptual Thinking about the Individual in International Law» in Richard Falk, Friedrich Kratochwil and Saul II. Mendlovitz (eds.). *International Law: A Contemporary Perspective*, (Boulder and London: Westview Press, 1985). – pp. 476-494.
- 2 Macklem P. (1985). «What is International Human Rights Law? Three Applications of a Distributive Account» in *McGill Law Journal*, Boulder and London: Westview Press. 1985. Vol. 52. – P.575-601.
- 3 Nowak M. (2003). *Introduction to the International Human Rights Regime*. Leiden/Boston : Martinus Nijhoff Publishers, 2003. – 14-15 pp.
- 4 Farrag A. (1990). «Human rights and Liberties in Islam», in Jan Bertin, et al, ed. *Human Rights in Plurast World: Individuals and Collectivites*. London: Meckler, 1990: 133-134 p.
- 5 Malanczuk P. (1997). *Akehurst's Modern Introduction to International Law*. Seventh revised edition. 1997. – 210 p.
- 6 Anne F. Bayefsky (2001). *The UN Human Rights Treaty System: Universality at the Crossroads*, (London: Kluwer Law International, 2001), pp. 68-73.
- 7 Donnelly J. (2004). *State Sovereignty and Human Rights*. *Human Rights and Human Welfare: Working Papers*. 2004. 21 (1). – 1-28 pp.
- 8 Koskeniemi M. (1991) *The Future of Statehood*. *Harvard International Law Journal*. 1991. – 32 (2). – 397-410 pp.
- 9 O'Flaherty M. (2002). *Human rights and the UN : practice before the treaty bodies*. New York : M. Nijhoff Publishers 2002. – 47 p.
- 10 Best G. (1995). *Justice, International Relations and Human Rights*. 1995. *International Affairs*. – 71 (4). – 775-799 pp.
- 11 UN Document: A/CONF. 157/23. – 12 July. 1993.
- 12 Reisman W.M. (1990) *Sovereignty and Human Rights in Contemporary International Law*. – Yale Law School. 1990. 866-876 pp.
- 13 Sunga. L. (2001). *Individual Responsibility in International Law for Serious Human Rights Violations*. Dordrecht: Martinus Nijhoff Publisher. 1992. – 59 p.
- 14 Mc'illerson R. (2001). «Human Rights and Humanitarian Law: to Bomb or not to bomb?» in Gudmundur Alfredsson ed al (eds.) *International Human Rights Monitoring Mechanisms*, (UK: Kluwer Law International. 2001). – 357-369 pp.
- 15 Popovski V. (2004). *Sovereignty as Duty to Protect Human Rights*. // Available:<http://www.un.org/Pubs/chronicle/2004/issue4/0404p16.html>. 26/02/2010.
- 16 Steinberger H. (1987). «Sovereignty» in *Encyclopedia of Public International Law*. 1. – 1987. – P.500-521, at 515.
- 17 The United Nations, «*Charter of the United Nations*. (2010) // <http://www.un.org/en/documents/charter/>. 12/02/10.
- 18 *Human rights: A Basic Handbook for UN Staff*. (2005) // <http://www.ohchr.org/Documents/Publications/HRhandbooken.pdf>. 2005.
- 19 Soren C. (2001). *Prebensen: Inter-State Complaints under Treaty Provisions – The Experience under the European Convention on Human Rights*, in Gudmundur Alfredsson ed at (eds.) *International Human Rights Monitoring Mechanisms*, (UK: Kluwer Law International, 2001), pp. 533-559.
- 20 Cherif Bassiouni M. (2002). «*Accountability for Violations of International Humanitarian Law and Other Serious Violations of Human Rights*» in M. Cherif Bassiouni (ed). *Post-Conflict Justice*. (New York: Transnational Publishers. 2002) pp. 3-54. at 14.
- 21 Hoffmann S. (1995). *The politics and ethics of military intervention*. *Survival*, 1995. (37): 4. – p. 35.

Самалдыков Максут

кандидат юридических наук, доцент, кафедра международного права,
факультет международных отношений,
Казахский национальный университет имени аль-Фараби,
Казахстан, г. Алматы,
e-mail: maksut2009@yandex.kz, тел.: +7 701 742 4733

ЛИШЕНИЕ ГРАЖДАНСТВА КАЗАХСТАНА И БЕЗОПАСНОСТЬ, ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА

Предметом изучения в настоящей статье является проблема лишения гражданства как меры по предотвращению терроризма и иного тяжкого вреда жизненно важным интересам Казахстана из-за усиливающейся террористической угрозы в современных условиях развития человечества. Автор указывает, что внесение в Конституцию Республики Казахстан дополнения в части лишения гражданства по решению суда за совершение террористических преступлений и за причинение иного тяжкого вреда жизненно важным интересам Республики Казахстан направлено, в первую очередь, на реализуемую государством политику обеспечения национальной безопасности. Исследование построено на методологии системного анализа лишения гражданства как меры по усилению борьбы с террористической угрозой и с причинением серьезного вреда жизненным интересам государства. Автор делает вывод, что в поправке, внесенной в Основной закон страны и в национальное законодательство о лишении гражданства, закреплён подход, который не противоречит положениям подпункта а) пункта 3 статьи 8 Конвенции о сокращении безгражданства 1961 года. Вместе с тем автор указывает, что существующая норма национального закона о лишении гражданства несет авторитарный характер из-за ее нечеткости и объемности определения, а также из-за отсутствия правовых гарантий для семьи лица, лишённого гражданства.

В статье автор ссылается на международные документы и приводит в пример зарубежное законодательство в части лишения гражданства за преступные действия, в основе которых лежит нелояльность к государству. Указывает на имеющиеся пробелы в отечественном законодательстве, решение которых послужит делу укрепления национальной безопасности Казахстана.

Ключевые слова: серьезный вред жизненным интересам государства, национальная безопасность, террористические преступления, иной тяжкий вред жизненно важным интересам Казахстана.

Samaldykov Maksut

Candidate of Law, Docent, chair «International Law» of
Department of «International Relations»
Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty,
e-mail: maksut2009@yandex.kz, tel.: +7 701 742 4733

Deprivation of Kazakhstan citizenship and security, legal problems

The subject of the study in this article is the problem of deprivation of citizenship as a measure to prevent terrorism and other grave harm to the vital interests of Kazakhstan because of the growing terrorist threat in the current conditions of human development. The author points out that the amendment to the Constitution of the Republic of Kazakhstan with regard to the deprivation of citizenship by a court decision for the commission of terrorist crimes and for causing other grave harm to the vital interests of the Republic of Kazakhstan is primarily directed at the policy of national security implemented by the state. The study is based on the methodology of systematic analysis of depriva-

tion of citizenship as a measure to strengthen the fight against the terrorist threat and causing serious harm to the vital interests of the state. The author concludes that an amendment to the Basic Law of the country and to national legislation on deprivation of citizenship establishes an approach that does not contradict the provisions of article 8, paragraph 3 (a), of the 1961 Convention on the Reduction of Statelessness. At the same time, the author points out that the existing norm of the national law on deprivation of citizenship is authoritarian because of its vagueness and scope of definition, and also because of the absence of legal guarantees for the family of a person deprived of citizenship. In the article the author refers to international documents and cites the example of foreign legislation in terms of depriving citizenship of criminal acts, which are based on disloyalty to the state. Indicates the existing gaps in domestic legislation, the solution of which will serve to strengthen the national security of Kazakhstan.

Key words: serious damage to the vital interests of the state, national security, terrorist crimes, other serious harm to the vital interests of Kazakhstan

Самалдықов Мақсұт

заң ғылымдарының кандидаты, доцент, халықаралық құқық кафедрасы,
әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.,
e-mail: maksut2009@yandex.kz, тел. +7 701 742 4733

Қазақстан азаматтығынан айыру және қауіпсіздік, құқықтық сипаттағы мәселелер

Бұл мақаланың зерттеу пәні адамзат дамуының қазіргі жағдайында ұлғайып жатқан террористік қауіп салдарынан Қазақстанның өмірлік маңызды мүдделеріне төнетін терроризм және өзге де ауыр зиянның алдын алу шарасы ретінде азаматтықтан айыру мәселесі. Автор Қазақстан Республикасының Конституциясына соттың шешімі бойынша террористік қылмыстар және өзге де Қазақстан Республикасының өмірлік маңызды мүдделеріне ауыр зиян келтіргені үшін азаматтықтан айыру турасында енгізілген толықтырулар, ең алдымен, еліміздің ұлттық қауіпсіздікті қамтамасыз ету бойынша жүргізетін саясатына бағытталғандығын атап көрсетеді. Зерттеу жұмысы террористік қауіппен және мемлекеттің өмірлік маңызды мүдделеріне үлкен зиян келтірумен күресті күшейту шарасы ретінде азаматтықтан айыруды жүйелі талдау әдіснамасына сүйеніп жасалған. Автор азаматтықтан айыру бойынша Негізгі заңда және ұлттық заңнамаға енгізілген өзгертулерде 1961 жылғы азаматсыздықты азайту туралы Конвенцияның 8-бабының, 3-тармағының а) тармақшасында көзделген ережелерге қайшы келмейтін ұстаным бекітілген деген тұжырым жасайды. Дейтұрғанмен, автор ұлттық заңнамадағы азаматтықтан айыру туралы норма оның мазмұнының бұлдырлығы мен көлемінің үлкейгендігінен, сонымен қатар, азаматтықтан айырылған адамның отбасы мүшелері үшін құқықтық кепілдіктердің жоқтығының салдарынан авторитарлық сипатқа ие екендігін атап көрсетеді.

Мақалада автор халықаралық құжаттарға сілтеме жасайды және шет елдердің негіздемесі мемлекетке қарсылық болып табылатын қылмыстық әрекеттер үшін азаматтықтан айыру бойынша заңнамасын мысалға келтіреді. Шешілген жағдайда Қазақстанның ұлттық қауіпсіздігін нығайтуға септігін тигізетін отандық заңнамадағы орын алған олқылықтарды көрсетеді.

Түйін сөздер: мемлекеттің өмірлік маңызды мүдделеріне үлкен зиян, ұлттық қауіпсіздік, террористік қылмыстар, Қазақстанның өмірлік маңызды мүдделеріне өзге де үлкен зиян.

Введение

В целях дальнейшего усиления противодействия, в первую очередь терроризму, в Казахстане буквально недавно в Основной закон страны была внесена важная поправка, касающаяся лишения гражданства в случае совершения террористических преступлений, а также и за причинение иного тяжкого вреда жизненно важным интересам Республики Казахстан. Это произошло в марте месяце 2017 года, когда законодатель в пункт 2 статьи 10 Конституции Республики Казахстан включил существенное дополнение в следующей редакции: «Лишение

гражданства допускается лишь по решению суда за совершение террористических преступлений, а также за причинение иного тяжкого вреда жизненно важным интересам Республики Казахстан» (Закон РК, 2017 о внесении изменений и дополнений в Конституцию РК). Такое нововведение в жизни казахстанского общества не должно обойти стороной государства-члены СНГ, так как все они заинтересованы в противодействии международному терроризму. Таким образом, появившийся образец в казахстанском законодательстве имеет весьма существенное значение и для сотрудничества СНГ. Это, на наш взгляд, бесспорная аксиома. К

тому же важность такой поправки в Основном законе не случайна, так как Конституция Республики Казахстан, как и любая другая, является несущей конструкцией правовой модели государства. Такой конституционной поправкой государственная власть Казахстана всему мировому сообществу открыто заявила, что Казахстан пошел на такой крайний шаг для противодействия усиливающейся угрозы международного терроризма. Для действующей власти Казахстана такой подход видится действенным средством противодействия терроризму в первую очередь для национальной безопасности.

Методы

В процессе написания научной статьи применялись: формально-юридический метод; метод сравнительно-правового анализа и методы толкования права. Применение традиционного для юридической науки *формально-юридического метода* (использование формальной определенности права и правил юридической техники при анализе источников права, внутреннего строения права и его норм, систематизации нормативного материала и т.п.) помогло описать и исследовать лишение гражданства как вынужденной государственно-правовой санкции в международном и внутригосударственном праве.

На основе *метода сравнительно-правового анализа* сформулированная в законе казахстанская доктрина лишения гражданства сопоставлена с определением, представленным в Конвенции о сокращении безгражданства от 30 августа 1961 года. *С его помощью* проанализирован действующий опыт применения норм законодательства о лишении гражданства в ряде зарубежных стран, который сопоставлен с национальным законодательством Республики Казахстан в этой части.

С помощью *методов толкования права* раскрыто содержание норм права, регулирующего лишение гражданства в Республике Казахстан, выявлена воля не только субъекта международного права, выраженная в правовых установлениях, но и самого государства, в частности, его политического руководства.

Результаты

Исчерпывающий перечень преступлений, подпадающих под террористические, законода-

тель представил в Уголовном Кодексе Республики Казахстан в редакции от 3 июля 2014 года (пункт 30 статья 3), который вступил в силу с 1 января 2015 года. К ним отнесены деяния, предусмотренные статьями 170 (Наемничество), 171 (Создание баз (лагерей) подготовки наемников), 173 (Нападение на лиц или организации, пользующихся международной защитой), 177 (Посягательство на жизнь Первого Президента Республики Казахстан – Елбасы), 178 (Посягательство на жизнь Президента Республики Казахстан), 184 (Диверсия), 255 (Акт терроризма), 256 (Пропаганда терроризма или публичные призывы к совершению акта терроризма), 257 (Создание, руководство террористической группой и участие в ее деятельности), 258 (Финансирование террористической или экстремистской деятельности и иное пособничество терроризму либо экстремизму), 259 (Вербовка или подготовка либо вооружение лиц в целях организации террористической либо экстремистской деятельности), 260 (Прохождение террористической или экстремистской подготовки), 261 (Захват заложника), 269 (Нападение на здания, сооружения, средства сообщения и связи или их захват) и 270 (Угон, а равно захват воздушного или водного судна либо железнодорожного подвижного состава).

Как видим, к таким преступлениям, носящим характер террористических, национальный законодатель причислил 15 составов. Все они относятся к категориям тяжких и особо тяжких преступлений в соответствии со статьей 11 УК РК.

Что касается причинения иного тяжкого вреда жизненно важным интересам Республики Казахстан, то это понятие не раскрывается ни в национальном уголовном законодательстве, ни в Конституции РК, ни в законе о гражданстве РК (Закон РК, 1991 о гражданстве). В статье 20-1 Закона о гражданстве РК (Лишение гражданства Республики Казахстан) говорится о том, что «Лишение гражданства Республики Казахстан допускается лишь по решению суда за совершение террористических преступлений, а также преступлений, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части Уголовного кодекса Республики Казахстан, в результате которых причинен иной тяжкий вред жизненно важным интересам Республики Казахстан». Из процитированной формулировки закона следует, что толкование иного тяжкого вреда жизненно важным интересам государства закон предоставляет исключительно судам. На наш взгляд,

такой подход законодателя не верен, так как при нем неизбежно нарушение прав и законных интересов граждан. Такая редакция нормы Закона о гражданстве РК к тому же не закрепляет никаких практических процессуальных гарантий прав отдельного лица в данной области против злоупотреблений со стороны судов и государственных органов.

Практика зарубежных стран в части лишения гражданства свидетельствует о крайне осторожном и взвешенном подходе к данному вопросу. В Великобритании, к примеру, в недалеком прошлом, основанием для лишения гражданства являлись исключительно «противоправные связи любого характера с противником, когда государство находится в состоянии войны» (Боярс, 1986: 51). В США, согласно п. а разд.349 закона 1952 года, как натурализованных, так и граждан США по рождению лишают гражданства за совершение акта измены, или попытки переворота, или вооруженного выступления против США, или в результате тайной деятельности, направленной на свержение силой правительства США (Боярс, 1986: 66-67). Денационализировать во Франции можно в силу приговора за государственную измену, совершения преступления против конституции, а также осуществления прав граждан и свобод человека, судимости во время службы в армии, совершения действий в пользу иностранного государства, наносящих ущерб Франции и несовместимых со статусом француза, а также в результате приговора о лишении свободы на более чем пятилетний срок (Боярс, 1986: 102). Таким образом, Французская доктрина лишения гражданства во многом схожа с США. В ФРГ такая практика лишения гражданства отсутствует. Приведенные примеры государств, причисляемых к основным правовым системам, свидетельствуют, что основания к лишению гражданства у них максимально сужены и к тому же прописаны в законе, чего нет в законодательстве Республики Казахстан. Пятнадцать террористических преступлений, а также расплывчатая формулировка ст.20-1 Закона о гражданстве РК не может служить гарантией национальной безопасности из-за беспокойства граждан о соблюдении их прав на гражданство государством.

Таким образом, казахстанская доктрина лишения гражданства из-за отмеченных в статье пробелов в законодательстве негативно скажется на эффективности применения данной своеобразной формы государственно-правовой санкции в отношении лиц, совершивших террористические преступления, а также престу-

пления, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части Уголовного кодекса Республики Казахстан, в результате которых был причинен иной тяжкий вред жизненно важным интересам Республики Казахстана.

Дискуссия

В бывших странах социалистического содружества (НРБ, ПНР, СРР) денационализация или принудительное лишение гражданства лиц, независимо от способа приобретения этого гражданства применялось в качестве исключительной индивидуальной меры, не распространяющейся на супругов и детей денационализируемого. Эти меры, как правило, применялись против лиц, совершивших государственные преступления или нарушения гражданского долга, нелегально покинувших страну или не возвратившихся из-за границы (НРБ, ПНР) (Боярс, 1986: 142). Такая гарантия для супругов и детей лиц, лишенных гражданства в законодательстве Республики Казахстан не предусмотрена.

Если взять в качестве примера лиц, граждан страны, покинувших пределы Казахстана в период сирийского вооруженного конфликта и влившихся в борьбу против официальной власти Сирии на стороне вооруженной оппозиции, которых по официальным данным, озвученным СМИ насчитывается свыше 200 человек, то многие из них постарались заранее вывезти свои семьи из страны, боясь репрессий со стороны государства (Более 200 казахстанцев воюют, 2016). Чтобы избежать такого явления в будущем, необходимо в Основном законе страны прописать, что лишение гражданства не влечет никаких правовых последствий в отношении гражданства супруга или детей лица, которое лишено гражданства. Такая формулировка в Основном законе послужит сохранению связей между государственной властью и отдельной личностью, волей судьбы вынужденно быть вовлеченной из-за семейных уз с лицом, лишенным гражданства в противостояние с государством. Поправка в Основной закон страны выступит веским аргументом в первую очередь для супругов и их детей, покинувших страну для непосредственного участия в вооруженных конфликтах за рубежом. На обеспечение прав потомков в части гражданства обращает внимание Закон Республики Казахстан от 14 апреля 1993 года №2143-ХІІ «О реабилитации жертв массовых политических репрессий», в котором говорится, что восстановлению в гражданстве Казахстана в заявительном (реги-

страционном) порядке подлежат все реабилитированные в соответствии с указанным законом лица, лишенные или утратившие гражданство без их свободного волеизъявления, а также их потомки (Закон РК, 2010 о реабилитации жертв).

Вновь представляется целесообразным провести параллели с правоприменительной практикой в части лишения гражданства в зарубежных странах. Ниже приведен обзор того, каким образом выглядит ситуация с лишением гражданства в ряде государств. Автором исследования были намеренно взяты как развитые, так и развивающиеся страны.

К примеру, в Индии, согласно Закону о гражданстве 1955 года, гражданин может быть лишен гражданства согласно ст. 5 Конституции в ряде случаев, среди которых нет терроризма, но имеется оговорка о действиях или связях гражданина с вражеской стороны военного конфликта, в которых участвует Республика Индия (Indian Citizenship Act, 1955).

Аналогичная норма о лишении гражданства за пособничество вражеской стороне имеется и в Законе о гражданстве (от 1951 года) Народной Республики Бангладеш. Кроме того, в законе имеется пункт, предусматривающий лишение гражданства за проявленную неверность Конституции и стране (Bangladesh Citizenship Act, 1951).

Немного иначе обстоит ситуация в Египте, где буквально недавно (20 сентября 2017 года) были внесены дополнения к Закону о гражданстве от 1975 года, предусматривающие лишение гражданства в случае, если индивид принадлежит к «группе или организации угрожающей общественному порядку» (The Right to Citizenship in Egypt's Age of Terror, 2017).

Похожая норма имеется в Республике Колумбия, где лишь натурализованный гражданин может быть лишен гражданства по решению суда, если он совершит преступления, направленные против безопасности Республики [9 Citizenship Law No.43, dated February 1, 1993.].

Законодательство Алжира также предусматривает лишение гражданства за преступление против общественного порядка либо интересов Алжира как государства (UN Report 2009 10).

В Законе о гражданстве Болгарии отсутствует прямое упоминание терроризма как причины к лишению гражданства, но при этом среди оснований для лишения гражданства фигурирует нанесение тяжкого ущерба государству (UN Report 2009 11).

В случае с Исламской Республикой Иран норма о лишении гражданства за террористиче-

ские действия отсутствует, имеется лишь лишение гражданства, если человек получает второе гражданство иного государства (Non- Recognition of Dual Citizenship in Iranian Law, 2015).

В настоящее время в законодательстве Великобритании предусматривается лишение гражданства за «поведение гражданина, поставившее под угрозу ключевые интересы Великобритании либо иных заморских владений Королевства» (British citizenship and withdrawal of passport facilities, 2017).

Говоря о примерах правоприменения данной нормы в Великобритании, приведем следующие цифры: с 2010 по 2015 годы Тереза Мэй (тогда – будучи Министром внутренних дел) лишила гражданства 33 человек по причинам, связанным с террористической деятельностью. Все эти индивиды имели двойное гражданство (Theresa May deprived 33 individuals of British citizenship, 2016).

Согласно Конституции ЮАР гражданин не может быть лишен гражданства, но при этом отмечаются случаи, когда это происходит. В целом, в случаях с натурализованными гражданами они могут быть лишены гражданства, если имеется «общественный интерес» в лишении их гражданства, что происходит по усмотрению Министерства Внутренних Дел ЮАР (Loss of South African Citizenship, 2011).

В Конституции Мексиканских Соединённых Штатов говорится, что мексиканец по рождению не может быть лишен гражданства, а в случаях натурализованных граждан лишение может произойти, если индивид станет служить иностранному государству (The Nationality Act, 1998).

В случае с Президентом Эрдоганом было внесено предложение о лишении гражданства за террористическую деятельность, что вызвало дебаты в прессе (No One Can be Deprived of Citizenship, 2016).

В законодательстве Республика Сьерра-Леоне также предусмотрено лишение гражданства, если таковое решение обусловлено пользой для общества (Citizenship Law in Africa, 2010).

Закон о гражданстве Черногории предусматривает целый ряд оснований для лишения гражданства, среди которых значатся преступления против человечества и террористическая деятельность (Law on Montenegrin Citizenship, 2008).

Говоря о скандинавских странах, в частности в Норвегии не предусмотрены подобные основания для лишения гражданства (Norwegian Nationality Act, 1951).

Швеция – в шведском законодательстве о гражданстве отсутствует аналогичная норма о лишении гражданства (Swedish Migration Agency, 2015).

Нет основания отрицать суверенное право Казахстана в исключительных случаях, предусмотренных в законодательстве, лишать своих граждан гражданства за серьезные уголовные правонарушения. Вместе с тем, такое лишение гражданства должно быть исключительно крайней мерой, и не по таким основаниям, которые прописаны в пункте 2 статьи 10 Конституции Республики Казахстан и в статье 20-1 Закона о гражданстве РК (Лишение гражданства Республики Казахстан). Было бы целесообразным предусмотреть в Основном законе Республики Казахстан такую форму государственно-правовой санкции, на примере США, как лишение гражданства Казахстана только за совершение акта измены, или попытки переворота, или вооруженного выступления против Республики Казахстан. В связи с чем предлагается пересмотреть положение, закрепленное в пункте 2 статьи 10 Конституции и затем продублированное в статье 20-1 Закона о гражданстве РК (Лишение гражданства Республики Казахстан). Если оставить в списке оснований к лишению гражданства террористические преступления, то их составы подлежат уточнению и сокращению. При этом во внимание должна браться серьезность нанесенного вреда жизненным интересам государства, и в первую очередь, тяжкая провинность против верности гражданству. В связи с чем требуется указать в Законе о гражданстве РК, что лишь участие лица в террористических преступлениях, связанных с попытками переворота или вооруженного выступления против Республики Казахстан, будет дополнительно наказываться лишением гражданства. Тогда отпадет необходимость каждого лица, привлекаемого к уголовной ответственности за совершение преступления, подпадающего под определение террористическое, лишать свободы, подвергать конфискации и к тому же денационализировать. Вместе с тем, о реальности и об усилении террористической угрозы в Казахстане говорит ниже приведенная статистика. «Так, с 2013 года на ранней стадии приготовления предотвращены и сорваны 27 насильственных экстремистских акций террористического характера (из них в 2013 году – 8, в 2014 году – 3, в 2015 году – 4, в 2016 году – 12). Прямую угрозу национальной безопасности представляет участие граждан нашей страны в террористической деятельности

за рубежом. По данным КНБ, за последние четыре года не допущен выезд в зоны террористической активности 546 рекрутов-казахстанцев (2013 год – 168, 2014 год – 136, 2015 год – 151, 2016 год – 91). Кроме того, из лагерей международных террористических организаций возвращены 79 граждан Казахстана, из них 34 привлечены к уголовной ответственности за участие в террористической деятельности» (Как в Казахстане будут бороться с терроризмом, 2017). По словам заместителя начальника Штаба антитеррористического центра КНБ Казахстана С. Швейкина, в 2016 году 182 лица осуждены по террористическим статьям (12 терактов предотвращено, 2016).

Заместитель председателя Комитета национальной безопасности РК Н. Билисбеков указывает, что за пять лет, начиная с 2011 года, за совершение преступлений террористического и религиозно-экстремистского характера были осуждены 445 человек (445 человек осуждены в РК, 2016).

В соответствии с подпунктом а) пункта 3 статьи 8 Конвенции о сокращении безгражданства от 30 августа 1961 года (далее – Конвенция) государству предоставляется возможность лишить гражданства лицо, которое проявляет по отношению к нему нелояльность, то есть: «ведет себя таким образом, что причиняет серьезный вред жизненным интересам этого Государства» (Конвенция, 1961). Конвенцию о статусе апатридов от 1954 года ратифицировали 82 государства, а Конвенцию 1961 года – 58. (Грузия присоединилась к Конвенции, 2014). Казахстан не присоединился к указанным Конвенциям. Что касается Конвенции 1961 года, то ее особенность состоит в установлении принципов и правовых рамок для помощи государствам в предотвращении безгражданства. Следует отметить, что государственные органы страны рассматривают вопрос о присоединении Казахстана к Конвенции о статусе апатридов от 1954 г. и Конвенции о сокращении безгражданства 1961 года.

Несмотря на имеющиеся пробелы в законодательстве, можно сделать вывод о том, что в пункте 2 статьи 10 Конституции Республики Казахстан и в статье 20-1 Закона о гражданстве РК (Лишение гражданства Республики Казахстан) закреплен подход, который не противоречит положениям подпункта а) пункта 3 статьи 8 Конвенции. Однако норма статьи 20-1 Закона о гражданстве РК (Лишение гражданства Республики Казахстан) является более строгой, чем норма, закрепленная в статье 8 Конвенции.

Статья 20-1 Закона о гражданстве РК (Лишение гражданства Республики Казахстан) включает все, без какого-либо исключения террористические преступления, а также не указывает конкретные преступления Особенной части УК РК, которые следует признать иным тяжким вредом жизненным важным интересам государства? Указанная норма Закона о гражданстве РК в данной редакции дает веские основания считать такими преступлениями все без исключения составы, которые имеются в главе 4 Преступления против мира и безопасности человечества, а также в главе 5 Уголовные правонарушения против основ конституционного строя и безопасности государства. То есть отечественный законодатель в вопросе лишения гражданства, как и в Законе о гражданстве Черногории, дал возможность для правоприменителя широко трактовать основания для лишения гражданства, среди которых значатся преступления против человечества и террористическая деятельность. В таком случае, о каком соблюдении прав гражданина может идти речь? Однако ответ на него в цитируемой норме Закона о гражданстве РК отсутствует. Простая подмена Конвенционной формулировки «серьезный вред жизненным интересам» данного государства на фразу «иной тяжкий вред жизненно важным интересам Республики Казахстан» ничего конкретного для правоприменителя не несет, так как она не называет, в чем проявился такой вред. К тому же смысл, заложенный в них, неодинаков. Формулировка отечественного законодателя использует уголовно-правовую терминологию. Исходя из нее, получается, что за тяжким вредом возможен и особо тяжкий вред жизненно важным интересам государства. Такая нечеткость может сказаться на законности решения суда о принятии такого основания к лишению гражданства. В Законе страны от 6 января 2012 года № 527-IV «О национальной безопасности Республики Казахстан» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 11.07.2017 г.) в пункте 2 статьи 7 говорится, что «Граждане Республики Казахстан участвуют в реализации государственной политики в области обеспечения национальной безопасности посредством реализации своих прав и обязанностей, предусмотренных Конституцией и законами Республики Казахстан» (Закон РК, 2017 о национальной безопасности). Исходя из него, серьезным вредом жизненным интересам Казахстана следует считать совершение акта измены, или попытки переворота, или вооруженного выступления против Республики

Казахстан. И только за эти противоправные деяния, на наш взгляд, должна следовать государственно-правовая санкция в виде лишения гражданства. В соответствии с пунктом а) статьи 6 Закона Республики Казахстан «О реабилитации жертв массовых политических репрессий» не подлежат реабилитации лица, в делах которых имеются достаточные доказательства совершения следующих преступлений: измена Родине во всех формах, кроме бегства или перелета за границу; вооруженное восстание или вторжение в контрреволюционных целях на территорию Республики в составе вооруженных банд и участие в совершенных ими убийствах и других насильственных действиях; шпионаж, акт терроризма, диверсия.

Таким образом, исходя из изложенного, в случае принятия Республикой Казахстан решения об участии в Конвенции ею, по всей вероятности, будет решаться вопрос о формулировании заявления о сохранении в своем законодательстве оснований к лишению гражданства, предусмотренных в статье 20-1 Закона о гражданстве РК (Лишение гражданства Республики Казахстан). Однако, существующие в настоящее время в законодательстве основания к лишению гражданства следует пересмотреть. Так как основания, положенные в основу судебного лишения гражданства в нынешнем виде могут послужить поводом к проявлению у граждан неудовлетворенности уровнем политической безопасности. К тому же норма статьи 20-1 Закона о гражданстве РК (Лишение гражданства Республики Казахстан) в ее нынешней редакции неизбежно повлечет определенную негативную реакцию среди международного сообщества из-за ее чрезмерного авторитаризма. Так, С. Хантингтон утверждает: «Свободные системы обладают лучшей иммунной защитой от революционных переворотов, чем системы авторитарные» (Huntington, 1991: 29). Стоит напомнить, что гражданство является одним из наиболее важных прав человека, основой правового положения личности как внутри любого государства, так и в международном общении.

Заключение

Важно отметить, что новыми изменениями и дополнениями, внесенными органами государственной власти в пункт 2 статьи 10 Конституции Республики Казахстан и в статью 20-1 Закона о гражданстве РК (Лишение гражданства Республики Казахстан) закреплён подход, кото-

рый не противоречит положениям подпункта а) пункта 3 статьи 8 Конвенции о сокращении безгражданства от 30 августа 1961 года.

Вместе с тем, казахстанская доктрина лишения гражданства в данной редакции законодательства содержит существенные пробелы, которые негативно повлияют на эффективность применения данной государственно-правовой санкции в отношении лиц, совершивших террористические преступления, а также преступления, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части Уголовного кодекса Республики Казахстан, в результате которых причинен иной тяжкий вред жизненно важным интересам Республики Казахстана. Все имеющиеся недостатки указаны в статье. В связи с чем автор по результатам проведенного исследования пришел к твердому убеждению о необходимости устранения выявленных в указанной статье пробелов в национальном законодательстве о лишении гражданства независимо от оформления участия Республики Казахстан в Конвенции о сокращении безгражданства от 30 августа 1961 года.

К тому же автор научной статьи пришел к бесспорному выводу, что в случае принятия Республикой Казахстан решения об участии в Конвенции о сокращении безгражданства от 30 августа 1961 года, ею, по всей вероятности, будет решаться вопрос о необходимости формулирования заявления о сохранении в своем законодательстве оснований к лишению гражданства, предусмотренных в Основном законе страны и в статье 20-1 Закона о гражданстве РК (Лишение гражданства Республики Казахстан).

Таким образом, данная статья содержит ряд рекомендаций практического значения, что позволит усовершенствовать действующее национальное законодательство в исследуемой области. Выводы, сделанные в работе, могут применяться в дальнейшем научном исследовании не только непосредственно самой государственно-правовой санкцией в виде денационализации, но и в совершенствовании норм международного права по вопросам защиты прав личности при лишении гражданства.

Литература

- 1 Закон Республики Казахстан от 10 марта 2017 года № 51-VI ЗРК «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Казахстан». //О внесении изменений и дополнений в Конституцию... adilet.zan.kz>Текст
- 2 Закон Республики Казахстан от 20 декабря 1991 года 1017-XII (с изменениями и дополнениями по состоянию на 11.07.2017 г.) «О гражданстве Республики Казахстан». Закон Республики Казахстан от 20 декабря 1991 года... online.zakon.kz>Параграф-www
- 3 Боярс Ю.Р. 1986. Вопросы гражданства в международном праве. – М.: Междунар. отношения, 160 с.
- 4 Более 200 казахстанцев воюют за ИГИЛ, 2016. Подробнее: <http://islam-today.ru/novosti/2016/03/02/bolee-200-kazahstancev-vouut-za-igil/>
- 5 Закон Республики Казахстан от 14 апреля 1993 года № 2143-XI «О реабилитации жертв массовых политических репрессий (с изменениями и дополнениями по состоянию на 08.04.2010 г.)»//Источник: Закон Республики Казахстан от 14 апреля 1993 года...online.zakon.kz>Document/?doc_id=1001939.
- 6 Indian Citizenship Act, 1955, article 10. <http://www.advocatekhoj.com/library/bareacts/citizenship/10.php?Title=Citizenship%20Act,%201955&STitle=Deprivation%20of%20citizenship>
- 7 Bangladesh Citizenship Act, 1951, article 16 http://bdlaws.minlaw.gov.bd/sections_detail.php?id=242§ions_id=7483
- 8 The Right to Citizenship in Egypt's Age of Terror. Tahrir Institute for Middle East Policy. <https://timep.org/commentary/the-right-to-citizenship-in-egypts-age-of-terror/>
- 9 Citizenship Law No.43, dated February 1, 1993 http://www.multiplecitizenship.com/wscl/ws_COLOMBIA.html
- 10 United Nations report Arbitrary deprivation of nationality: report of the Secretary-General, p.3 <https://www.un.org/ruleoflaw/files/49958be22.pdf>
- 11 United Nations report Arbitrary deprivation of nationality: report of the Secretary-General, p.5 <https://www.un.org/ruleoflaw/files/49958be22.pdf>
- 12 Non- Recognition of Dual Citizenship in Iranian Law: A Compendious Survey of Statutory Law by Mansour Farrokhi p.160 http://www.ajjssnet.com/journals/Vol_4_No_2_April_2015/14.pdf
- 13 Deprivation of British citizenship and withdrawal of passport facilities <http://researchbriefings.parliament.uk/Research-Briefing/Summary/SN06820>
- 14 Theresa May deprived 33 individuals of British citizenship... <https://www.thebureauinvestigates.com/stories/2016-06-21/citizenship-stripping-new-figures-reveal-theresa-may-has-deprived-33-individuals-of-british-citizenship>
- 15 Loss of South African Citizenship: An investigation into the implications of the phrase «voluntary and formal act» by Tarryn Michelle Rietveld, p.14 <https://repository.up.ac.za/bitstream/handle/2263/29696/dissertation.pdf?sequence=1>
- 16 Mexico – Nationality and citizenship <http://www.migracionoea.org/index.php/en/sicremi-en/297-mexico-2-2-nacionalidad-y-ciudadania-2.html>

- 17 'No One Can be Deprived of Citizenship' <https://bianet.org/english/human-rights/173683-no-one-can-be-deprived-of-citizenship>
- 18 Citizenship Law in Africa A Comparative Study by Bronwen Manby, p.79 <http://www.unhcr.org/4cbc60ce6.pdf>
- 19 Law on Montenegrin Citizenship <http://www.refworld.org/cgi-bin/txis/vtx/rwmain/opendocpdf.pdf?reldoc=y&docid=555218f04>
- 20 Norwegian Nationality Act <http://app.uio.no/ub/ujur/oversatte-lover/data/lov-20050610-051-eng.pdf>
- 21 Swedish Migration Agency <https://www.migrationsverket.se/English/Private-individuals/Becoming-a-Swedish-citizen/Losing-or-retaining-citizenship/Losing-or-retaining-Swedish-citizenship.html>
- 22 Как в Казахстане будут бороться с терроризмом Подробнее: <http://abctv.kz/ru/news/kak-v-kazahstane-budut-borotsya-s-terrorizmom>
- 23 12 терактов предотвращено в Казахстане за 2016 год //365info.kz>2017/01/12-teraktov...kazahstane-za-2016...
- 24 445 человек осуждены в РК за экстремизм и терроризм...ratel.kz>kaz/445_chelovek...rk_za...terrorizm...nachala...
- 25 Подробнее: Конвенция о сокращении безгражданства...un.org> Главная страница ООН>Документы>Декларации>...statelessness.shtml.
- 26 BSNews :: Грузия присоединилась к Конвенции... BlackSeaNews.net/read/83086.
- 27 Закон Республики Казахстан от 6 января 2012 года... online.zakon.kz>Document/?doc_id=31106860
- 28 Huntington S. 1991. The third wave: Democratization in the late Twentieth Century. USA: University of Oklahoma Press. 366 p.

References

- 1 Zakon Respubliki Kazakhstan ot 10 marta 2017 goda (The Law of the Republic of Kazakhstan of March 10, 2017) No. 51-VI ZRK «On Making amendments and additions to the Constitution of the Republic of Kazakhstan».
- 2 Zakon Respubliki Kazakhstan ot 20 dekabrya 1991 goda (Law of the Republic of Kazakhstan of December 20, 1991) 1017-XII (with amendments and additions as of July 11, 2017) «On the Citizenship of the Republic of Kazakhstan».
- 3 Boyars Yu.R. 1986 Voprosy grazhdanstva v mezhdunarodnom prave (Boyars YU.R. (1986) Voprosy grazhdanstva v mezhdunarodnom prave).[Questions of citizenship in international law].- M.: Intern. relations, 1986. 160 p.
- 4 More than 200 Kazakhstani people are fighting in Syria and Iraq. // Source: youtube.com> watch? v = 2cgZLrQ99FE
- 5 Zakon Respubliki Kazakhstan ot 14 aprelya 1993 goda (More: Law of the Republic of Kazakhstan No. 2143-XI of April 14, 1993) «On the rehabilitation of victims of mass political repressions (with amendments and additions as of 08.04.2010) «// Source: Law of the Republic of Kazakhstan dated April 14 1993 ... online.zakon.kz> Document /? Doc_id = 1001939.
- 6 Indian Citizenship Act, 1955, article 10.<http://www.advocatekhoz.com/library/bareacts/citizenship/10.php?Title=Citizenship%20Act,%201955&STitle=Deprivation%20of%20citizenship>
- 7 Bangladesh Citizenship Act, 1951, article 16 http://bdlaws.minlaw.gov.bd/sections_detail.php?id=242§ions_id=7483
- 8 The Right to Citizenship in Egypt's Age of Terror. Tahrir Institute for Middle East Policy. <https://timep.org/commentary/the-right-to-citizenship-in-egypts-age-of-terror/>
- 9 Citizenship Law No.43, dated February 1, 1993 http://www.multiplecitizenship.com/wscl/ws_COLOMBIA.html
- 10 United Nations report Arbitrary deprivation of nationality: report of the Secretary-General, p.3 <https://www.un.org/ruleof-law/files/49958be22.pdf>
- 11 United Nations report Arbitrary deprivation of nationality: report of the Secretary-General, p.5 <https://www.un.org/ruleof-law/files/49958be22.pdf>
- 12 Non- Recognition of Dual Citizenship in Iranian Law: A Compendious Survey of Statutory Law by Mansour Farrokhi p.160 http://www.aijssnet.com/journals/Vol_4_No_2_April_2015/14.pdf
- 13 Deprivation of British citizenship and withdrawal of passport facilities <http://researchbriefings.parliament.uk/Research-Briefing/Summary/SN06820>
- 14 Theresa May deprived 33 individuals of British citizenship... <https://www.thebureauinvestigates.com/stories/2016-06-21/citizenship-stripping-new-figures-reveal-theresa-may-has-deprived-33-individuals-of-british-citizenship>
- 15 Loss of South African Citizenship: An investigation into the implications of the phrase «voluntary and formal act» by Tarryn Michelle Rietveld, p.14 <https://repository.up.ac.za/bitstream/handle/2263/29696/dissertation.pdf?sequence=1>
- 16 Mexico – Nationality and citizenship <http://www.migracionoea.org/index.php/en/sicremi-en/297-mexico-2-2-nacionalidad-y-ciudadania-2.html>
- 17 'No One Can be Deprived of Citizenship' <https://bianet.org/english/human-rights/173683-no-one-can-be-deprived-of-citizenship>
- 18 Citizenship Law in Africa A Comparative Study by Bronwen Manby, p.79 <http://www.unhcr.org/4cbc60ce6.pdf>
- 19 Law on Montenegrin Citizenship <http://www.refworld.org/cgi-bin/txis/vtx/rwmain/opendocpdf.pdf?reldoc=y&docid=555218f04>
- 20 Norwegian Nationality Act <http://app.uio.no/ub/ujur/oversatte-lover/data/lov-20050610-051-eng.pdf>

- 21 Losing or retaining Swedish citizenship – Swedish...
<https://www.migrationsverket.se/English/Private-individuals/Becoming-a-Swedish-citizen/Losing-or-retaining-citizenship/Losing-or-retaining-Swedish-citizenship.html>
- 22 More information: <http://abctv.kz/en/news/kak-v- kazahstane-budut- borotsya-s- terrorizmom>.
- 23 More: 12 terrorist acts prevented in Kazakhstan in 2016 [365info.kz> 2017/01/12-teraktov ... kazahstane-za-2016 ...](http://365info.kz/2017/01/12-teraktov...kazahstane-za-2016...)
- 24 More: 445 people convicted in Kazakhstan for extremism and terrorism ... [ratel.kz> kaz / 445_chelovek ... rk_za ... terrorizm ... nachala ...](http://ratel.kz/kaz/445_chelovek...rk_za...terrorizm...nachala...)
- 25 More: Convention on the Reduction of Statelessness ... [un.org> Home UN> Documents> Declarations> ... statelessness.shtml](http://un.org/Home/UN/Documents/Declarations/statelessness.shtml).
- 26 BSNews :: Georgia joined the Convention ... [BlackSeaNews.net> read / 83086](http://BlackSeaNews.net/read/83086).
- 27 [Zakon Respubliki Kazakhstan ot 6 yanvarya 2012 goda] (The Law of the Republic of Kazakhstan dated January 6, 2012)...
[online.zakon.kz> Document /? doc_id = 31106860](http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31106860)
- 28 Huntington S. 1991. The third wave: Democratization in the late Twentieth Century. USA: University of Oklahoma Press. 366 p.

**Айдарбаев Сагынғалий¹, Базенов Айрат²,
Даркенбаев Асхат³, Удербаяева Бахит⁴**

- ¹доктор юридических наук, профессор кафедры международного права
Казахского национального университета имени аль-Фараби,
Казахстан, г. Алматы, e-mail: aydarbaevs@gmail.com, тел. +7 701 277 6002
- ²докторант 2 года обучения специальности «6D030100 – Юриспруденция»
Казахского инновационного гуманитарно-юридического университета,
Казахстан, г. Семей, e-mail: a.bazenov@mail.ru, тел. +7 705 904 7941
- ³кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права
Казахского национального университета имени аль-Фараби,
Казахстан, г. Алматы, e-mail: asxat_dar@mail.ru, тел. +7 701 759 1009
- ⁴кандидат юридических наук, доцент Университета НАРХОЗ,
Казахстан, г. Алматы, e-mail: u.baxit@mail.ru, тел. +7 701 553 1818

**ПРАВО ЧЕЛОВЕКА НА «ХОРОШЕЕ УПРАВЛЕНИЕ»:
ПОНЯТИЕ И НОРМАТИВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ**

В статье анализируется понятие права на «хорошее управление», которое относительно недавно получило закрепление в нормативных документах Европейского Союза в качестве одного из «новых» прав человека. Авторы рассматривают связь этого права с конституционными актами государств и нормативными документами Европейского Союза, а также обращают внимание на особенности нормативного содержания права на «хорошее управление» в соответствии с Хартией Европейского Союза об основных правах 2000 года. В статье указывается на существующую взаимосвязь между правом на «хорошее управление» и внутренними и внешними функциями государства. Право на «хорошее управление» первоначально получило закрепления в конституционных актах стран Британского Содружества наций, а затем распространилось на конституционные акты и других государств. Так, авторы в качестве примера приводят конституционные акты Канады, Греции, Андорры. Аналог права на «хорошее управление» закреплен и в конституциях Российской Федерации и Республики Казахстан. По мнению авторов, право на «хорошее управление» относится к категории прав первого поколения, поскольку является в определенном смысле логическим продолжением конституционного права гражданина на участие в управлении делами государства, применительно к такому интеграционному объединению, как Европейский Союз.

Ключевые слова: права человека, «хорошее управление», Европейский Союз, Хартия основных прав ЕС, функции государства.

Aidarbayev Sagyngaliy¹, Bazenov Airat², Darkenbayev Askhat³, Uderbayeva Bakhit⁴

¹Doctor of Law, Professor of the Department of International Law of al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty, e-mail: aydarbaevs@gmail.com, tel. +7 701 277 6002

²doctoral students 2 years of training in the specialty «6D030100 – Jurisprudence» Kazakh innovation humanitarian-legal university, Kazakhstan, Semey, e-mail: a.bazenov@mail.ru, tel. +7 705 904 7941

³Candidate of Law, Associate Professor of the Department of International Law of al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty, e-mail: asxat_dar@mail.ru, tel. +7 701 759 1009

⁴Candidate of Law, Associate Professor, University of NARXOZ, Kazakhstan, Almaty, e-mail: u.baxit@mail.ru, tel. +7 701 553 1818

The human right to «good governance»: concept and the normative content

The article analyzes the concept of the right to «good governance», which recently been restated in the regulations of the European Union as one of the «new» human rights. The authors examine the relationship of this right to constitutional acts of states and the European Union regulatory documents,

as well as features of the normative content of the right to «good governance» in accordance with the EU Charter of Fundamental Rights in 2000. The right to «good governance» was initially secured in the constitutional acts of the countries of the British Commonwealth of Nations, and then spread to the constitutional acts of other states. Thus, the authors cite the constitutional acts of Canada, Greece, Andorra as an example. The analogy of the right to «good governance» is also fixed in the constitutions of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan. According to the authors the right to «good governance» refers to the category of first-generation rights, because it is in a certain sense, a logical continuation of the constitutional right of citizens to participate in managing state affairs, in relation to such integration associations such as the European Union. The article points to the existing relationship between the right to «good governance» and the internal and external functions of the state.

Key words: human rights, «good governance», the European Union, the EU Charter of Fundamental Rights, functions of the state.

Айдарбаев Сағынғали¹, Базенов Айрат², Дәркенбаев Асхат³, Үдербаева Бақыт⁴

¹заң ғылымдарының докторы, әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті халықаралық құқық кафедрасының профессоры, Қазақстан, Алматы қ., e-mail: aydarbaevs@gmail.com, тел. +7 701 277 6002

²Қазақ инновациялық гуманитарлық-заң университетінің «БД030100 – Юриспруденция» мамандығының 2 оқу жылының докторанты, Қазақстан, Семей қ., e-mail: a.bazenov@mail.ru, тел. +7 705 904 7941

³заң ғылымдарының кандидаты, әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті халықаралық құқық кафедрасының профессоры, Қазақстан, Алматы қ., e-mail: ashat_dar@mail.ru, тел. +7 701 759 1009

⁴заң ғылымдарының кандидаты, НАРХОЗ университетінің доценті, Қазақстан, Алматы қ., e-mail: u.baxit@mail.ru, тел. +7 701 553 1818

Адамның «жақсы басқару» құқығы: түсінігі мен нормативтік мазмұны

Бұл мақалада адамның «жаңа» құқықтары ретінде Еуропа Одағының халықаралық нормативтік құқықтық құжаттарында жақын арада бекітілуін тапқан «жақсы басқару» құқығының түсінігі талдауға алынған. Авторлар бұл құқықтың мемлекеттердің конституциялық актілерімен және Еуропалық Одақтың нормативтік құқықтық құжаттарымен байланысын қарастырады, сондай-ақ Еуропа Одағының 2000 жылғы негізгі құқықтар туралы Хартиясына сәйкес «жақсы басқару» құқығының нормативтік мазмұнының ерекшеліктеріне аса жоғары көңіл бөледі. Мақалада «жақсы басқару» құқығы мен мемлекеттің ішкі және сыртқы функцияларының арақатынасы көрсетіледі.

«Жақсы басқару» құқығы бастапқысында Британдық ұлттар қауымдастығына кіретін елдердің конституциялық актілерінде өзінің бекітілуін тапты, ал кейін басқа да елдердің конституциялық актілеріне таратылды. Мысал ретінде авторлар Канада, Грекия, Андорра сияқты мемлекеттердің конституциялық-құқықтық актілерін келтіреді. «Жақсы басқару» құқығының баламасы Ресей Федерациясы мен Қазақстан Республикасы конституцияларында да өз көрінісін табуда.

Мақала авторларының пікірі бойынша, «жақсы басқару» құқығы бірінші буын құқықтары қатарына жатады, өйткені ол, белгілі бір мағынада, Еуропа Одағы сияқты халықаралық интеграциялық бірлестікке қатысты азаматтың мемлекет істерін басқаруға қатысу конституциялық құқығының логикалық жалғасы болып табылады.

Түйін сөздер: адам құқықтары, «жақсы басқару», Еуропа Одағы, ЕО негізгі құқықтары Хартиясы, мемлекеттің функциялары.

Введение

Реализация функций государства как внутреннего, так и внешнего характера очень тесно связана с механизмом исполнительной власти современного государства, который базируется на признании высшей ценности прав и свобод человека, понимании вторичного характера управленческой деятельности по отношению к потребностям населения. Юридической основой для этого в Казахстане выступает пункт 1 статьи 1, в соответствии с которым «Республика Казахстан утверждает себя демократическим, светским, правовым и социальным государством,

высшими ценностями которого являются человек, его жизнь, права и свободы» (Конституция Республики Казахстан, 1995).

Опосредованность административной власти с очевидностью детерминирует направленность современной управленческой науки и практики на развитие прозрачных демократических моделей взаимодействия между человеком и властью с целью создания эффективного, быстрого и доступного способа реализации законодательных прав и получения необходимых государственных услуг. Подобная ориентированность на удовлетворение потребностей человека и гражданина органами исполнительной

власти, по признанию российского исследователя А.Ю. Петрова, обосновывается реализацией одного из важнейших политических прав современного культурного общества – права на хорошее управление («right to good administration») (Петров, 2013: 88-89).

По словам Л.В. Сморгунова, европейская правовая школа государственного управления в числе базовых принципов административной деятельности уже на протяжении многих лет выделяет принцип «хорошего управления» («good governance»), отражающий такое управление, которое отвечает требованиям открытого, демократического и справедливого общества (Сморгунов, 2003: 51).

Вместе с тем, в правовой науке Казахстана само понятие права на «хорошее управление» часто вызывает недоумение, хотя все отмеченные выше обстоятельства имеют очень большое значение для нашей страны, которая так же, как и многие другие транзитные государства, пытается построить свою экономическую модель управления и собственную модель демократии.

Однако, как отмечает Х. Параг, даже в самой Европе, к сожалению, пока нет четкого теоретического толкования и измерения содержания понятий «хорошее управление» или «качество государства». Эмпирические оценки в этом направлении исследований опережают построение целостной теоретической модели. Не существует и единого системного подхода к толкованию понятия «оценка эффективности» (т.е. «хорошего управления»), ее сущности и значения. Наблюдается множество подходов, гипотез, эмпирических свидетельств и экспертных оценок государственной эффективности. Не создана пока и приемлемая нормативно-правовая база оценки эффективности (Параг, 2010: 103).

И все это при том, что управление – это одна из труднейших и ответственных сфер интеллектуальной и практической деятельности людей, это сфера, от состояния которой во многом зависит благополучие общества и в конечном счете – судьба каждого человека (Атаманчук, 2010: 20).

Проблема «хорошего управления» («good governance») затрагивает даже международную жизнь. По словам известного российского ученого И.И. Лукашука, глобальный порядок складывается как бы на ощупь, методом проб и ошибок, результаты которых могут оказаться непоправимыми. На первый план выдвигается задача создания эффективного управления мировой системой. Значение этой задачи подчеркивается как ООН, так и правительствами

отдельных государств. Глобальное управление должно опираться на сотрудничество государств. Этой позиции придерживается международное сообщество (Лукашук, 2005:11). В Докладе Генерального секретаря ООН Кофи Аннана о работе Организации за 2000 год в этой связи прямо говорится: «Необходимо более эффективное мировое управление, под которым я имею в виду совместное ведение мировых дел» (Аннан, 2001:5).

Следует отметить и тот факт, что в русском языке до сих пор нет однозначно устоявшегося перевода термина «right to good administration», которое переводится авторами по-разному – право на «хорошее управление», на «должное управление», на «хорошее администрирование» и т.д.

В этих условиях представляется, что в юридической науке Казахстана назрела потребность в научно-теоретическом осмыслении понятия права на «хорошее управление».

Методы

Учитывая все более активное применение термина право на «хорошее управление», не только в актах национального права государств и в зарубежной юридической литературе, но уже и в международно-правовых документах, особенно в актах, принимаемых в рамках Европейского Союза, назревает необходимость научного осмысления этого понятия, особенно его нормативного содержания. Для этого необходимо изучить исследуемый объект в рамках конституционных актов соответствующих государств и актов Европейского Союза с использованием исторического и сравнительно-правового методов, а также метода структурно-функционального анализа.

Дискуссия

Право на «хорошее управление» в конституционных актах государств

Понятие «хорошее управление» в составе формулы «мир, порядок и доброе (хорошее) управление» было известно в Великобритании и странах Британского Содружества Наций уже в XIX веке. Эта фраза встречается во многих документах британской империи и наибольшее значение имеет в конституциях Канады и Австралии. В Канаде «мир, порядок и хорошее управление» определяют принципы работы канадского парламента (Мир, порядок и доброе управление, 2017).

Как отмечает Ю.А. Петров, реализация идеи «good governance» имеет определенные конституционные традиции; в том или ином виде она находила воплощение в текстах действующих конституций европейских государств. Например, ст.10 Конституции Греческой Республики от 11 июня 1975 г. закрепляет положение, согласно которому каждый в отдельности или совместно с другими имеет право, соблюдая законы государства, обращаться в письменной форме к властям, которые обязаны предпринять безотлагательные действия на основе существующих положений и дать обратившемуся обоснованный письменный ответ в соответствии с положениями закона. Преследование заявителя за содержащиеся в заявлении нарушения, если таковые имеют место, допускается только после обнародования окончательного решения органа власти, к которому данное заявление обращено, и с его разрешения. Запрос об информации обязывает соответствующий орган власти дать ответ в оговоренных законом условиях. Еще более широкие полномочия содержатся в Конституции Княжества Андорры от 14 марта 1993 г., гарантирующей право всех андоррцев на равный доступ к публичным функциям и обязанностям в соответствии с предписаниями, предусмотренными законом (ст.25). В соответствии со статьями 32-33 Конституции РФ граждане Российской Федерации также имеют право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей. Они имеют право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления (Петров, 2013: 89).

В Конституции Казахстана указанная норма закреплена в пункте 1 статьи 33 (Конституция Республики Казахстан, 1995).

Российский ученый Н.Ю. Хаманева, анализируя рассматриваемую норму, указывает, что «содержание права на обращение и корреспондирующей ему обязанности обеспечивать реализацию этого права выражается в конституционной норме в концентрированной форме – без конкретизации предмета, порядка и способов действий субъектов», а «его дальнейшее развитие и реализация осуществляются нормами административного права, и право на обращение приобретает административно-правовой характер» (Хаманева, 1997: 10).

Таким образом, в приведенных конституционных актах современных государств право на «хорошее управление» корреспондирует кон-

ституционному праву граждан участвовать в управлении делами государства.

Право на «хорошее управление» и нормативные документы Европейского Союза

Как отмечает известный казахстанский ученый-юрист С.Н. Сабикинов, международное право призвано стать гомоцентричным, т.е. ориентированным на человека (Сабикинов, 2009: 5). В этом отношении самые прогрессивные идеи и начинания в сфере защиты прав человека чаще всего возникают в праве Европейского Союза (далее – ЕС).

В 1990-е гг. перечень прав и принципов, содержащихся в Договоре о ЕС (как основном учредительном документе), был расширен. В связи с введением гражданства Союза в 1992 г. в него были включены ряд основных прав союзных граждан (часть вторая «Гражданство Союза»). В 1997 г. (поправками Амстердамского договора) был добавлен общий принцип социального равенства (ст. 13), т.е. недопустимости дискриминации в зависимости от «пола, расы или этнического происхождения, религии или убеждений, инвалидности, возраста или сексуальной ориентации». Указанный принцип, однако, был закреплен косвенно, т.е. путем наделения Европейского Сообщества полномочиями издавать законодательство о борьбе с данными видами дискриминации. Таким образом, и в первоначальной, и в действующей редакции Договор о ЕС в качестве «конституции» Европейского Союза не содержит всеобъемлющего «билля о правах», который охватывал бы весь комплекс основных личных, политических и социально-экономических прав человека и гражданина. В учредительных документах ЕС отсутствуют, например, такие основополагающие права, как право на свободу и личную неприкосновенность, право собственности, свобода мысли и слова и т.д. Признание и защита этих и иных базовых прав личности стали возможны благодаря судебной практике Суда ЕС, который с конца 1960-х гг. в своих решениях признал основные права в качестве «общих принципов права Сообщества» и провозгласил в качестве основного их источника Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (Кашкин и др., 2011: 113-114).

В этой связи О.М. Мещерякова отмечает, что по мере развития интеграции для граждан государств-членов Европейского Союза возникла необходимость в защите их прав, которые могли быть нарушены институтами ЕС, а также должностными лицами ЕС (Мещерякова, 2013).

Несмотря на использование Конвенции Совета Европы 1950 г., Европейский Союз не оставил попыток подготовить собственный «билль о правах», отражающий состояние их развития на конец XX в. Кульминацией этих усилий стало торжественное провозглашение 7 декабря 2000 г. Хартии Европейского Союза об основных правах. Таким образом, Европейский союз выработал свою собственную целостную концепцию основных прав и свобод человека. Провозглашение Хартии означало *два шага вперед* в европейском «конституционном» процессе. В то же время невозможность прийти к соглашению о юридической силе документа предполагала *шаг назад* (Ушакова, 2002).

Полноценное действие Хартии ЕС об основных правах стало возможным после придания ей высшей юридической силы в правовой системе Союза, что было предусмотрено Лиссабонским договором 2007 г., согласно которому Хартия имеет одинаковую юридическую силу с учредительными документами организации: Договором о ЕС и Договором о функционировании ЕС в редакции Лиссабонского договора (Кашкин и др., 2011: 114).

Российский исследователь А.С. Исполинов отмечает выдающийся характер Хартии, которая в отличие от Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. представлена не только гражданскими и политическими правами: в Хартии оказались собраны в одном документе как гражданские и политические права, так и социально-экономические права (Исполинов, 2012: 62).

Главная особенность Хартии – новый, уникальный подход к систематизации основных прав и свобод личности. В отличие от классического подхода основные права личности систематизированы в Хартии не по сферам их реализации (личная, политическая, социально-экономическая), а по ценностям, которые они защищают. Важнейшие среди них: человеческое достоинство, свобода, равенство и солидарность. В соответствии с этими и другими ценностями построена структура Хартии (Кашкин и др., 2011: 114-115]:

- глава I «Достоинство» (ст. 1-5) закрепляет те права и гарантии, без которых немислимо бытие человеческой личности: право на человеческое достоинство, право на жизнь, запрещение пыток и др.;

- глава II «Свободы» (ст. 6-19) призвана обеспечить свободную жизнедеятельность человека во всех сферах общественных отношений, за-

щитить его от неправомерного вмешательства публичных властей (в том числе институтов Союза). Это выражается в признании за личностью таких прав, как право на свободу и личную неприкосновенность, на уважение частной и семейной жизни, свободы мысли, совести и вероисповедания, свободы искусства и науки, свободы предпринимательства, права частной собственности и т.д.;

- глава III «Равенство» (ст. 20-26), название которой говорит само за себя, закрепляет наряду с принципом равенства положения о признании и уважении интересов групп населения, нуждающихся в особой защите общества (дети, пожилые люди, инвалиды);

- глава IV «Солидарность» (ст. 27-38) содержит трудовые и социальные права, призванные обеспечить снижение или устранение классовых и иных социальных противоречий: право работников предприятия на информацию и консультации, право на переговоры и коллективные действия, включая забастовку, запрещение детского труда, право на социальное обеспечение и т.д.;

- глава V «Гражданство» (ст. 39-46) устанавливает права и гарантии, предоставляемые в первую очередь гражданам Союза;

- глава VI «Правосудие» (ст. 47-50) предусматривает уголовно-правовые и процессуальные гарантии прав личности: право на эффективное обжалование и на доступ к беспристрастному суду, презумпция невиновности и др.;

- глава VII «Общие положения» (ст. 51-54) определяет сферу действия и порядок применения Хартии, ее соотношение с другими источниками прав и свобод, в том числе с ЕКПЧ 1950 г.

К особенностям Хартии наряду с уникальной систематизацией основных прав и свобод можно отнести признание в этом качестве «права на целостность личности» (ст.3) и «права на хорошее управление» (ст. 41). Первое защищает человека от возможных посягательств на его тело и душу с использованием достижений научно-технического прогресса (медицинские и биологические опыты, евгеника, клонирование, торговля частями человеческого тела), второе – от злоупотреблений со стороны институтов и органов Союза (Кашкин и др., 2011: 115).

По словам И.В. Сурodeйкиной, на современном этапе развития европейского права происходит существенный сдвиг в направлении повышения эффективности и укрепления защиты прав человека и основных свобод, чему служит принятие и введение в действие Лиссабонского договора, содержащего положения, образующие

юридическую основу для присоединения ЕС к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и придающие юридически обязательный статус Хартии основных прав ЕС (Суродейкина, 2011: 9).

Таким образом, право на «хорошее управление» является одним из новейших прав человека, официально введенных в нормативный оборот европейского права и каталог фундаментальных прав человека Хартией основных прав ЕС. Возникновение этого права связано с эволюцией европейской концепции прав человека, берущей свое начало в конституционной практике западных государств.

Особенности нормативного содержания права на «хорошее управление» в соответствии с Хартией ЕС об основных правах

Глава V «Гражданство» Хартии Европейского Союза об основных правах 2000 года содержит восемь статей, преимущественно связанных с политическими и информационными правами, вытекающими из наличия у лица гражданства Европейского Союза (Калиниченко, 2000: 48).

Статья 41 «Право на хорошее управление» входит в состав главы V «Гражданство» Хартии ЕС об основных правах, в которой содержатся следующие статьи: Статья 39 «Право голосовать и баллотироваться в качестве кандидата на выборах в Европейский парламент»; Статья 40 «Право голосовать и баллотироваться в качестве кандидата на муниципальных выборах»; Статья 41 «Право на хорошее управление»; Статья 42 «Право на доступ к документам»; Статья 43 «Посредник»; Статья 44 «Право петиций»; Статья 44 «Свобода передвижения и проживания»; Статья 45 «Дипломатическая и консульская защита».

Анализ норм главы V «Гражданство» свидетельствует о том, что здесь закреплены в основном политические права человека, вытекающие из гражданства ЕС. Иными словами, речь идет о правах европейских граждан (граждан ЕС) и обязанностях институтов и органов ЕС по отношению к этим гражданам. Следовательно, любую норму рассматриваемой главы необходимо толковать именно в этом контексте.

Статья 41 «Право на хорошее управление» состоит из четырех пунктов:

1. Каждое лицо имеет право на рассмотрение своего дела институтами и органами Союза беспристрастно, справедливо и в разумный срок.

2. Данное право, в частности, охватывает:

- право каждого лица быть заслушанным до принятия по отношению к нему меры индивиду-

ального характера, влекущей для него неблагоприятные последствия;

- право каждого лица на доступ к затрагивающему его информационному досье при соблюдении законных интересов в виде конфиденциальности, профессиональной и коммерческой тайны;

- обязанность администрации мотивировать свои решения.

3. Каждое лицо имеет право на возмещение Сообществом убытков, причиненных ему институтами или их служащими при осуществлении своих обязанностей, в соответствии с общими принципами, свойственными правовым системам всех государств-членов.

4. Каждое лицо может обращаться к институтам Союза на одном из языков, на которых составлены договоры, и должен получить ответ на том же самом языке.

Следует отметить, что Европейским Союзом, наряду с Хартией об основных правах, были подготовлены «Разъяснения Хартии об основных правах». Эти разъяснения были первоначально составлены под руководством Президиума Конвента, разработавшего Хартию Европейского Союза об основных правах. Их обновленная редакция была подготовлена под ответственностью Президиума Европейского конвента с учетом изменений, внесенных данным Конвентом в текст Хартии (в частности, в статьи 51 и 52), и с учетом последующего развития права Союза. Несмотря на то, что данные разъяснения сами по себе не обладают юридической силой, они служат ценным средством толкования, призванным сделать более ясным смысл положений Хартии (Разъяснения Хартии об основных правах, 2007).

«Разъяснение» следующим образом комментирует нормы статьи 41 «Право на хорошее управление». Статья 41 основана на существовании Союза как правового сообщества, характерные черты которого были развиты судебной практикой, признавшей, в частности, хорошее управление в качестве общего принципа права, а в отношении обязанности мотивировать – из статьи 296 Договора о функционировании Европейского Союза (см. также правовую основу в статье 298 Договора о функционировании Европейского Союза для принятия законодательных актов в целях обеспечения открытой, эффективной и независимой европейской администрации). Параграф 3 воспроизводит право, гарантированное в статье 340 Договора о функционировании ЕС. Параграф 4 воспроизводит

право, гарантированное в пункте «d» параграфа 2 статьи 20 и в статье 24 Договора о функционировании ЕС. В соответствии с параграфом 2 статьи 52 Хартии эти права применяются на условиях и в пределах, определенных в Договорах. Право на эффективные средства правовой защиты, которое служит важным аспектом данного вопроса, гарантировано в статье 47 Хартии.

Таким образом, из четырех параграфов, из которых состоит статья 41, первые два параграфа напрямую вытекают из судебной практики Суда ЕС а последние два параграфа – напрямую связаны с соответствующими статьями Договора о функционировании ЕС. Иными словами, это означает, что все положения статьи 41 Хартии имеют прочную правовую основу (фундамент).

Статья 41 Хартии закрепляет блок политических прав, определяющих характер взаимоотношений граждан, других физических лиц, а также юридических лиц и органов Европейского Союза. Известный российский специалист по праву ЕС, профессор С.Ю. Кашкин следующим образом комментирует положения статьи 41 Хартии. Параграф 1 ст. 41 предоставляет каждому право на рассмотрение его дела органами Союза беспристрастно, справедливо и в разумный срок. Данное право охватывает ряд правомочий, перечисленных в параграфе 2 ст. 41 – право быть заслушанным при принятии органами меры индивидуального характера, влекущей для лица неблагоприятные последствия, право на доступ к затрагиваемому интересам этого лица информационному досье при конфиденциальности, соблюдении профессиональной и коммерческой тайны, право требовать от органов Союза, мотивировать свои решения. На все из этих правомочий лица распространяется критерий беспристрастности, справедливости и разумности срока со стороны публичной власти (Кашкин, 2001: 187).

Принцип хорошего управления появился и получил развитие в прецедентном праве ЕС (Case C – 255/90, P. Burban, (1992) ECR I – 2253; Case T – 167/94, Nolle, (1995) ECR II – 2589; Case T- 231/97, New Europe Consulting and others, (1999) ECR II – 2403).

Право на «хорошее управление» является притязанием лица на соблюдение этого принципа органами Союза. Права, перечисленные в пп.1 и 2 ст. 41 Хартии об основных правах, были выработаны судебной практикой в связи с реализацией принципа хорошего управления. Данные права отразились в решениях Суда по делам «Heylens» (Case 222/86, 1987), «Orkem» (Case

374/87, 1989), и «TU Munchen» (Case C-269/90, 1991), а также в решениях Суда первой инстанции по делам «Lisrestal» (Case T – 450/93, 1994), и «Nolle» (Case T – 167/94, 1995).

Положение параграфа 2 ст. 41 Хартии, устанавливающее обязанность органов управления мотивировать свои решения, берет основу в ст. 253 Договора, учреждающего ЕС (Право Европейского Союза: Документы и комментарии, 1999).

Параграф 3 ст. 41 Хартии устанавливает право на возмещение Европейским Сообществом убытков, причиненных лицу действиями или бездействием институтов Сообщества или их служащих при осуществлении ими своих обязанностей. Такое возмещение предоставляется в соответствии с общими принципами, свойственными правовым системам всех государств. Право, предоставляемое параграфом 3 ст. 41 Хартии, возникает в одном из случаев ответственности Сообщества перед третьими лицами по ст. 288 Договора – в случае ответственности перед физическими и юридическими лицами. Этому необходимо придать значение, поскольку положения о деликтоспособности Сообщества являются существенной характеристикой его правового статуса (Право Европейского Союза: Документы и комментарии, 1999).

Параграф 4 ст. 41 предоставляет право на обращение к институтам Союза на любом из официальных языков, на которых составлены аутентичные официальные тексты учредительных договоров и право получать ответы от институтов Союза на том же языке. Договор, учреждающий ЕС определяет эти права для граждан Союза в абзаце 3 статьи 21. Параграф 4 ст. 41 Хартии устанавливает такие права для всех лиц, но при этом данные положения подпадают под действие параграфа 2 ст.52 Хартии, ограничивающего их реализацию рамками учредительных актов. Положения параграфа 4 ст.41 Хартии являются важнейшей гарантией права на эффективное обжалование, предоставленное ст. 47 Хартии, равно как и реализует принцип признания в Союзе языкового разнообразия (ст. 22 Хартии). Право на возмещение вреда, причиненного действиями или бездействием публичной власти, находит закрепление в конституциях ряда европейских государств: Германии (ст. 34 Основного закона), Италии (ст. 28 Конституции) и др. (Право Европейского Союза: Документы и комментарии, 1999).

Из всего массива представленного комментария к статье 41 Хартии заслуживают внимания

слова о том, что «Права, перечисленные в пп. 1 и 2 ст. 41 Хартии об основных правах, были разработаны судебной практикой в связи с реализацией принципа хорошего управления». Из приведенной формулировки можно сделать вывод о том, что принцип хорошего управления («good governance»), сложившийся в рамках теории государственного управления, лежит в основе права на «хорошее управление», которое является одним из основных прав граждан ЕС применительно к органам ЕС.

Таким образом, можно заключить, что между понятием «хорошее управление», сложившимся в рамках теории государственного управления и административного права, и правом на «хорошее управление» в рамках европейского права в сфере прав человека существует тесная связь.

Анализируя так называемые «новые» права, закрепленные в Хартии, Т.Е. Ушакова отмечает, что термин «новые» не означает, что эти права не регулировались ранее, но выделяет важность их гарантии в XXI в. Сюда следует отнести не только права, связанные с технологическим прогрессом в сферах информатики и биоэтики: например, запрещение клонирования и воспроизведения человека (ст.3.2) и защита данных личного характера (ст.8). «Новыми», в широком смысле, также считаются права, связанные с окружающей средой (ст.37); общественным потреблением (ст.38); хорошей администрацией (ст.41). К этой же группе относятся права ребенка (ст.24) и права меньшинств, вытекающие из признания культурного, религиозного и языкового многообразия (ст.22). Термин «новые», применительно к данным правам, указывает на тот факт, что их развитие и закрепление осуществлялись преимущественно в последние два десятилетия. Следовательно, эти права или совершенно не упоминаются, или трактуются в более абстрактной манере в таких классических источниках международного права, как Пакты ООН или Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (Ушакова, 2002).

В отношении права на «хорошее управление» необходимо отметить, что оно является новым, потому что ранее вообще не упоминалось в международных документах по правам человека. Вместе с тем, российский ученый А.Ю. Петров отмечает, что признание и законодательное отражение права на «хорошее управление» в Хартии ЕС об основных правах стало высшим

достижением эволюции права гражданина на участие в управлении делами государства (Петров, 2013: 89). Думается, что с этой оценкой можно согласиться.

А.С. Исполинов относит право на «хорошее управление» («good governance») вместе с правами престарелых и инвалидов, правами потребителей, правом на окружающую среду, правом на свободу ведения бизнеса, к категории прав «третьего поколения» (Исполинов, 2012: 62). При этом российский ученый опирается на классификацию поколений прав человека, предложенную К. Васеком, согласно которой к правам первого поколения относятся гражданские и политические права, к правам второго поколения – социальные, экономические и культурные права, к правам третьего поколения – права на здоровую окружающую среду, устойчивое развитие, на культурное наследие и другие (Vasak, 1977).

Заключение

По нашему мнению, право на «хорошее управление» относится к категории прав первого поколения, поскольку является, в определенном смысле, логическим продолжением конституционного права гражданина на участие в управлении делами государства, применительно к такому интеграционному объединению, как Европейский Союз. Управленческая деятельность государства, в свою очередь, связана с осуществлением его внутренних и внешних функций. Такая связь наполняет реальным содержанием взаимоотношения между функциями государства и правом на «хорошее управление».

Обращаясь к взаимосвязи права на «хорошее управление» и конституционного права граждан на участие в управлении делами государства, можно заключить, что право на «хорошее управление» является «реинкарнацией» традиционного, «старого» права на участие в управлении делами государства применительно к новым реалиям.

Следует полагать, что в недалекой перспективе это право появится в каталоге прав человека и гражданина государств-членов Евразийского экономического союза. В таком случае практика ЕС по реализации этого права может сослужить добрую службу и для постсоветских государств.

Литература

- 1 Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 года // [http:// www.constitution.kz/razdel1/](http://www.constitution.kz/razdel1/)
- 2 Петров А.Ю. «Право на хорошее управление» (right to good administration): конституционные традиции и современность // Вестник Южно-Уральского Государственного Университета. Серия: Право. 2013. – Выпуск №3. – Т.13. – С.88-92.
- 3 Сморгунов Л. В. Сравнительный анализ политико-административных реформ: от нового государственного менеджмента к понятию «governance» // Политические исследования. – 2003. – № 4. – С.50-58.
- 4 Параг Х. Демократия и эффективность: вызов XXI века // Свободная мысль. – 2010. – №3. – С.103.
- 5 Атаманчук Г.В. Теория государственного управления: учебник. – М.: Изд-во «Омега-Л», 2010. – 525 с.
- 6 Лукашук И.И. Международное право. Общая часть: учебник для студентов юридических факультетов и вузов. – Изд. 3. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – 415 с.
- 7 Аннан К. Общая судьба – новая решимость. – ООН, 2001. – С.5.
- 8 Мир, порядок и доброе управление // <http://ru.wikipedia.org/wiki/>
- 9 Хаманева Н.Ю. Защита прав граждан в сфере исполнительной власти. – М., 1997.
- 10 Сабикенов С.Н. Общечеловеческая концепция прав человека как идейная основа международного сотрудничества государств в сфере защиты прав человека // Права человека и актуальные проблемы международного права: мат-лы науч.-теорет. конф., (Алматы, 5 дек. 2008 г.) / отв. ред. С.Ж. Айдарбаев. – Алматы, 2009. – С.5-12.
- 11 Кашкин С.Ю., Четвериков А.О., Калинин П.А. и др. Право Европейского Союза: учебное пособие / отв. ред. С.Ю. Кашкин. – 3-е изд. – М.: «Проспект», 2011.
- 12 Мещерякова О.М. Хартия Европейского Союза об основных правах и проблема расширения компетенции институтов ЕС // Правовая инициатива. – 2013. – №6. // <http://49e.ru/ru/2013/6/1>
- 13 Ушакова Т.Е. Хартия основных прав Европейского Союза: два шага вперед и один – назад в процессе европейской интеграции // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 2002. – №2 // <http://evolutio.info/content/view/483/53/>
- 14 Исполинов А.С. Хартия основных прав ЕС: опыт первых трех лет применения // Евразийский юридический журнал. – 2012. – №12. – С.61–68.
- 15 Суродейкина И.В. Юрисдикционная защита прав человека в ЕС (законодательство и практика): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10. – М., 2011. – 27 с.
- 16 Калинин П.А. О гражданстве Европейского Союза // Московский журнал международного права. – 2000. – N3. – С.47-50.
- 17 Разъяснения Хартии об основных правах (2007/C303/02) / перевод д.ю.н. А.О. Четверикова // <http://eu-law.ru/2011/06/gazyasneniya-hartii-ob-osnovnykh-pravakh-2000-g/>
- 18 Право Европейского Союза: Документы и комментарии / под ред. проф. С.Ю. Кашкина – М.: Терра, 1999. – С.561-584.
- 19 Кашкин С.Ю. Хартия Европейского Союза об основных правах. – М., 2001. – 208 с.
- 20 Case C – 255/90, P. Burban (1992) ECR I – 2253; Case T – 167/94, Nolle, [1995] ECR II – 2589; Case T- 231/97, New Europe Consulting and others (1999) ECR II – 2403.
- 21 Case 222/86, Heylens (1987) ECR 4097.
- 22 Case 374/87, Orkem (1989) ECR 3283.
- 23 Case C-269/90, TU Munchen (1991) ECR I – 5469.
- 24 Case T – 450/93, Lisrestal (1994) ECR II – 1177.
- 25 Case T – 167/94, Nolle (1995) ECR II – 2589.
- 26 Vasak K. Human Rights: A Thirty-Year Struggle: the Sustained Efforts to give Force of law to the Universal Declaration of Human Rights // UNESCO Courier. – 1977. – Nov.19.

References

- 1 Annan K. (2001) Obshaja sud'ba – novaja reshimost, OON, S.5.
- 2 Atamanchuk G.V. (2010) Teorija gosudarstvennogo upravlenija. Uchebnik, M., Izd-vo «Omega-L», 525 s.
- 3 Case C – 255/90, P. Burban, [1992] ECR I – 2253; Case T – 167/94, Nolle, [1995] ECR II – 2589; Case T- 231/97, New Europe Consulting and others, [1999] ECR II – 2403.
- 4 Case 222/86, Heylens, [1987] ECR 4097.
- 5 Case 374/87, Orkem, [1989] ECR 3283.
- 6 Case C-269/90, TU Munchen, [1991] ECR I – 5469.
- 7 Case T – 450/93, Lisrestal, [1994] ECR II – 1177.
- 8 Case T – 167/94, Nolle, [1995] ECR II – 2589.
- 9 Hamaneva N.YU. (1997) Zashita prav grazhdan v sfere ispolnitel'noi vlasti, M.
- 10 Ispolinov A.S. (2012) Hartija osnovnyh prav ES: opyt pervyh treh let primenenija. Evrazijskii uridicheskii zhurnal, №12, S.61–68.
- 11 Kalinichenko P.A. (2000) O grazhdanstve Evropejskogo Soyuz. Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava, N3, S.47-50.

- 12 Kashkin S.YU. (2001) Hartija Evropeiskogo Soyuza ob osnovnyh pravah. M., 208 s.
- 13 Kashkin S.YU., CHetverikov A.O., Kalinichenko P.A. i dr. (2011) Pravo Evropeiskogo Soyuza: uchebnoe posobie (otv. red. S.YU. Kashkin), 3-e izd., M.: «Prospekt».
- 14 Konstitucija Respubliki Kazahstan ot 30 avgusta 1995 goda //http:// www.constitution.kz/razdel1/
- 15 Lukashuk I.I. (2005) Mezhdunarodnoe pravo. Obshaja chast': uchebnik dlja studentov yuri-dicheskikh fakul'tetov I vuzov., Izd. 3., M.: Volters Kluver, 415 s.
- 16 Mesh'erjakova O.M. (2013) Hartija Evropeiskogo Soyuza ob osnovnyh pravah I problema rasshirenija kompetencii institutov ES. Pravovaja iniciativa, – №6, // <http://49e.ru/2013/6/1>
- 17 Mir, porjadok I dobroeu pravlenie //http://ru.wikipedia.org/wiki/
- 18 Parag X. (2010) Demokratija I yeffektivnost': vyzov XXI veka.Svobodnaja mysl' ,№3, S.103.
- 19 Petrov A.YU. (2013) «Pravo na horoshee upravlenie» (right to good administration): kon-stitucionnye tradicii i sovremenost.Vestnik YUzhno-Ural'skogo Gosudarstvennogo Universiteta. Serija: Pravo,Vypusk №3, T.13, S.88-92.
- 20 Pravo Evropeiskogo Soyuza: Dokumenty i kommentarii. (1999) Pod red. prof. S.YU. Kashkina, M.: Terra, S.561-584.
- 21 Raz''jasnenija Hartii ob osnovnyh pravah (2007/S303/02) / perevod d.yu.n. A.O. CHetverikova //http://eu-law. ru/2011/06/razyasneniya-xartii-ob-osnovnyx-pravax-2000-g/
- 22 Sabikenov S.N. (2009) Obshechelovecheskaja koncepcija prav cheloveka kak ideinaja osnova mezhdunarodnogo sotrudnichestva gosudarstv v sfere zashity prav cheloveka //Prava cheloveka i aktual'nye problem mezhdunarodnogo prava: mat-ly nauch.-teoret. konf., (Almaty, 5 dek. 2008 g.) /Otv. red. S.Zh. Aidarbaev. – Almaty, S.5-12.
- 23 Smorgunov L.V. (2003) Sravnitel'nyi analiz politiko-administrativnyh reform: ot novogo gosudarstvennogo menedzhmenta k ponjatiyu «governance». Politicheskie issledovaniya, №4, S.50-58.
- 24 Surodeikina I.V. Yurisdikcionnaya zaschita prav cheloveka v ES _zakonodatelstvo i praktika,. Avtoref. dis. ...kand. yurid. nauk_ 12.00.10. – M._ 2011. – 27 s.
- 25 Ushakova T.E. (2002) Hartija osnovnyh prav Evropeiskogo Soyuza: dva shaga vpered i odin – nazad v processe evropeiskoi integracii. Belorusskii zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnyh otnoshenii, №2, //http://evolutio. info/content/view/483/53/
- 26 Vasak K. (1977) Human Rights: A Thirty-Year Struggle: the Sustained Efforts to give Force of law to the Universal Declaration of Human Rights. UNESCO Courier, Nov.19.

Nyissanbekova Lyazzat¹, Sairambaeva Zhuldyz²,

¹PhD student, e-mail: Nyissanbekova.Lazzat@kaznu.kz

²Candidate of Juridical Sciences, acting Associate Professor, e-mail: Sairambaeva.Zhuldyz@kaznu.kz
Department of International Law, Faculty of International Relations, Al-Farabi Kazakh National University,
Kazakhstan, Almaty

**DEFINITION AND GROUNDS OF THE INTERNATIONAL
LEGAL PERSONALITY OF INDIVIDUALS AS A SIGNIFICANT AND
COMPLEX PHENOMENON IN INTERNATIONAL LAW**

The question which is considered by us undoubtedly holds a specific place both in the theory of international law, and within the system of general law, in particular, the question concerns about legal personality of the natural person in international law. It is necessary to recognize that, in the theory, this problem isn't rather complete though some considerable attempts in this direction have been already made. In spite of the fact that the subject seems to one of classical objects of a research in the field of international law and also, there are various opinions among scientists concerning, both the status, and a legal status of the personality in international law, authors, analyzing legal doctrines in this direction, set the purpose, in clearing as studying of this problem is now. Therefore this article has been directed first of all to clarification of what makes a basis and limits of the legal provision for recognition of a new type of the subject of international law – the individual. First of all, in article focused attention on a variety of terms which are used by science of modern international law and, proceeding from it, have tried to open an essence and semantic value of each of them and also to define what of them are «suitable» at the characteristic of a legal status of the considered subject (individual).

Key words: individual, natural person, subject of international law, legal personality

Нысанбекова Ләззат¹, Сайрамбаева Жұлдыз²

¹Phd докторанты, e-mail: Nyissanbekova.Lazzat@kaznu.kz

²з.ғ.к., профессор м.а., e-mail: Sairambaeva.Zhuldyz@kaznu.kz

халықаралық қатынастар факультетінің халықаралық құқық кафедрасы,
әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.

**Халықаралық құқықтағы елеулі және күрделі құбылыс ретінде
жеке тұлғалардың халықаралық құқық субъектілігінің түсінігі мен негіздері**

Өзіміз көргендей мәселе, әрине, халықаралық құқық және жалпы құқық жүйелерін теориясы ерекше орын алады, атап айтқанда, бұл мәселе халықаралық құқық бойынша жеке тұлғаның құқықабілеттілігі туралы болып табылады. Айта кету керек, осы бағытта кейбір елеулі әрекеттер жасалды, бірақ теориялық тұрғыда бұл мәселе жеткілікті зерттелмеген. Яғни ғалымдар арасында халықаралық құқықта тұлғаның құқықтық мәртебесі туралы әр түрлі пікірлер бар. Халықаралық құқық саласындағы зерттеулердің классикалық объектілерінің бірі болғанына қарамастан, авторлары осы саладағы құқықтық доктринаны талдау арқылы өздерінің алдарына мақсат қойды, осы мәселенің ағымдағы зерттеуі арқылы түсініктеме беру. Сондықтан, бұл мақала халықаралық құқықта индивидті – субъект ретінде жаңа түрін тану үшін құқықтық ережелері шекарасын құрайды. Біріншіден, бұл мақалада қазіргі заманға сай халықаралық құқықта пайдаланылатын терминдерге көңіл аудардық, оның әр түрлі бағытталған түрдегі мәні мен түсінігін анықтау қажет болды, сол арқылы құқықтық мәртебесін қайсысы «тиісті» болатындығын субъектке (адамға) анықтадық.

Түйін сөздер: индивид, жеке тұлға, халықаралық құқық субъектісі, құқықсубъектілік.

Нысанбекова Ляззат¹, Сайрамбаева Жулдыз²

¹Phd докторант, e-mail: Nysanbekova.Lazzat@kaznu.kz

²к.ю.н, и.о профессора, e-mail: Sairambaeva.Zhuldyz@kaznu.kz
кафедра международного права, факультет международных отношений,
Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан, Алматы

Определение и основания международной правосубъектности физических лиц как значительного и сложного явления в международном праве

Вопрос, который рассматривается нами, несомненно, занимает особое место как в теории международного права, так и в рамках системы общего права, в частности, вопрос касается о правосубъектности физического лица в международном праве. Следует признать, что в теории эта проблема не является достаточно завершённой, хотя уже были сделаны некоторые значительные попытки в этом направлении. Несмотря на то, что тема кажется одной из классических объектов исследования в области международного права, а также существуют различные мнения среди ученых касательно как статуса, так и правового положения личности в международном праве, авторы, анализируя правовые доктрины в этом направлении, ставили цель прояснить, как обстоит изучение данной проблемы в настоящее время. Поэтому статья была направлена прежде всего на выяснение того, что составляет основу и границы юридического положения для признания нового вида субъекта международного права – индивида. В первую очередь, в статье акцентировали внимание на разнообразии терминов, которые используются наукой современного международного права и, исходя из этого, попытались раскрыть суть и смысловое значение каждого из них, а также определить, какие именно из них являются «подходящими» при характеристике правового положения рассматриваемого субъекта (лица).

Ключевые слова: индивид, физическое лицо, субъект международного права, правосубъектность.

Introduction

Modern international relations are characterized by its complexity and in the current environment as generally considered developing under the influence of globalization «covering the entire spectrum of human activity, derived from in-depth degree of internationalization» (Ефремова, 2010:31-38) and under the influence of «convergence, assimilation and integration» various, particularly national and regional legal systems (Скурко, 2008:69). Of course, this complex process of «strengthening of interrelation and mutual influence of the main directions and components of the development of the world community» (Барихин, 2010:146) the formation of which is not completed and the receipt of XXI century and therefore determined by complex economic, social, geopolitical, ethnic, religious and other factors are interrelated and interconnected components that have it's own positive and negative tendencies (Алексеев, 2000:225). However, it cannot be denied that in such above mentioned qualities it brings to the fore the need for objectively evident changes in the legal matter – «in public law and private law institutions, as well as in those structural features which distinguish between various legal systems, it's team, family,» the benefits and the dignity which, in turn, «it would seem different, almost polar opposite, incompatibility». In this context, it is actualized the issue of further transformation of the

current international law, which is characterized by broadening and deepening the scope of its regulation and, as a consequence, the involvement of new persons in international legal processes (Мамедов, 2002:6). In a broad sense, significant changes in the structure of international relations, and accordingly, in the subject of international legal regulation encourage the theory of international law to change or, one might say, to change views in the evaluation of the concept and types of subjects of international law and, as the scientists, «there is nothing unexpected or unnatural in the evolution of international relations and change the approach to their subjects», considering again the fact that globalization directly affects the present state of international law. In other words, a situation associated not so much with the problem of determination of the subject structure of international law as part of the global legal complex, but with the recognition (and, perhaps, reluctance of recognition) international legal personality and coupled with its international independent legal status of separate categories of participants of international relations (Алексеев, 2000:225). The fact is that if a long time States were the only full subjects of international law, and in the twentieth century there emerged new actors – intergovernmental organizations, State education, as well as nations and peoples fighting for their independence (Бекашев, 2009:204), in the twenty-first century according to the authors of the textbook «International public

law» as a new era in history, no doubt, will expand the volume of the legal personality of individuals, is recognized as the personality of other collective entities (e.g., international non-governmental organizations, transnational corporations, religious associations, in the aggregate of legal entities). It is noteworthy in this regard, in particular, adoption of the Canadian scientist R.F. Hansen, made in his study entitled «The international Legal Personality of the Multinational Enterprise and the Governance GAP Problem» (McGill University, Montreal, 2009), created on the basis of objective economic reasons: «multinational enterprises (which are generally recognized TNCs) now have international rights and obligations and the capacity to bring international claims», which ensures it's compliance with «the definition of a legal person under international law» or prove it's legal personality under international law»; as a result how legal entity TNCs are the unique subjects of public international law» (Hansen, 2009:23). This approach was earlier shared by J.I. Sedova too. In the thesis «International legal person as a subject of private international law» (Moscow, 2001) she wrote: today, at the turn of the Millennium «in a situation with need for the recognition of independent international legal status of separate legal entities under a unified legal form and created on the basis of self-executing international treaty» (Седова, 2001:32). According to the views of other Western authors – H. Steiner & D. Vagts) in parallel with such a rapidly growing phenomena, as TNCs has been increasing for a long time and the number of international non-governmental organizations that play an active role substitution and represent the organization originally operated by the government or the interests of big business (Steiner H., Vagts, 1968:189). U.Yu. Mammedov to these «non-traditional» subjects of international law further classifies entities (parts) of federations and sub-national (autonomous) territories unitary States is more progressive and, perhaps, generalizing, in our opinion (Мамедов, 2002:6), is sounding L.T. Djakeli the proposition that in legal relations in order to achieve certain results come first and foremost individuals, and then formed, or to its private and public purposes of all of the above organizations, i.e. state, enterprise, institution, public association, etc. (Джакели, 2002:29). In this regard, the purpose of the science of international law (and other legal Sciences and science as such in general) «is not only to explore the only existing realities, but also to predict the further development of certain phenomena» taking into account ongoing changes, which sometimes is content, «a study of the existing

(current) legal material»] and « moreover, in some areas, and in particular, on the question of international legal personality of individuals and their collective entity, has until substantial progress (Маргиев, 2005). It follows that «the task of the science of international law should lie not so much in a different interpretation of the international legal personality distinct from notions of general theory of law» this is how to strengthen the specific manifestation of that personality in relation to international relations, – mark individual experts (Лихачев). We believe that the above, therefore rightly can be attributed to natural persons (individuals), the extent, role and importance, as well as opportunities for engagement which in combination with the above entities in the system of international legal relations (because of the increasing in the framework of various areas of cooperation, convergence, erase barriers and differences, elimination forms discrimination), gradually increase.

Methods

As this work in essence is especially legal that for the characteristic of the main natural the phenomena and to their intrinsic understanding in work general scientific methods of a research are used. During the research the author used both general-theoretical, and concrete and scientific methods of knowledge. Researches lean on a formal and dogmatic (special and legal) method, a method of a concrete and legal research, a method of the logical analysis both other methods and receptions.

Results and Discussion

Meanwhile, as many authors write, «the question of international legal personality of individuals is one of the most contentious in legal science» or one of the most controversial (and really actively being discussed) in the science of international law (Самович, 2006:115). Thus according to Yu. V. Grigorovich «range looks really wide: from a complete denial of the international legal personality of the individual to the recognition of the last the only subject of international law» (Григорович, 2008:172-187). In the opinion of the famous Russian scientist S.V. Chernichenko, the discussion on the international legal personality of the individual is not completed, moreover, in the post-Soviet space it is, strictly speaking, only begins in earnest» (Черниченко, 1974:149). With him in solidarity and Chilean lawyer C. M. Assenza (Conrado M. Assenza), which conducted the analysis of the current

state of the practice and doctrine of international legal personality of individuals agree with the previous writer that « debates about the status of the individual in international law is as old as international law itself,» «however this never gets old» (Assenza, 2010:220). The evidence in relation to the last points of view are, for example, the following positions and facts. If L. Oppenheim in his famous treatise on international law published in London in 1905 wrote that in the XIX century, and still in the beginning of the XX, international legal doctrine could not see in the human person more than simply the object of international law» (Oppenheim, 1905:14)., wherefore to conclude Manner (American researcher) only and exclusively States recognized its subjects (Manner, 1952:46), which was based, incidentally, in line with the introduced in the XIX century the positivist dichotomy of «subject-object» or division into subjects and objects proved later in his «surface», «neglect», «inflexibility» and «inadequate»(Chen) in the definition of international law as «a set of rigid and autonomous rules, which would automatically solve problems without human intervention», at the beginning of the first periods of the XXI an individual is both scientific and officially started to be regarded by many scientists and international institutions as a frequenter (*habitué*), that is, as frequent and constant participant of international legal relations. Theoretical development of its legal and actual possibilities and also the recognition of potential resources as a subject of international law in the above context dedicated individual, specialized works of scholars such as Ian Brownlie, A. Cassese, McCorquodale, M. Shaw, Kay Hailbronner and many others. The International Court of Justice writes, «Schroeder Mueller has acknowledged that the Security Council universal organization if necessary can put international obligations and non-state actors, including individuals. In its Advisory Opinion on the unilateral Declaration of independence of Kosovo of 22 July 2010, the main judicial body of the UN also held that taking into account the relevant circumstances, the Security Council authorized to impose enforceable requirements (obligations) not only to member States and intergovernmental organizations but also to individuals . Thus, to K. Parlett, in his doctoral thesis, devoted to the status of the individual in the international legal system (The individual in the International Legal Cambridge, 2010), in the last hundred years, we witness a significant trend in international law where the place of the individual shifting from the established peripheral status earlier though still not in the center, but continuously into the inner circle of its regulation (Parlett, 2010:462).

All this shows, firstly, on the evolution of the Institute of international legal personality, in particular, and about the transformation of the international legal order as a whole, which, therefore, cannot fail to have implications for the relevant categories and concepts in the science of international law (Parlett, 2010:462). Secondly, «the established status quo and the systematic nature of international relations and their governing rules of international law presupposes the diversity and the consistency of the subjects participating in international relations» (Traibach, 2006:34) that could mean: if an individual over many years «is usually associated with the government and was not considered as an autonomous subject of international law», now in this issue international law is moving from coordination to cooperation» (Friedmann, 1964:70). Thirdly, as some experts conclude, «trends in the allocation of the individual international legal personality predetermined predefined coordinate the development of liberal-democratic civilization as a community ideologically unidirectional States» (Hypymov, 2000:4), therefore, «to deny and not see these global changes at least pointless, but by and large it is dangerous» (Hypymov, 2000:4) and in this sense, the individual with the qualities of the individual under international law, «is absolutely perfect man, endowed with conscience and acting in accordance with their needs and perceptions» (Maftel, Coman, 2010: 102-112).

But what is actually legal (normative) content of the international legal personality of individuals? What are the boundaries of this element of the system of international law established to date, current international legal practice in comparison with other subjects? In addition, what are the main trends of its development in the future? All these issues need fleshing out in our research.

First of all, the work should focus on the variety of terms used by the modern science of international law and. on this basis, to disclose the essence and meaning of each of them and determine which ones are «appropriate» when characterizing the legal status of the subject (person). In reality, these terms are numerous. The most commonly known and used ones are: respectively the «person» («individual»), «personality», «persona», «man», «individual», «individual person», «physical entity» and «citizen». Based on these terms, perhaps it is conditionally possible to speak of an established species name of the analyzed entity, but not its generally accepted classification. Besides international law in all sources, regulating certain aspects of the legal nature of the legal personality specifically sets forth the gen-

eral and the particular, between these concepts. However, in the context of the regulated object or the subject of each of the above terms represents a logically designed their own understanding and information about the relevant phenomenon. However in a separate, so-called indirect sources and, in particular, in scientific research, all of these terms are often «mixed», and therefore, are used either as complementary (mutual understanding), or as interdependent concepts. For persuasiveness it is possible to note that the same word «entity» means in one case, «person, persona», in other case – «individual», «character», «natural person» (legally) and in the third – a legal entity (according to the definition of the French lawyer L. J. Morande – it is a Union collective non-personal interests» (Morandere, in contrast, however, I. B. Novitsky believed that «the Roman jurists had developed the notion of legal entity as a special subject...» they compared it « with a person with a physical person, and said that the organization was persona vice (instead of people)» (Новицкий), was with him in solidarity and Koretsky, who all believed that « legal abstraction of the legal person – the same person as a natural person, foreign legal persons are aliens , and foreign individuals» (Корецкий, 1989:416). «Person» in turn is the person or the person is a carrier of certain properties; «persona» in general, the same as person (in particular person or have a special status representative); «man» – a particular person with their personal characteristics and has the ability; «natural person» in the narrow sense can be interpreted as a variation of the concept of «man»; «individual» «individual person» means the person as an individual; «citizen» can be understood both as a person (adult), and in status of who has the set of rights and obligations due to the combination of constantly «supported connection with any government (hence accordingly ensues the concept of «citizenship» the legal status of the individual in relation to a particular state, expressed as a stable combination of continuing mutual rights and obligations, bearing a public character» (Бурьянова, 2006:29). Thus, if to summarize the foregoing, it can first be noted that these terms are subject to certain distinctive features are «the international law concerning related and equivalent, and secondly they, from the point of view of national positive law expressed characteristics of an individual and collective subject with different names» (Бурьянова, 2006:29) (in this case, as stressed by Mihai G., Mihai E., «individual» (man) defines «juridical person in civil law, the employee in labor law, a citizen in constitutional law, civil servants in administrative law and offender in the crim-

inal law and so on, in principle, and S. Moroz, agrees with him who writes that «the subjects of legal relations are legal relations of the parties, having mutual rights and obligations» (Мороз, 2005:7) and traditionally they are divided into individual and collective; thirdly, it is impossible not to notice that in both legal systems does not exist as such uniform, or as noted by E. I. Buryanova, neutral integrative concepts , which would unite in its view, still different aspects , expressed in all these terms. It's hard not to agree with the last statement made by the last author. Actually, speaking strictly from the point of view of modern international law, the situations (or circumstances) when mainly used terms such as «person», «persona» and «individual» (rarely «natural person»). In our opinion, the scope of its regulation, each of them has installed both general and sectorial norms and principles of the function and including related in this regard, exceptions to the application will not be able to fully claim the role of generic concepts that expresses the essence of a person before the law with all specific features. For example, according to the position of the same author – E.I. Buryanova the term «person» is an extremely broad abstraction, the most abstract from the personal characteristics of a particular person, which is the same category of «legal capacity»(Бурьянова, 2006:29). Personality for its part reflects the «socially necessary qualities of individual maturity, responsibility, independence» then applies, in particular, to foreigners who, by definition, E. S. Smirnova as individuals (Смирнова, 2009:25) can implement and protect recognized and guaranteed by the legislator norm and the international legal order – the rights, freedoms, responsibilities and interests), but does not want to serve as a base for the integrated characteristics of the person as a subject of legal relations. The phrase «natural person» is also «universal» 1, as it is, with the exception of private international law «is used only in some industries,» 2, for example, in the context of international criminal law, international procedural law, and therefore cannot be regarded as «generalized theoretical categories» 3. Incompleteness and additionally a failure of this term was emphasized in the former Soviet legal literature. So, S. Bratus and A. Ioffe wrote that this concept creates «the impression that the individual becomes a subject of law not because of his social qualities, not because a certain class or member of the society, and because of its natural properties as a psycho-physiological specimens» (Иоффе, 2004:116). A somewhat different situation exists with the use of the term «individual». According to the views of individual researchers and Buryanova

E. and Yu. V. Grigorovich individual «is a single representative of the human race, which is the subject of law and as such who can act in different guises» as a person and as a personality and as an individual and as a citizen, as well as in other «legal roles» (special legal status), so far only the concept, is the most «well-established and frequently used» in international law (Бурьянова, 2006:29)). Myself also support this point of view, and affirm their objectivity and truthfulness. But at the same time, I want here to emphasize that, despite the deficiencies noted above, the term «natural person» also did not reject or not competing with the concept of «individual» can simultaneously be widely used in the system, the science and practice of international law as «a unifying category. Also on there is their objective conditions and cogent reasons, as well as the counterarguments from other scientists. First, referring to L. J. Morandi it should be noted that individuals as individuals – the same «human beings, as they, each separately, are subjects of rights» (Morandi, 1958:52). Secondly, they can simultaneously speak in other «roles»: as a person, individual citizen, and furthermore or moreover, as a foreigner and the stateless person (apatride) (Morandi, 1958:52). Thirdly, we should not deny the fact (and this is conceded by one of the above-mentioned authors (E. I. Buryanova) what, no «people who would not be individuals»)(hence, it is obvious that the concept refers exclusively to all persons (including «persona»), with legal personality. Fourthly, undeniable is the fact that individuals, and individuals acting on its behalf. Based on the totality of this «evidence» leads to two important conclusions. The first conclusion : you can reasonably argue that the term «natural person under international legal interpretation unfairly given the limited scope and nature. The second conclusion: along with the notion of «individual» this category is quite legitimate to use for the description of the legal provisions of one or another actor in the status of the individual (citizen). Accordingly, in the present study, unlike many other similar works , in which priority and quite traditional is the use of the word ‘individual’, we give preference to this term as the most key concept. However, not begging (or underestimating) the role and the meaning of the term ‘individual’ I want to note that it is used in the context of the work as identical to «natural person» concept. Further it should be noted that the question of international legal personality of individuals from the point of view of methodology, is discussed in conjunction with the definition of international law and establish a circle of relationships that governed them. In turn, the pos-

itive result of the legal regulation of international relations «largely depends on the correct definition of the circle of subjects of these relations,» (Пантелеева, 1983:178-187) . In this regard, if you define international law as «a subsystem of the international system... in which it operates and the development of» (Тункин, 1994:7), as a system of «contractual and customary legal norms that expresses a coherent will of its subjects and aimed at regulation of inter-state relations for development cooperation and strengthening peace and security» (Усенко, Шинкаревич, 2003:17) or as a system «of legal rules which primarily govern the relations between States» (Brien, 2001:13), we can definitely talk about the exclusion of the international legal personality of individuals. If we start from the fact that when «current international law consists of rules and norms regulating the behavior of States and other subjects of this law, international legal personality which is recognized (including international organizations and individuals) in their relations with each other» (Wallace, 2005:1-2), therefore, subject to regulation by international law are recognized « all the relationships that go beyond one state and the regulation of which is possible only joint legal means of participants of international relations, (Маргиев, 2005), or international relations are understood in a broad sense as the overall connection of the members of the international community, as «a manifestation of public life and the conditionality of the relations defined by the laws of development, coexistence, the requirements of the international community and dormitories, then there is already not denying the fact that «the most striking feature of contemporary transnational environment is the diversity of subjects (actors) of international law» (Кравченко, 1976:176).

Conclusions

The real actual position, when it should be borne in mind that international law governed not only by interstate relations, and international relations in general and « otherwise this process would be haphazard, chaotic» therefore, restriction of the subject of regulation of interstate international law, servlet name relationships (even in a broad sense) is contrary to the existing practice note currently, the majority of specialists. Therefore, we also support these and other authors, consider that today more than ever, there are problems with human relations, outside of a few States (Jessup, 1956:2), contemporary international law due to a number of objective

reasons can no longer be viewed solely interstate right and in «these conditions, you must abandon the dogmatic postulate of the special role of the state in international relations»(Нурумов, 2000:193),

which is just dangerous and «simply does not allow scientific thought to be responsive to the realities of a rapidly changing global reality» (Нешатаева, 1998:81-86).

References

- 1 Ефремова Н.А. (2010) Международная экономическая интеграция государств в эпоху глобализации. – М.: Издательство: Изд-во РГГУ. – С. 31-38.
- 2 Скурко Е.В.(2008) Некоторые аспекты взаимодействия правовых систем в условиях глобализации // Государство и право. – № 8. – С. 69
- 3 Барихин А.Б.(2010) Большая юридическая энциклопедия (серия«Профессиональные справочники и энциклопедии»). – М.: Книжный мир. – С. 148 (960 с.)
- 4 Алексеев С.С. (2000) Право на пороге нового тысячелетия. – М. – С. 225 (с.)
- 5 Мамедов У.Ю. (2002) Международная правосубъектность: основные тенденции развития: автореферат дисс.канд. юрид.наук – Казань. – 29 с.
- 6 Международное публичное право: учебник / отв. ред. К.А. Бекяшев (2009). – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект. – С. 204 (1008 с.)
- 7 Алексеев С.С. (2000) Право на пороге нового тысячелетия. – М. – С. 225 (с.)
- 8 Hansen R.F. (2009) «The international Legal Personality of the Multinational Enterprise and the Governance GAP Problem» Montreal McGill University, Montreal,- P.150 https://www.researchgate.net/profile/Robin_Hansen4/publication/38437926_The_international_legal_personality_of_the_multinational_enterprise_and_the_governance_gap_problem/links/5835169a08aef19cb81f96ff/The-international-legal-personality-of-the-multinational-enterprise-and-the-governance-gap-problem.pdf
- 9 Седова Ж.И. (2001) Международное юридическое лицо как субъект международного частного права. Автореферат дис. канд. юрид. наук. – М. – С. 170.
- 10 Steiner H.,Vagts D. (1968) Transnational legal problems. – P. 189.
- 11 Мамедов У.Ю. (2002) Указ.соч. Международная правосубъектность: основные тенденции развития. Автореферат дисс.канд. юрид.наук – Казань. – 29 с.
- 12 Джакели Л.Т. (2002) Правосубъектность в теории и практике современного международного публичного права. Дисс. канд. юрид. наук. – М. – С. 15.
- 13 Маргиев В.И. (2005) Эволюция теории и практики международной правосубъектности, // <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsii-teorii-i-praktiki-mezhdunarodnoy-pravosubektnosti>
- 14 Лихачев М.А. (2011) Статус личности как воплощение взаимодействия международно-правового и внутригосударственного регулирования. Автореферат дисс. канд.юрид. наук. – М. – 32 с.
- 15 Самович Ю.В. (2006) К вопросу о международной правосубъектности индивидов// <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-mezhdunarodnoy-pravosubektnosti-individov>
- 16 Григорович Ю.В. (2008) Уголовная ответственность физических лиц за международные преступления. Дисс. канд. юрид.наук. – М. – С. 29.
- 17 Черниченко С.В. (2016) «Нескончаемая дискуссия о международной правосубъектности индивидов» // Евразийский Юридический Журнал, №1(92)
- 18 Assenza C.M.(2010) Individual as Subject of International Law in the International Court of Justice Jrisprudence. – Heidelberg, Germany. – P. 220
- 19 Oppenheim L. (1905) International Law. A Treatise. – 1st ed. – London , – 230P.
- 20 Manner (1952) The object Theory of the individual in International Law// American Journal of International Law, #46
- 21 Нурумов Д.И. (2000) Становление и развитие международной системы защиты прав человека. Дисс. Канд.юрид. наук. – М. – С. 29.
- 22 Parlett K. (2010) The Individual in the International Legal System. Continuity and Change in International Law. – Cambridge: Cambridge University Press, Pp. 462. ISBN: 9780521196666.
- 23 Traisbach K. (2006) The individual in International law. Draft for Presentation (incomplete references). – Berlin: Humboldt University.
- 30 Friedmann W. (1964) The Changing Structure of International law. – London: Stevens. – 198 p.
- 31 Нурумов Д.И. (2000) Становление и развитие международной системы защиты прав человека: дисс. канд. юрид. наук. – М. – С. 193.
- 32 Maftel J., Coman V.L.(2010) Considerations on the Legal Status of the Individual in Public International Law// Acta Universitatis Danubius (Juridica), #3.-p.110/ (Pp.102-112) |
- 33 Julliot de La Morandiere. (1958) Droit civil. op.cit n 507-525.
- 34 Корецкий В.М.(1989) Избранные труды: В 2-х кн. Кн. 2. – Киев. – 416 с.
- 35 Бурьянова Е.И. Указ.соч. (2006) Условия, определяющие правосубъектность индивида (общетеоретический аспект): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – Волгоград, 29 с.

- 36 Мороз С. (2005) Особенности правового статуса инвесторов-недропользователей// Юрист, №5. – С. 7.
- 37 Смирнова Е.С. (2009) Проблемы правового статуса иностранцев в условиях глобализации. Автореферат дисс. доктора юрид. наук. – М. – С. 32.
- 38 Иоффе О.С. (2004) Избранные труды: В 4 т. Т.2. Советское гражданское право. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс». – С. 116.
- 39 Пантелеева И.В. (1983) Брачная правосубъектность в международном частном праве / Изд-во Ленинград. универ-та: 178-187 с.
- 40 Международное право: Учебник/ под ред. Г.И. Тункина.(1994). – М.: Юрид. лит. – с. 7 (512 с.)
- 41 Международное право: Учебник/ Отв.ред. Е.Т. Усенко, Г.Г. Шинкарецкая (2003). – М. – С. 495.
- 42 O'Brien J. (2001) International Law. – London/ Sidney, – p. 325
- 43 Wallace R. (2005) International Law. F: 1th Ed.London. – P. 741.
- 44 Кравченко В.В.(1976) Советские общественные организации в международных отношениях. Организационно-правовые аспекты международной деятельности советских общественных организаций, Изд-во: Междунар. отношения. – Москва. – С. 176.
- 45 Международное публичное право: Учебник/ отв.ред. К.А. Бекяшев (2005) с.784
- 46 Нешатаева Т.Н. (1998) Международные организации и право. Новые тенденции в международноправовом регулировании. М., С. 272
- 47 Jessup Ph.C.(1956) Transnational Law.- New Haven. – p. 43

References

- 1 Alekseev C.C.(2000) Ius ad limina transgrediendo novi millennii(Right at the threshold of the new millennium). – М. – 225 s.
- 2 Assenza C.M.(2010) Individual as Subject of International Law in the International Court of Justice Jrisprudence.- Heidelberg, Germany.-P.220
- 3 Barikhin A.B. (2010)Most Encyclopedia (seriei «A reference librorum, et liber glossarium professional») Big legal encyclopedia («Professional handbooks and encyclopedias» series).- M. Libri mundo .- p.148 (960s.)
- 4 Buryanova E. Ukaz.soch. (2006) Ut condiciones determinare singulis personalitatem (generalis theoretical aspect) (Conditions that determine the legal personality of an individual (general theoretical aspect): The dissertation author's abstract on),Anno disputationem in Candidatus ad gradus autem Legal in Sciences. -Volgograd . -29s.
- 5 Chernichenko S.V.(2016) Quod sine fine disputandum de iure gentium personam hominum» (The Endless Discussion on the International Personality of Individuals») Eurasian Juridical Journal, No. 1 (92)
- 6 Efremova N.A. (2010) Internationalis de civitatibus oeconomicae integrationem, in era viribus propriis globalizationis postulatur(International economic integration of States in the era of globalization) // Publisher: Nabu Press Russian de re publica University Humanitarian Place of Publication: Moscow. p. 31-38
- 7 Friedmann W.(1964) The Changing Structure of International law.-London: Stevens.-p.198
- 8 Grigorovich Yo.V. (2008) Criminalibus responsabilitatis ad internationalis hominum crimina. (Criminal responsibility of individuals for international crimes)Disp. kand.yurid.nauk. - М.,- S.29
- 9 International public law: textbook / chief ed. K. A. Bekyashev(2009) – 5th version, revised and enlarged. – М.: Prospekt. – P. 204 (p. 1008)
- 10 International Law: Dictionary / pod.red. GI, Tunkina (1994) – М.: Yurid.lit, p.7 – (512s).
- 11 International Law: Textbook / Editorial. E.T. Usenko, G.G. Shinkaretsky (2003)-M.: -c.495
- 12 Ioffe O.S (2004) Cicero, Marcus Tullius (Selected Works) in 4 ton Vol.2. Soviet-civilis pravo. SPb.: Publishing Domus «Legal Press Centre» . P.116 (s).
- 13 Hansen R.F.(2009)«The international legal personality of the multinational enterprise and the governance GAP problem» Montreal McGill University, Montreal,-P.150 https://www.researchgate.net/profile/Robin_Hansen4/publication/38437926_The_international_legal_personality_of_the_multinational_enterprise_and_the_governance_gap_problem/links/5835169a08aef19cb81f96ff/The-international-legal-personality-of-the-multinational-enterprise-and-the-governance-gap-problem.pdf
- 14 Jakeli L. T.(2002) The legal personality in the theory and practice of modern international public law. Diss. Candidate the faculty of law sciences .- Moscow, – 15P.
- 15 Jessup Ph.C.(1956) Transnational Law.- New Haven,-p.43
- 16 Julliot de La Morandiere (1958) Droit civil. op.cit n 507-525,.
- 16 Koretskiy V.M. (1989) Selected Works: In 2 books. Book. 2. Kiev, 416 p.
- 17 Kravchenko V.V.(1976) Soviet-habena Institutis rationibus. Et facies ad norma iuris internationalis actio instituta publica(Soviet public organizations in international relations. Organizational and legal aspects of international activity of Soviet public organizations,) et Soviet Publ: Intern. Relationes, Moscow, p.176.
- 18 Likhachev M. A. (2011) Status of the individual as the embodiment of interaction between international law and domestic regulation. Abstract of Diss. Candidate the faculty of law sciences – М.,– 31P.
- 19 Maftel J., Coman V.L. Considerations on the Legal Status of the Individual in Public International Law// Acta Universitatis Danibuis (Juridica),2010. #3.-p.110/ (Pp.102-112) |
- 20 Mamedov U. Yu. (2002)Ersonality iuris internationalis, pelagus magna International legal personality: basic development trends. Abstract of Diss.candidate. the faculty of law of science – Kazan, – P. 29

- 21 Manner (1952) The object Theory of the individual in International Law// American Journal of International Law, #46
- 22 Margiyev V. I.(2005) Et de usu iuris internationalis doctrina et progressionem, personalitatem(Evolution of the theory and practice of international legal personality) // <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsii-teorii-i-praktiki-mezhdunarodnoy-pravosubektnosti>
- 23 Moroz S.(2005) Gelu, fugiebatque somnus ab postremo iurisconsultus legal statum subsoil user investors (Peculiarities of legal status of investors and subsoil users) // Jurist, №5.- p.7
- 24 Neshataeva T.N.(1998) Internationalia Instituta et rectam. Nova gentium quæ in moderna legum defensionem(International organizations and law. New trends in international legal regulation). M., -C. 81-86
- 25 Nurumov D.I. (2000) Internationalis humana iura praesidio systema in constitutione necnon progressionem (The formation and development of the international system of human rights protection) Diss. Candidate the faculty of law sciences.- M.,- P.193
- 26 O'Brien J.(2001) International Law.- London/ Sidney. -p.325
- 27 Oppenheim L.(1905) International Law. A Treatise, 1st ed. London .- 230P.
- 28 Samovich Y. V. (2006) De quaestione de iure gentium personam hominum (To the issue of international legal personality of individuals)// <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-mezhdunarodnoy-pravosubektnosti-individov>
- 29 Sedova J. I. De iuris gentium de privatis subiecto ens sit quale est ius gentium (International legal person as a subject of international private law) The author's abstract dis. Candidate the faculty of law. Sciences –M.,2001. –170 P.
- 30 Skurko E. V. (2008) Quidam ex commercio facies iura viribus propriis globalizationis postulatur in context (Some aspects of the interaction of legal systems in the context of globalization) // State and law, 2008, No. 8, P. 69
- 31 Smirnova E. S. (2009) Ad legalis problems vulgo globalizationem appellant statum externi in context (Problems of legal status of foreigners in the context of globalization) Abstract of Diss .Dr. Jurid. Sciences – M.,2009.- P.- 32
- 32 Steiner H., Vagts D. (1968) Transnational legal problems. – P. 189
- 33 Parlett K. The Individual in the International Legal System. Continuity and Change in International Law. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. Pp. 462. ISBN: 9780521196666.
- 34 Panteleeva I. V.(1983) In privatis ius nuptiarum personality(Marriage legal personality in private international law),178-187c.
- 35 Traisbach K.(2006) The individual in International law. Draft for Presentation (incomplete references). Berlin.,Humboldt University.- p.-64
- 36 Wallace R.(2005) International Law. F: 1th Ed.London,-P.741

3-бөлім
БІЛІМ БЕРУ МӘСЕЛЕЛЕРІ

Раздел 3
ВОПРОСЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Section 3
EDUCATION ISSUES

Елемесов Р.¹, Ондаш А.О.²

¹доктор экономических наук, профессор, e-mail: elemesov1942@mail.ru, тел.: +7 701 710 63 90

²PhD доктор, и.о. доцента, e-mail: ainurondash@gmail.com, тел.: +7701 228 48 08

кафедра международных отношений и мировой экономики, факультета международных отношений,
Казахский национальный университет аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы

**О ЗНАЧЕНИИ КУРСА МЕТОДОЛОГИИ НАУКИ
В ПОСЛЕВУЗОВСКОМ ОБРАЗОВАНИИ**

В статье рассматривается соотношение понятий философия науки, философия экономики, теория и методология экономической науки, учение и размышление. Обосновывается необходимость усиления методологической подготовки студентов послевузовского образования, чтобы подготовить специалистов, способных пополнить новыми знаниями область своих научных интересов. Основная идея статьи исходит из положения, что мир человека состоит из областей действительности, ментальности (мышления) и результатов мышления о фактах действительности в виде теоретических утверждений разного уровня. В настоящее время внедрение современной методологии является одним из наиболее важных компонентов образовательных услуг. Методология науки должна дать объяснение взаимосвязи этих трех уровней и, в конечном итоге, обеспечить соответствие теоретических утверждений фактам действительности, желательного в виде одного или нескольких законов, которые дали бы исчерпывающие объяснения функционирования и развития действительности. Кроме того, в статье даны конкретные рекомендации по развитию послевузовского образования, способствующие экономическому росту страны. В заключение делается вывод, что множественность школ и направлений в современной экономической науке не способствует решению актуальных экономических проблем.

Ключевые слова: философия науки, философия экономики, теория и методология науки, школы и направления экономической науки.

Elemesov R.¹, Ongdash A.O.²

¹Doctor of economic science, Professor, e-mail: elemesov1942@mail.ru, tel.: +7 701 710 63 90

²PhD doctor, acting associate professor, e-mail: ainurondash@gmail.com, tel.: +7 701 228 48 08

Chair «International Relations and World Economy», Faculty of International Relations,
Al-Farabi kazakh national university, Kazakhstan, Almaty

The significance of the methodology of science courses in postgraduate education

This article considers the relationship between the concepts of philosophy of science, philosophy of economics, theory and methodology of economic science, learning and thinking. Also proven the necessity of strengthening of methodological training of postgraduate students to prepare the professionals able to fill up with new knowledge area of his scientific interests. The main idea of this article is based on the premise that the human world consists of areas of reality, mentality (thinking) and the results of thinking about the facts of reality in the form of theoretical statements of different levels. Now introduction of modern methodology is one of the most important components of educational services. The methodology of science must give an explanation of the interrelation of these three levels and, ultimately, to ensure that the validity of theoretical statements to the facts of reality, preferably in the form of one or more laws, which would offer a full explanation of functioning and development of reality. In addition, the article gives specific recommendations on the development of post-graduate education, contributing to the economic growth of the country. It concludes that most schools and directions in modern economic science is not conducive to solving current economic problems.

Key words: philosophy of science, philosophy, economics, theory and methodology of science, schools and directions of economic science.

Елемесов Р.¹, Оңдаш А.О.²

¹экономика ғылымдарының докторы, профессор, e-mail: elemesov1942@mail.ru, тел.: +7 701 710 63 90

²PhD докторы, доцент м.а., e-mail: ainurondash@gmail.com, тел.: +7 701 228 48 08
әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Халықаралық қатынастар факультеті,
«Халықаралық қатынастар және әлемдік экономика» кафедрасы, Қазақстан, Алматы қ.

Ғылым методологиясы курсының жоғары білімнен кейінгі білім берудегі мәні туралы

Мақалада ғылымның философиясы, экономиканың философиясы, экономикалық ғылымның теориясы мен әдіснамасы, оқу мен ойлау деген түсініктердің арақатынасы қарастырылған. Өз ғылыми саласын жаңа білімдермен толықтыра алатын мамандар дайындау үшін жоғары мектептен кейінгі студенттердің әдіснамалық дайындығын күшейту керектігі негізделген. Мақаланың басты идеясы адамзаттың дүниетанымы үш деңгейден тұрады деген ұстаным. Олар: болмыс, ойлану және әртүрлі деңгейдегі теориялық тұжырымдар. Қазіргі кезде заманауи әдіснаманы енгізу білім беру қызметтерінің ең маңызды компоненттерінің бірі болып табылады. Ғылыми әдіснама осы үш деңгейдің өзара арақатынасын түсіндіріп, нәтижесінде теориялық тұжырымдар мен болмыстың фактілерінің бір-біріне сәйкестігін қамтамасыз етуі тиіс. Мүмкіндігінше мұндай теориялық тұжырымдар болмыстың қызмет етуі мен дамуын түпкілікті түсіндіретін бір немесе бірнеше ғана заңдылықтар түрінде болуы қажет. Сонымен қатар, мақалада елдің экономикалық өсіміне себеп болатын жоғары оқу орнынан кейінгі білім беруді дамыту бойынша нақты ұсыныстар көрсетілген. Қорытындысында қазіргі кездегі экономикалық ғылымда жеке мектептер мен ағымдардың көптүрлілігі өзекті экономикалық мәселелерді шешуге кедергі болатыны туралы пікір айтылған.

Түйін сөздер: ғылымның философиясы, экономиканың философиясы, ғылымның теориясы мен әдіснамасы, экономикалық ғылымның мектептері мен ағымдары.

Введение

В настоящее время Казахстан признается мировым сообществом как страна с рыночной экономикой. За короткий исторический период обретения независимости Казахстан сделал прорыв в экономике, интегрируясь в мировую цивилизацию, используя новые прогрессивные технологии. Определены перспективы социально-экономического развития страны. В этом контексте возрастают роль и значение современной системы образования, человеческого капитала как критериев уровня общественного развития, составляющих основы нового качества жизни общества и являющихся важнейшими факторами, базой экономической мощи и национальной безопасности страны.

Послевузовское образование в Казахстане, представленное магистратурой и докторантурой (PhD), предназначено (за исключением профильной магистратуры) для подготовки научно-педагогических кадров. Соответственно, если в вузовском образовании речь идет об усвоении студентами уже накопленных знаний о каком-то объекте действительности, то в послевузовском образовании студенты должны приобретать опыт выработки новых знаний об интересующих их объектах, пополнения научных знаний в сфере своей специализации. В области науки существует ряд актуальных вопросов, которые не рассматривались в течение долгого времени.

Устаревшая материально-техническая база и оборудование лабораторий не позволяют проводить качественные исследования.

В современной ситуации наиболее важной предпосылкой продуктивного развития методологии науки является ориентация на реальную практику научно-познавательной деятельности во всей её полноте и многообразии, опора на материал истории науки, преодоление предвзятости в выборе моделей и схем научного познания. Наиболее важной задачей методологической мысли в настоящее время является осознание и соответствующая проектно-конструктивная ориентация на проблематику естественнонаучного, технического и гуманитарного научного знания, переход от характерного для классического подхода чисто объектного рассмотрения научной предметности к такому её рассмотрению, которое включало бы «человеческий фактор», учитывало бы взаимодействие собственно познавательных и ценностных установок в научно-познавательной деятельности.

Дискуссия

Экономическая методология – «отрасль знания, изучающая экономическую науку как вид человеческой деятельности» (Ананьин, 2005: 17). Научная деятельность в методологии рассматривается сквозь призму соотношения науч-

ной истины и вненаучных элементов и отделения первой от вторых (нормативная методология) с привлечением социально-исторических и конкретно-научных факторов формирования экономических теорий (позитивная, или дескриптивная, методология). Если конкретизировать это определение, то методологией можно считать систематическое описание и исследование метода познания в науке, структуры и функций научного знания, а также структуры отношений между научной теорией и реальностью.

Методологи занимаются интеграцией и осмыслением готового знания, зачастую именно они транслируют его для более широкой аудитории. Кроме того, экономическая теория – весьма интересный объект для изучения, это – особый социальный институт, а экономисты – важная социальная группа (Mayer, 2001: 77), участники которой во многом несут ответственность за эволюцию современного общества. Еще одна функция, на выполнение которой претендует методология, – служить идеологией экономической науки, – показывать, какого рода идейные (социально-философские) притязания имеет эта наука, способствовать контактам экономистов с представителями других дисциплин и вообще с публичной сферой интересующихся наукой людей (в том числе политиков, журналистов и т.д.).

Известный экономист Фрэнк Хан сказал, что методология не нужна, поскольку в ней обсуждаются основания науки, которые последняя может выбрать сама путем эволюционного развития и отбора, причем «выжить» должна теория с наиболее «удачным» фундаментом (Hahn, 1992: 5). Однако эволюционный процесс подвержен искажениям, зависящим, в частности, от предшествующего развития и связанным, помимо прочего, с академическим статусом исследователей, модой на те или иные темы, ролью научных школ и т.п. Кроме того, методологическая дискуссия может сыграть в эволюционном процессе развития экономического знания роль «генной мутации», источника новых, неожиданных идей (Hargreaves Heap, 2000).

Дж. Дэвис предлагает периодизацию развития экономической методологии, которая нам представляется весьма удачной (Davis, 2007: 277–278). Он выделяет в этом развитии три революции. Первая произошла в 1930-е годы, ее характеризовало проникновение позитивизма как в умы методологов, так и в методологическую рефлексию экономистов (инструментализм М. Фридмана и операционализм П. Самуэльсона).

Вторая революция – проникновение в экономическую методологию идей К. Поппера и И. Лакатоша, а также Т. Куна, т.е. постпозитивистской философии науки. Стандарты научности либо стали более утонченными (как у Поппера), либо их начали подвергать сомнению с осознанием теоретической нагруженности фактов и проблемы несоизмеримости научных парадигм. С этих пор методологи стали говорить об экономической науке, используя внешние по отношению к ней теоретические ресурсы, стараясь переформулировать методологические проблемы на языке философии науки или каких-либо других гуманитарных дисциплин.

Третью революцию Дж. Дэвис связывает с окончательным преодолением нормативизма и с появлением новых направлений в методологии – риторических исследований в социологии и экономике, экономического знания, конкретно-исторических исследований экономической науки.

Представление о том, что научное знание формулируется научным сообществом и подвержено воздействию социально-политических и культурных факторов, оказало серьезное воздействие и на экономический анализ экономической науки (Eggertsson, 1995: 201-210; Wible, 1998: 365-368; Mäki, 1999: 486–509; Mirowski, Sent, 2002: 1), и на историю экономической мысли (Yonau, 1998: 320; Weintraub, 2002: 328), что вполне естественно ввиду эмпирического и исторического характера исследований в рамках социологии науки (Knorr Cetina, 1981: 200).

Методы

«Наряду со знаниями об объектах наука формирует знания и о методах, принципах и приемах научной деятельности. Потребность в развертывании и систематизации знаний второго типа приводит на высших стадиях развития науки к формированию методологии как особой отрасли научного исследования, призванной направлять научный поиск» (Кохановский, 2007 : 5). Такая трактовка методологии порождает ряд дополнительных и сложных вопросов типа: что за высшая стадия развития науки, почему методология формируется позже, как без определенных методов получены научные результаты на «низших» стадиях и т.д. Как показывает опыт преподавания курса методологии экономических исследований, на подобные вопросы трудно найти ответы, понятные и удовлетворяющие студентов. В то же время без достаточной мето-

дологической подготовки трудно рассчитывать на качественные исследования магистрантов и докторантов, если методология призвана «направлять научный поиск». На подобные вопросы должны отвечать курсы «философия науки», «философия и методология науки», для экономистов «философия экономики» и т.д. Но, как показывает опыт преподавания курса методологии экономических исследований, студенты в бакалавриате изучают краткий курс философии и трудно воспринимают философию науки. Поэтому, по нашему мнению, для магистрантов и докторантов отдельных научных направлений необходимо краткое и по возможности популярное пояснение места, роли и значения науки и ее методологии в научной деятельности.

Основная часть

В предельно обобщенном виде перед человеком и человечеством в целом стоят всего три наиважнейших и взаимосвязанных вопросов: что это?, как это?, и для чего это?

Ответ на вопрос что это? – есть узнавание, учеба, познание мира (действительности) во всем его многообразии от вселенной до элементарных частиц и отдельного человека до мирового сообщества. В идеале наука должна в простых и понятных для всех формах описать и объяснить «законы» функционирования и развития мира (общества), докопаться до «истины», открыть «сущность» всех вещей на свете. Но, как показывает практика науки, мы еще далеки от истины, сущности как таковой. «Сущность» даже простейших вещей на практике оказывается недостижимой. Но зачем тогда заниматься наукой? Люди занимаются наукой не ради любопытства (хотя любопытство играет важную роль в познавательной деятельности), а ради выживания, ради улучшения своей жизни. Не зная окружающий мир (как природный, так и социальный) человек не может выжить в этом мире, улучшить свои жизненные условия. Мы живем так, как знаем этот мир. Таким образом, ответ на вопрос что это и есть содержание науки.

Ответ на вопрос, «Как?» есть больше область методологии науки. В научных поисках возникает множество вопросов типа как мы отличаем одни вещи (явления) от другого, как мы убеждаемся что «это» есть именно это, а не другое, как их классифицируем, систематизируем, какими при этом принципами, приемами, методами, инструментами пользуемся, как мы убеждаемся, что полученные нами результаты являются «объ-

ективными», то есть правильными и т.п.? В своем развитии наука вырабатывает определенные «правила» поиска ответов и на такие вопросы. Без знания этих «правил» трудно рассчитывать на получение каких-то значимых результатов в любой отрасли науки.

Ответ на вопрос для чего это – есть практическое приложение науки, использование ее результатов в повседневной жизни человека. Сами по себе «объективные знания» о действительности нейтральны по отношению к жизни человека. Они могут быть как полезны человеку, так и смертельно опасны для жизни и, соответственно использованы как на благо человека, так и против него. Это зависит уже от целей использования научных знаний.

Мы попытались изложить проблему науки и ее методологии в наиболее простой и утрированной форме, чтобы в наиболее общем виде проблема была понятна начинающим изучать курс методологии экономики. А где здесь философия науки или, более конкретно, философия экономики? Их пока нет. А нужны ли они экономистам? Для ответа на этот вопрос сделаем небольшой экскурс в историю науки и философии. На протяжении почти всей истории человечества, за исключением последних нескольких столетий, поисками ответов на вышеперечисленные вопросы занималась практически только философия. Соответственно, где то до XVI века термины «философия» и «наука» были в какой-то мере синонимами, а философами называли всех людей интеллектуального труда, что равносильно термину «ученый» или «научный работник». Все источники по истории науки утверждают, что наука как особая сфера деятельности и как социальный институт сформировалась в Европе только в XVI-XVII вв.

Так, например, как пишут сами философы, «как своеобразная форма познания – специфический тип духовного производства и социальный институт-наука возникла в Европе, в Новое время, в XVI-XVII вв. в эпоху становления капиталистического способа производства и дифференциации (разделения) единого ранее знания на философию и науку» (Кохановский, 2007 : 70).

С этого времени от философии начали отпочковываться все новые отрасли науки. Дни философии как «науки наук» прошли. Когда очередная отрасль науки твердо вставала на «ноги», ей уже не нужна «наднаука» в виде философии. Об этом говорили такие мыслители как Ф. Энгельс, Й. Шумпетер. Обоснованного опровержения их утверждений до сих пор нет. Более того, многие

философы сами философию наукой не считают. Но дискуссия о «научном» статусе философии продолжается. Нужна ли она тогда экономистам или другим научным работникам? Несмотря на продолжающиеся споры о научном «статусе» философии «в ответ на потребность осмыслить статус и социокультурные функции науки в условиях НТР возникла новая молодая дисциплина – Философия науки, которая заявила о себе лишь во второй половине XX века» (Кохановский, 2007: 47).

Раз сформировалась философия науки, то, как логическое продолжение этого процесса, начинает формироваться и философия отдельных отраслей науки. Уже появилась и «философия экономики», где говорится, что «всякая научная дисциплина представляет собой системное образование, в котором достаточно отчетливо выделяются по крайней мере три его части: базовая наука как таковая, ее философия и методика» (В.А.Канке, 2015: 3). «Раньше других складывается базовая часть дисциплины. Лишь позднее, иногда с опозданием в десятки лет наступает час философии науки. Это отставание порой принимает хронический характер. Новые успехи науки, как правило, предшествуют соответствующим достижениям ее философии» (В.А.Канке, 2015: 3). Правда о «методике» ничего не говорится. Поэтому вполне допустимо понимать ее как методологию.

Итак, мы имеем, наряду со знаниями об объекте, методологии, еще и философию науки. По отношению к экономике это означает содержание экономической теории, ее методологию и философию экономики. Кого интересуют эти вопросы более глубоко, могут обратиться к приведенным выше источникам. Здесь же мы просто отметим, что научная деятельность, как и всякий вид специализированной работы, имеет свои цели, задачи, каноны (принципы), правила приемы, этические нормы и т.д. Все эти вопросы безотносительно к конкретной научной дисциплине исторически, в силу вышеназванных обстоятельств, рассматривала и продолжает рассматривать философия, особенно философия науки, более конкретно раздел философии под названием «теория познания» (гносеология, эпистемология). Их выводы в экономических исследованиях мы будем принимать за «общие правила» научной работы, за пределы которых желательнее не выходить.

Не ввязываясь в эти дискуссии о структуре знания и времени формирования философии, методологии науки, в дальнейшем будем исходить

из простого правила, что получение знаний и способы (методы) их получения – неразрывный процесс, которые в отдельности не могут существовать раздельно. Суть этого процесса еще 2,5 тыс. лет назад предельно четко сформулировал Конфуций, сказав, что «учиться, не размышляя, – пустая трата сил, а размышлять, не учась, – пагубно» (Конфуций, 2015: 18). Учеба, как я понимаю, есть процесс усвоения уже накопленных знаний, а размышление есть поиски ответов на вопросы как это и для чего это, то есть область методологии.

Результаты

Содержание науки представляет собой описание и объяснение действительности, что бы за этим понятием не скрывалось (вселенная, общество, экономика, политика, товары, деньги и т.д.). Описание и объяснение есть теория действительности (содержание науки), от научной картины мира до, допустим, теорий денег. Идеальная «научная картина мира» – когда действительность и ее теория совпадают полностью. Это положение относится к теории любого предмета. Однако действительный мир и мир человека отличаются, будем говорить, на «величину знания». Человек живет, принимает решения и действует не в «действительном мире», а в «знакомом мире», то есть принимает решения и действует в соответствии со своими знаниями. Назовем «область знания» миром человека.

Как нам объясняют философы «мир человека многомерен.

Язык→Ментальность→Факты «Многомерность мира человека» (Канке, 2015: 13).

Такой подход действительно отражает структурные уровни «мира человека». Но человек имеет представление не только об известных фактах, а строит предположения и об областях неизвестности. Учитывая это, сделаем небольшую корректировку приведенного рисунка, переставим места фактов и ментальности и присвоим им, как это принято в коротких схемах буквенные обозначения. Тогда рисунок будет выглядеть как А (факты)→Б – ментальность →В – язык, где А=В. Смысл такой перестановки в том, чтобы в более понятной форме донести до читателя структуру и смысл научного поиска.

Итак, А – это область действительности (фактов), которая существует сама по себе, вне воли и сознания людей. Это внешний мир и отправная точка для познающего субъекта. Это об-

ласть предмета науки, который и должен быть познан.

Б – это область мышления (ментальности), где происходит сбор, восприятие, интерпретация фактов действительности, их классификация и систематизация. Здесь же происходит «перевод» фактов на язык, выработка определений и понятийного аппарата науки.

В – это не столько область языка, сколько область теорий разного уровня, отделенная от носителя знания и зафиксированная на определенных носителях на языке науки. С этого момента она, как и область действительности, получает самостоятельное от воли и сознания познающего субъекта существование.

Равенство $A=B$ означает, что теория должна точно воспроизводить (описать и объяснить) действительность во всем его разнообразии. Наука должна не только описать и объяснить действительность, но и вдобавок раскрыть «законы» ее функционирования, в идеале объяснить все в одном универсальном законе. Пока это может показаться нереальным.

Но, как известно, образцами науки всегда были естественные науки. Вот, например, известный физик-теоретик и популяризатор науки Митио Каку пишет: «Мне представляется поистине замечательным, что на одном листе бумаги можно записать законы, которые управляют всеми известными физическими явлениями в пределах 43 порядков по величине – от дальних пределов космоса до микромира кварков и нейтрино. На этом листе будут всего две формулы: теория гравитации Эйнштейна и Стандартная модель. По-моему, это говорит об абсолютной простоте и гармонии природы на фундаментальном уровне. Вселенная могла оказаться неправильной, случайной или непостоянной. Но мы видим, что на самом деле она едина, гармонична и красива» (Митио Каку, 2017: 405-406). Следующим этапом, по его словам, будет разработка «теории всего», которая объяснит все явления физической природы едиными и простыми принципами на фундаментальном уровне.

Нечто подобное в отношении экономической науки еще в 1890 г. сказал А. Маршалл, основоположник «Экономикс». Он писал, что «наука продвигается вперед, увеличивая количество и точность своих законов, подвергая их все более жесткой проверке и расширяя сферу их действия до тех пор, пока один – единственный, главный закон не поглощает и не заменяет ряд более узких законов, которые оказались лишь частными его проявлениями» (Альфред Маршалл., 2008: 81). Может показаться, что в первом случае речь идет о «теории всего», а во втором – об единственном «законе», но в данном случае мы их принимаем как равноценные понятия, так как теория есть не просто описание и объяснение действительности, а еще и установление законов (закономерностей) ее функционирования и развития.

Заключение

В современной экономической науке нет не то что единой общей теории, но даже не просматриваются перспективы выработки такой теории. Она представлена множеством школ и направлений, конкурирующих между собой. Из них по крайней мере можно отметить три наиболее популярных на сегодня направлений: неоклассику, кейнсианство и институционализм, основанных на совершенно разных методологических подходах. Такое положение в экономической науке не способствует поискам выхода из множества злободневных экономических проблем, выработке скоординированной экономической политики как на национальном, так и на международном уровнях, так как практические рекомендации разных школ оказываются зачастую противоположными.

Таким образом, в послевузовском обучении надо особое внимание уделять методологической подготовке учащихся. Именно она может помочь им критически подходить к усвоению достижений своей научной дисциплины к данному времени и с научной позиции наметить возможные направления ее совершенствования.

Литература

- 1 Кохановский В.П. (2007) Основы философии науки: учебное пособие для аспирантов. – Изд.5. – Ростов н/Д: Феникс. – 603 с.
- 2 Ананьин О.И. (2005). Структура экономико-теоретического знания. // Методологический анализ. – М.: Наука. – С. 17.
- 3 Mayer T. (2001). Improving communication in economics: a task for methodologists // Journal of Econ. Methodology. – Vol. 8(1). – pp. 77–84.
- 4 Hahn F. (1992). Reflections // Royal Economics Society Newsletter. – 5 April. – No.77. – pp.5

- 5 Davis J.B. (2007). The Turn in Economics and the Turn in Economic Methodology // *Journal of Econ. Methodology*. – Vol. 14(3). – Pp. 275–290.
- 6 Eggertsson T. (1995). On the Economics of Economics // *Kyklos*. – Vol. 48(2). – Pp. 201–210.
- 7 Wible J.R. (1998). The Economics of Science: Methodology and Epistemology as if Economics Really Mattered // *Research in the History of Economic Thought and Methodology*. London: Routledge. – Vol. 18A. – Pp. 365-368
- 8 Mäki U. (1999). Science as a free market: A reflexivity test in an economics of economics // *Perspectives on Science*. – Vol. 7. – Pp. 486–509.
- 9 Mirowski Ph., Sent E.-M. (eds.) (2002). *Science Bought and Sold: Essay in the Economics of science*, Chicago and London: The Chicago University Press, – Pp.1-66.
- 10 Yonay Y.P. (1998). *The Struggle Over the Soul of Economics: Institutional and Neoclassical Economists in America Between the Wars*. // Princeton, NJ: Princeton University Press. – 320 p.
- 11 Weintraub E.R. (2002). *How Economics Became a Mathematical Science*. Durham, NC: Duke University Press. – 328 p.
- 12 Knorr Cetina K.D. (1981). *The Manufacture of Knowledge: An Essay on the Constructivist and Contextual Nature of Science*. – N.Y.: Pergamon. – 200 p.
- 13 Канке В.А. (2007) *Философия экономической науки: учебное пособие*. – М. – С. 384.
- 14 Конфуций. (2015) *Рассуждения в изречениях: в переводе и с комментариями Бронислава Виноградского*. – М.: Эксмо. – С. 224.
- 15 Митио Каку. (2017) *Физика невозможного: пер. с англ. / АНФ*. – М. – С. 456.
- 16 Альфред Маршалл. (2008) *Основы экономической науки*. – М.: Эксмо. – С. 832.

References

- 1 Kohanovskiy V.P. (2007) *Fundamentals of the philosophy of science: teaching manual for graduate students / Edition 5*. – Rostov n/D: Feniks. – 603 p.
- 2 Anan'in O.I. (2005). *Struktura ekonomiko-teoreticheskogo znaniya // Metodologicheskii analiz / M.: Nauka*. – pp.17.
- 3 Mayer T. (2001). Improving communication in economics: a task for methodologists // *Journal of Econ. Methodology*. – Vol. 8(1). – pp. 77–84.
- 4 Hahn F. (1992). Reflections // *Royal Economics Society Newsletter*. – 5 April. – No.77. – pp.5
- 5 Davis J.B. (2007). The Turn in Economics and the Turn in Economic Methodology // *Journal of Econ. Methodology*. – Vol. 14(3). – pp. 275–290.
- 6 Eggertsson T. (1995). On the Economics of Economics // *Kyklos*. - Vol. 48(2). - pp. 201–210.
- 7 Wible J.R. (1998). The Economics of Science: Methodology and Epistemology as if Economics Really Mattered // *Research in the History of Economic Thought and Methodology*. London: Routledge. – vol. 18A. – pp. 365-368
- 8 Mäki U. (1999). Science as a free market: A reflexivity test in an economics of economics // *Perspectives on Science*. – Vol. 7. – pp. 486–509.
- 9 Mirowski Ph., Sent E.-M. (eds.) (2002). *Science Bought and Sold: Essay in the Economics of science*, Chicago and London: The Chicago University Press, – pp.1-66.
- 10 Yonay Y.P. (1998). *The Struggle Over the Soul of Economics: Institutional and Neoclassical Economists in America Between the Wars*. // Princeton, NJ: Princeton University Press. – 320 p.
- 11 Weintraub E.R. (2002). *How Economics Became a Mathematical Science*. Durham, NC: Duke University Press. – 328 p.
- 12 Knorr Cetina K.D. (1981). *The Manufacture of Knowledge: An Essay on the Constructivist and Contextual Nature of Science*. N.Y.: Pergamon. – 200 p.
- 13 Kanke. V.A. (2007) *Philosophy of economic science. Teaching manual / M.* – pp.384.
- 14 Confucius. (2015) *Reasonings in the sayings: in translation and with the comments of Bronislaw Vinogradsky / M.: Eksmo*. – pp.224.
- 15 Michio Kaku. (2017) *Physics of the impossible / Translation from English ANF, Moskva*. – pp.456.
- 16 Alfred Marshall. (2008) *Fundamentals of Economic Science / M. Eksmo*. – pp.832.

Seidikenova Almash¹, Bakitov Aitkali²

¹Candidate of philological sciences, associate professor,
e-mail: seydikenova781022@yandex.ru, tel.: +7 705 391 7812

²Candidate of philological sciences, associate professor, e-mail: bakitov77aitkali@mail.ru, tel.: +7 701 420 0524
Chair of «Diplomatic translations» of Department of «International Relations»,
Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty

**LE STEREOTYPE COMME LA MANIFESTATION
DES PARTICULARITES CULTURELLES**

The concept «stereotype» is studied in different branches of science. This concept is considered in branches of science as the philosophy, psycholinguistics, sociology, psychology, ethnography, cultural science, etc. Representatives of the above-stated branches of sciences consider and express opinion on the concept «stereotype» and do classification of a stereotype according to requirements of the branch.

Having analyzed the concept «stereotype» of various sciences, it is possible to note that formations of stereotypes are the cornerstone cognitive processes. Stereotypes are acquired in the course of socialization and an inculturation, also special place in formation of stereotypes borrow mass media. Stereotypes perform a number of cognitive functions such as schematization and simplifications, formations and storages of group ideology and other cogitative functions. Every person has individual personal experience, a special form of perception of the world around on the basis of which in his head the so-called «picture of the world» including an objective part and value judgment of reality an individual is created. The stereotype is an integral part of this picture.

Within this article we consider ethnic stereotypes, stereotypes of thinking and linguistic stereotypes of the Kazakh and French languages, analyzing scientific views of scientific different branches concerning the concept «stereotype».

Key words: stereotype, stereotype, heterostereotype, thought patterns stereotypes, ethnic and linguistic stereotypes.

Сейдикенова Алмаш¹, Бақытов Айтқали²

¹филология ғылымдарының кандидаты, доцент, e-mail: seydikenova781022@yandex.ru, тел.: +7 705 391 7812

²филология ғылымдарының кандидаты, доцент м.а., e-mail: bakitov77aitkali@mail.ru, тел.: +7 701 420 0524
әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, халықаралық қатынастар факультеті,
дипломатиялық аударма кафедрасы, Қазақстан, Алматы қ.

Стереотип мәдени ерекшеліктердің көрінісі ретінде

«Стереотип» ұғымы ғылымның әр түрлі салаларында зерттеліп жатқандығы белгілі. Аталмыш ұғымды философия, психолінгвистика, әлеуметтану, психология, этнография, мәдениеттану және т.б. ғылым салаларының ізденушілері қарастыруда. Әрине, жоғарыда аталған ғылым салаларының өкілдері стереотип ұғымына өз пікірін білдіріп, өз саласының талаптарына сәйкес классификация жасаған. Әр түрлі ғылым саласындағы «стереотип» ұғымына берілген анықтамаларға сараптама жасай келе, когнитивті үдерістер стереотиптердің қалыптасуына негіз болады деп атап айтуға болады. Стереотиптер әлеуметтендіру және инкультурация үдерістерінде игеріледі, сонымен қатар стереотиптерді қалыптастыруда бұқаралық ақпарат құралдары ерекше орын алады. Стереотиптер топтық идеологияны нобайлау және жеңілдету, қалыптастыру және сақтау секілді когнитивті қызметтер және басқа да ойлау қызметтерін атқарады. Әр адамның жеке тәжірибесі, қоршаған ортаны қабылдаудың ерекше формасы бар, соның негізінде оның басында «әлем бейнесі» қалыптасады. «Әлем бейнесі» шынайы болмыстың объективті бөлігін және жеке тұлғаның оған субъективті бағасын қамтиды. Стереотип әлем бейнесінің құрамдас бөлігі.

Бұл мақала шеңберінде біз әр түрлі сала зерттеушілерінің «стереотип» ұғымы туралы пікірлеріне сараптама жасай отырып, қазақ және француз тілдеріндегі этникалық, ой және тілдік стереотиптеріне сараптама жасауды мақсат тұттық.

Түйін сөздер: стереотип, автостереотип, гетеростереотип, ой стереотиптері, этникалық және тіл стереотиптері.

Сейдикенова Алмаш¹, Бакитов Айткали²

¹кандидат филологических наук, доцент, e-mail: seydikeno781022@yandex.ru, тел.: +7 705 391 7812

²кандидат филологических наук, и.о. доцента, e-mail: bakitov77aitkali@mail.ru, тел.: +7 701 420 0524
кафедра дипломатического перевода, факультет международных отношений,
Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы

Стереотип как проявление культурных особенностей

Понятие «стереотип» изучается в разных отраслях науки, как философия, психолингвистика, социология, психология, этнография, культурология и т.д. Представители вышеуказанных отраслей наук рассматривают и выражают мнение о понятии «стереотип» и делают классификацию стереотипа согласно требованиям своего направления. Проанализировав понятие «стереотип» в различных науках, можно отметить, что в основе формирования стереотипов лежат когнитивные процессы. Стереотипы усваиваются в процессе социализации и инкультурации, также особое место в образовании стереотипов занимают средства массовой информации. Стереотипы выполняют ряд когнитивных функций, как схематизация и упрощение, формирование и хранение групповой идеологии и другие мыслительные функции. Каждый человек обладает индивидуальным личным опытом, особой формой восприятия окружающего мира, на основе которого в его голове создается так называемая «картина мира», включающая в себя объективную часть и субъективную оценку действительности индивидуумом. Стереотип является неотъемлемой частью этой картины.

В рамках данной статьи рассматриваются этнические стереотипы, стереотипы мышления и лингвистические стереотипы казахского и французского языков, анализируются научные взгляды ученых разных отраслей относительно понятии «стереотип».

Ключевые слова: стереотип, автостереотип, гетеростереотип, стереотипы мышления, этнические и лингвистические стереотипы.

Introduction

Toutes les pratiques communicatives se déroulent selon certains schémas préétablis et obéissent à des normes de l'interaction. Selon Erving Goffman, «dans toute société, chaque fois que surgit la possibilité matérielle d'une interaction, on voit entrer en jeu un système de pratiques, de conventions et de règles de procédure qui sert à orienter et à organiser le flux des messages émis» (Goffman E., 2005: 82). Il est évident que les conversations entre les interactants sont des rituels sociaux. Tout participant d'une communication suit «des codes secrets» dont l'existence échappe généralement à la conscience de l'interactant. Dans une communication interculturelle dans laquelle interviennent des individus de cultures différentes, les acteurs peuvent avoir des difficultés non seulement au niveau linguistique, mais aussi bien au niveau culturel, car toutes les normes de comportement, les rituels d'interaction, les codes de communication, les valeurs et croyances, la manière de percevoir certaines situations, d'agir ou de réagir, de penser, de même que les modes de vie, les savoir-faire sont différents.

Dans le cadre de cet article nous nous sommes fixés pour but d'analyser la notion de «stéréotype» et de comparer les stéréotypes chez les Kazakhs et Français afin de révéler les convergences et divergences. Car comme le soulignent les chercheurs éminents les stéréotypes jouent aussi un rôle important dans la communication. Le chercheur Raymond Carroll a bien montré que les malentendus entre les locuteurs de cultures différentes tiennent au fait que «nous n'avons pas conscience des implicites que nous portons en nous sans le savoir, à notre façon de voir le monde que nous avons apprise, mais qui nous paraît «naturel», «évident», «allant de soi» (Carroll R., 1987:27). Selon nous, ce qui précède, nous permet de dire que dans la communication interculturelle les savoirs linguistiques sont accompagnés de savoirs socioculturels. Alors que la compétence linguistique est comprise comme un système de règles grammaticales permettant aux participants d'émettre et de comprendre un nombre infini de phrases, la compétence de communication est conçue comme un savoir constitué de règles grammaticales et de règles sociolinguistiques. C'est pourquoi apprendre une langue étrangère n'est pas

seulement acquérir des connaissances linguistiques, mais il faut aussi se doter des compétences culturelles, ces dernières peuvent assurer la compréhension mutuelle dans une communication interpersonnelle entre les individus de cultures différentes. Donc, les résultats de cette recherche pourraient être utilisés lors de l'apprentissage du français aux étudiants.

La notion de «Stéréotype»

Avant de passer aux stéréotypes linguistique et stéréotypes de pensée chez les Kazakhs et Français, nous voudrions de faire un bref aperçu sur les opinions des chercheurs américains, français, russes et kazakhs sur la notion «stéréotype».

Initialement utilisé pour désigner un moulage de plomb destiné à réaliser des clichés dans les travaux typographiques, le terme «stéréotype» est introduit dans les sciences sociales et humaines par le sociologue américain Walter Lippman en 1922. Le savant a utilisé ce terme pour désigner métaphoriquement des idées figées et des images préconçues (Ferréol G., Jucquois G., 2004: 320). W.Lippman a étudié le stéréotype dans le système des facteurs qui font naître les stéréotypes et qui définissent leurs fonctions. En expliquant les fonctions des stéréotypes par l'analyse des aspects sociaux et psychologiques des comportements de l'individu, le chercheur a souligné l'importance du stéréotype: «le système des stéréotypes est probablement principal dans nos traditions individuelles, il protège notre place dans la société, ainsi que il nous permet d'économiser du temps et nous aide à voir le monde et le comprendre» (Lippmann W., 2004: 35). Par le stéréotype le sociologue américain comprenait la forme particulière de la perception du monde environnant, exerçant l'influence définie sur les données de nos sentiments avant que ces données arrivent à notre conscience. Selon le chercheur, la personne, en tentant de comprendre le monde, qui l'entoure, dans toute sa contradiction, crée «l'image dans la tête» en ce qui concerne ses phénomènes, qu'il n'observait pas directement. La personne a l'idée nette de la plupart des objets encore avant qu'il se leur soit heurté directement dans la vie. Les représentations semblables sont formées sous l'influence de l'entourage culturel de l'individu donné (Ruth A., 1991: 42).

Selon Y.A.Sorokin le stéréotype est «un certain processus et le résultat des relations conformément aux modèles définis sémiotiques, la liste desquels est fermée en vertu de tels ou tels principes sémiotico-techniques acceptés dans un certain socium. De plus le modèle sémiotique se réalise aux niveaux

sociaux et sociaux-psychologiques (standard) ou aux niveaux de langue et sociaux-psychologiques (norme). Le standard et la norme existent dans deux aspects: comme le poncif (un signe complexe abondamment explicité) ou comme le cliché (un signe complexe insuffisamment explicité)» (Krasnikh V., 2002: 52).

A.P. Sadokhin souligne que les stéréotypes aident l'homme à différencier et simplifier le monde et «d'y mettre tout en ordre». Selon lui, les stéréotypes sont les convictions et «les connaissances habituelles» définies concernant les qualités et les traits de caractères des autres individus, ainsi que des événements, phénomènes et des objets. Il distingue différents types de stéréotypes en fonction du caractère de l'objet et son emplacement dans la structure sociale. Ce sont les stéréotypes de groupe, professionnels, ethniques et ainsi de suite. Parmi eux, les plus répandus sont les stéréotypes ethniques, qui sont les jugements fixes des représentants d'un groupe ethnique sur un autre groupe ethnique. Ce type de stéréotype devient le principal déterminant dans la communication pour les représentants des groupes dans lesquels il est répandu. Par exemple, les visions stéréotypées sur la politesse et la minceur des Anglais, l'excentricité des Italiens et ainsi de suite (Sadokhin A.P., 2004: 56). Les stéréotypes sont souvent émotionnellement pourvus de sympathie et d'antipathie. Parfois les traits de caractères, qui sont conçus pour son peuple comme la manifestation de l'intelligence, pour l'autre peuple peuvent être considérés comme la ruse, ou bien ce qui peut être estimé comme persévérance pour son ethnique, peut être considéré comme l'entêtement de l'autre.

V. A Maslova distingue le stéréotype de la conduite – le plus important parmi les stéréotypes, qui peut passer au rite. À son avis, «les stéréotypes ont beaucoup en commun avec les traditions, les mythes, les rites, mais des derniers se distinguent par ce que les traditions et les coutumes caractérisent leur importance objective, l'ouverture pour les autres, mais les stéréotypes restent au niveau des dispositions cachés des esprits, qui existent dans le milieu «des siens».

V.A.Maslova souligne aussi «qu'à la base de la formation de la conscience ethnique et la culture à titre des régulateurs de la conduite de la personne se trouvent les facteurs innés, ainsi qu'acquis dans le processus de la socialisation – les stéréotypes culturels, qui sont étudiés à partir du moment où la personne commence à s'identifier avec le peuple défini, par la culture définie et se rendre compte de lui-même par leurs éléments». (Maslova V.A., 2001:8)

Ruth Amossy et Anne Herschberg Pierrot dans leur ouvrage intitulé «*Stéréotypes et clichés*» souligne que «les stéréotypes sont des clichés, des images préconçues et figées, sommaires et tranchées, des choses et des êtres que se fait l'individu sous l'influence de son milieu social (famille, entourage, études, profession, fréquentations, médias de masse) et qui déterminent à un plus ou moins grand degré nos manières de penser, de sentir et d'agir» (Ruth A., Herschberg Pierrot A., 2005:59).

Ainsi, les processus cognitifs sont à la base de la formation des stéréotypes, mais les stéréotypes accomplissent une série de fonctions cognitives: la fonction de la schématisation et la simplification, la fonction de la formation et la conservation de l'idéologie du groupe social et d'autres fonctions mentales.

Les stéréotypes, en tant que schèmes, concourent à la production d'évaluations et de jugements particulièrement hâtifs sur autrui et, par conséquent, à la formation des préjugés et des conduites de discriminations positives ou négatives.

Stéréotypes linguistiques et stéréotypes de pensée chez les Kazakhs et Français

Chaque nation a une représentation de soi-même et une représentation de l'étranger. Les représentations, les images sur soi-même d'une nation s'appelle «auto-stéréotypes», c'est-à-dire des manières figées de se représenter soi-même. Et les images préconçues et les représentations sur l'autre peuple, les manières figées de voir l'étranger s'appelle «hétéro-stéréotypes» (Porcher L., 1995: 25).

Au résultat de l'enquête menée auprès des Kazakhs sur leur représentations de soi, nous avons pu constaté les auto-stéréotypes suivants propres aux Kazakhs: «hospitalier», «généreux», «fier de ses ancêtres belliqueux», «capacité à s'adapter facilement à toutes les situations de la vie», «persévérant», «respectueux des traditions ancestrales», «qui attache une grande importance à la famille». Ce sont les auto-stéréotypes positifs. Maintenant, quels sont les auto-stéréotypes négatifs des Kazakhs? Ce sont: selon les interviewés, «ils sont paresseux», «envieux, ils envient toujours les succès de l'autre», «vantards».

Grâce à l'enquête menée auprès des Français habitant au Kazakhstan et à ceux qui ont déjà séjourné dans notre pays, nous avons pu également révéler les auto-stéréotypes des Français: «nationaliste», «individualiste», «qui a l'esprit clair», «qui aime la liberté», «qui attache une grande importance à la

liberté», «sédentaire», «idéaliste», «révolutionnaire, qui est toujours prêt à lutter contre l'injustice».

Selon les Français séjournant au Kazakhstan, avant l'arrivée dans le pays, il est rare qu'un Français ait un quelconque présupposé sur les Kazakhs. Pour une raison simple: il ne les connaît pas. L'Asie Centrale, malgré les ouvrages des deux ou trois spécialistes français de la zone, est une aire relativement peu connue. Elle est vue avec un certain romantisme par certains, surtout les profils littéraires (étudiant(e)s en sciences humaines et sociales ou en langues) qui rêvent d'une Route de la Soie orientale, avec ses souks, ses vendeurs de tapis, ses cavaliers chevauchant dans la plaine, etc. Il semblerait que de ce point de vue, l'Asie Centrale dans son ensemble soit assimilé à un mélange de Mongolie et de Moyen-Orient. Les différences en Asie Centrale sont peu connues, et pour beaucoup de Français, le Kazakh n'a au départ aucune différence avec l'Ouzbek, le Tadjik, le Oughour, etc.

Il faut ajouter que pour les personnes ayant un profil plus proche de l'étude de la Russie, ou pour les personnes assimilant d'abord l'Asie Centrale à l'ex-URSS, les préjugés sur les Kazakhs sont les mêmes que sur les Russes, notamment en ce qui concerne l'alcoolisme.

Mais bien souvent, très souvent l'approche reste neutre: la méconnaissance des réalités centro-asiatiques est plus ou moins forte, les connaissances sont souvent très superficielles, notamment quant aux diversités et aux dynamiques locales propres à l'Asie Centrale et au Kazakhstan.

Dans le premier contact, il a été remarqué par toutes les personnes avec lesquelles j'ai discuté que les Kazakhs sont serviables, hospitaliers et accueillants.

Les femmes françaises sont souvent remarquées que les Kazakhs sont tous très gentils, voire très galants, plus galants que les Français et les Européens en général. Mais il est également à noter, par les hommes comme par les femmes, que les rapports hommes/femmes ont parfois l'air d'être plutôt violents (quelques histoires racontées évoquant des hommes kazakhs essayant de prendre violemment par le bras des femmes lors de soirées en nightclubs).

Les femmes kazakhs sont souvent vues comme parfois soumises, mais surtout très gentilles et accueillantes, très proches de la notion de famille, et très travailleuses. Elles sont également vues comme très coquettes. Elles bénéficient d'une bonne image généralement. Plus généralement, les Français voient plutôt les Kazakhs comme proches de leur famille.

Il est à noter que le stéréotype ne peut pas refléter entièrement la culture et les caractères nationaux du peuple, le stéréotype est simplificateur et généralisateur, c'est – à – dire les stéréotypes généralisent ou simplifient les caractères nationaux et les particularités culturelles du peuple. Comme le souligne Louis Porcher dans son ouvrage *Le français langue étrangère. Emergence et enseignement d'une discipline* (1995), «le stéréotype est une représentation partielle. Il appauvrit la réalité qu'il traduit, en ce sens tout stéréotype est à la fois simplificateur et réducteur. Il convient également de noter que le stéréotype est fixe, il change lentement et se transmet le plus souvent tel quel, de génération en génération. Le stéréotype se définit donc par son caractère «banal», son caractère d'automatisme mental qui tend à associer divers éléments mais au-delà de ces deux caractéristiques, il convient de noter l'élément de simplification qu'il constitue. La réalité est simplifiée avec, pour résultat, non une clarification mais une mise à l'ombre d'éléments essentiels à la compréhension». Cette simplification procède d'un choix limité d'éléments spécifiques, d'omissions conscientes et de simples oublis. Le stéréotype tend également à englober toutes les unités de la catégorie qu'il prétend cerner en quelques traits. Un individu appartenant au groupe visé se verra appliquer d'office le même schéma de comportement, de mentalité, de qualités ou de défauts. Le stéréotype est donc également généralisation. Malgré son caractère simplificateur et généralisateur, le stéréotype fait partie de la réalité, car il n'existe pas de stéréotypes sans fondements, parce que premièrement, un stéréotype est une vue partielle, et donc relativement fautive de la réalité, mais qui a toujours quelque chose à voir avec la réalité qu'elle caricature. C'est pourquoi il ne faut pas chercher à éradiquer les stéréotypes. Les stéréotypes font partie intégrante du système culturel d'une communauté, parce qu'ils jouent un rôle particulièrement important dans l'acte de communication en véhiculant un savoir stabilisé; ils s'avèrent indispensables pour porter un regard sur le mode de fonctionnement de cette communauté (Kerbrat – Orecchioni C., 2008: 36).

A notre avis, bien que le stéréotype soit simplificateur et généralisateur, les stéréotypes sur d'autres peuples et d'autres cultures préparent l'individu à la rencontre avec la culture étrangère, réduisent le choc culturel. Les stéréotypes permettent à la personne de se faire une idée du monde en tout, sortir du cadre du monde étroit social et géographique.

Les stéréotypes sont à la fois nécessaires et insuffisants pour comprendre une culture. On peut estimer qu'à travers l'étude des stéréotypes qui cir-

culent dans le pays de la langue étudiée, l'individu pourra se constituer une excellente grille de perception de la communauté en question.

Selon le linguiste russe V.V.Krasnikh «du point de vue du contenu le stéréotype est un fragment du vision du monde. C'est l'image des choses et des êtres correspondant aux particularités culturelles». Le linguiste répartit les stéréotypes en deux groupes: 1. stéréotype-comportement. 2. stéréotype – vision. Selon le savant, «le stéréotype-comportement se conserve dans la conscience sous forme de clichés (tampon) et accomplit la fonction des normes de comportements – canon. Ce type de stéréotype permet de définir les actes et comportements communicatifs des représentants d'une culture donnée dans telle ou telle situation de communication. De ce point de vue, ce type de stéréotype accomplit la fonction prescriptive». Toutes les pratiques communicatives se déroulent selon certains schémas préétablis et obéissent à certaines normes de l'interaction. Tout participant d'une communication suit des rituels sociaux. Dans une communication tout interagissant est engagé dans une sorte de ballet interactif dans lequel chacun s'adapte, il y a des codes qui gouvernent leurs activités. Ce sont ces règles qui rendent possible la communication entre les membres d'une même culture. Il est à noter que ces règles ne sont pas fondées sur l'action d'une seule personne, mais plutôt chaque personne conforme ses actes aux règles communes de la société à laquelle elle appartient. Elle met donc en œuvre un ensemble de procédés qui lui permet de gérer son discours, ses actes. (Krasnikh V., 2002: 58).

Maintenant quelques mots sur le stéréotype-vision. Ce type de stéréotype se conserve aussi sous forme de cliché, mais il accomplit les fonctions de standards qui sont les normes d'appréciation de tous les comportements. Ce type de stéréotypes sont les visions des choses, des phénomènes, des situations et des êtres. Le linguiste russe V.V. Krasnikh distingue deux types de stéréotypes-vision: «1. stéréotype-image. 2. stéréotype – situation. Comme le stéréotype – situation englobe les comportements des locuteurs dans des situations de communication, on peut dire qu'il définit le stéréotype-comportement». Quand deux ou plusieurs individus s'engagent dans une communication, ils suivent, qu'ils le veuillent ou non, les règles sociales préexistantes dans la langue donnée, ils se conduisent conformément aux traditions et au savoir-vivre de la société à laquelle ils appartiennent. En guise d'exemple, je voudrais citer *le stéréotype-situation*: le transport en commun au Kazakhstan: acheter un ticket dans le transport public. *Le stéréotype-comportement*: au Kazakhs-

tan: Vous êtes dans un transport public, si vous êtes loin du contrôleur qui vend des tickets, vous vous adressez à votre voisin. Vous lui tendez de l'argent et vous lui dites: «Pourriez-vous faire passer, s'il vous plaît?».

Comparons quelques stéréotypes – situations et stéréotypes – comportements des Français et des Kazakhs. Prenons tout d'abord le déroulement du repas en France et au Kazakhstan. Il est évident que dans chaque pays le repas traditionnel ne se déroule pas de la même manière. En France selon mon expérience personnelle et selon les interviewés, le repas commence généralement par l'apéritif. On peut dire que l'apéritif constitue un moment important de la «soirée française». En France les invités arrivent avec un quart d'heure de retard, donc l'apéritif aide à faire patienter les invités en attendant que les derniers arrivent. Voici un témoignage sur le rôle essentiel de l'apéritif:

Il: «...*Le repas traditionnel commence toujours par l'apéritif. Cela permet beaucoup d'attendre ceux qui sont en retard. C'est en quelques sortes (l'apéritif) la marge temporelle qui est laissée à tout le monde pour arriver. Cela (l'apéritif) peut aller jusqu'à une heure*» (Bakitov A., 2002: 39).

D'ailleurs la pratique de ce rite remonte aux siècles passés, déjà «*les Romains buvaient un vin sucré au miel avant le repas*»

Le repas traditionnel français se termine par le fromage et un petit café ou thé dans le salon. Le repas français est accompagné du vin. Le jour suivant de la réception, il convient de remercier les hôtes en leur téléphonant ou en leur envoyant une carte postale. Par exemple: «*Chère Isabelle, Nous avons été comblés. Vos amis Martel sont très sympathiques et vous avez l'art de créer une atmosphère. Encore merci et à bientôt*» ou «*Nous avons passé une soirée merveilleuse grâce à vous. Et quelle cuisine!*» (Denuelle S., 1999: 13).

En ce qui concerne le repas traditionnel kazakh, on offre, d'habitude, de différentes salades, ensuite le plat traditionnel, appelé *bechbarmak*, composé du mouton bouilli, des morceaux de pâtes roulées, des pommes de terre et des rondelles d'oignon. Ensuite on prend du thé avec des gâteaux ou tartes. A la fin du repas un doyen d'âge fait la *bata*, la bénédiction, dans laquelle il souhaite du bien, du succès, du bonheur aux hôtes et les remercie de leur hospitalité.

Les actes de langage sont autant des actes de comportement. C'est cet aspect comportemental qui constitue la composante culturelle de l'acte de langage. Un acte de langage est un signe culturel, est comme tout signe, il possède son plan de l'expression est son plan du contenu. Le contenu de

l'acte de langage est un élément de comportement, le plan de l'expression est constitué par un énoncé verbal. Ces exemples pourront illustrer ce qui a été dit précédemment: en nous appuyant sur les analyses des matériels linguistiques recueillis et des travaux de recherches abordant les sujets proche du nôtre, nous pouvons dire que chez les Français faire des compliments à un bébé ou un enfant n'est prohibé par aucune convention de communication, car chez les Kazakhs il n'est pas souhaitable d'adresser des compliments à un enfant, parce qu'on a peur de mauvais oeil, c'est pourquoi il est d'usage de dire à un enfant «mauvais bébé, mauvais garçon, mauvaise fille».

La linguiste française Charlotte Schapira divise les stéréotypes en deux catégories: stéréotypes de pensée et stéréotypes de langue. Selon Charlotte Schapira, les stéréotypes de pensée englobent les superstitions, les moeurs et us, les convictions, les idées communes, les représentations propres à une nation. Pour étayer cette idée, nous prenons les exemples suivants cités par Charlotte Schapira: *Qui est heureux au jeu est malheureux en amour; il faut toucher du bois pour faire durer la chance; Mariage pluvieux, mariage heureux*.

Comme le souligne Charlotte Schapira, «les stéréotypes de langue sont des expressions figées, allant d'un groupe de deux ou plusieurs mots soudés ensemble à des syntagmes entiers et même à des phrases». Les stéréotypes de langue expriment implicitement ou explicitement les stéréotypes de pensée.

On peut citer le stéréotype linguistique du kazakh, à notre avis, qui montre la représentation de soi des Kazakhs: *Les Kazakhs ont beaucoup d'airan (lait fermenté de la vache)*. Le stéréotype exprimé par cette expression figée s'explique par le fait que les Kazakhs offrent toujours aux voyageurs, qui passent, par exemple; demander le chemin, quelque chose à boire ou à manger; Ils peuvent même égorger un mouton et préparer le plat national, appelé «*bechbarmak*» (le nom du plat signifie «cinq doigts», il se compose du mouton bouilli et des morceaux de pâtes roulées) ou proposer de l'airan (lait fermenté de la vache), du «*koumys*», (lait de la jument, qui rafraîchit bien et a d'excellentes vertus curatives et tonifiantes) et du «*choubat*» (lait de chamelle qu'on laisse séjourner un certain temps). Au moins les Kazakhs proposent de goûter du pain.

Le stéréotype linguistique suivant montre à la fois la représentation de soi et la représentation de l'autre des Kazakhs: *Prends à l'Ouzbek des vêtements, prends au Kazakh des montures*. On dit que les Ouzbeks font de beaux vêtements et que les

Kazakhs élèvent de bons chevaux, que'ils savent en prendre soin et choisir de bons chevaux. Dans la langue kazakhe il y a un proverbe qui dit: «le cheval est les ailes de l'homme».

Comme le souligne le chercheur Phi Nga Fournier, «la notion de stéréotypie linguistique est étroitement liée à celle de figement puisqu'une expression stéréotypée se définit en premier lieu comme une expression figée et, en tant que telle, s'inscrit régulièrement dans le lexique de la langue» (Schapira Ch., 1999:35). Dans chaque société il y a ses propres expressions, énoncés stéréotypés que les représentants de telle ou telle société les utilisent dans les situations stéréotypées.

Suivant la typologie développée par Charlotte Schapira, le chercheur Phi Nga Fournier divise aussi les expressions figées en deux types: 1) les locutions grammaticales ou groupes de mots qui fonctionnent comme une seule unité lexicale et qui appartiennent à une catégorie grammaticale donnée: les locutions

nominales ou noms composés et locutions verbales, adjectives, adverbiales, prépositives, conjonctives; 2) les locutions stéréotypées, qui se divisent à leur tour en locutions syntagmatiques expressives, les expressions idiomatiques et les énoncés stéréotypés. Selon le chercheur Phi Nga Fournier, les locutions stéréotypées regroupent les proverbes, dictons, les formules de politesse, les formules rituelles, les phrases de routine et de circonstance, les slogans (Fournier Phi Nga., 2010:45).

Dans le cadre de cet article nous souhaiterions faire une analyse comparative des énoncés de vœux employés en français et en kazakh dans différentes situations de communication. Nous pensons que l'emploi et la présence ou l'absence de ces énoncés dans telle ou telle langue montre aussi les particularités culturelles de ces deux sociétés et leurs stéréotypes de pensées et de langue.

Nous proposons ci-dessous (Bakitov A., Jumanova R., 2016:65).

Table 1 – le tableau des expressions de vœux en kazakh et en français dans différentes situations de communication

№	Жағдаяттар/Situations de communication	Қазақ тілінде/En kazakh	Француз тілінде / En français
	1	2	3
1	Тамақ ішер алдында айтылатын тілектер – Au moment de commencer un repas:	Асыңыз дәмді болсын! – Que le plat soit bon!	Bon appétit! <Тәбетіңіз ашылсын!>
2	Қонақтарды қарсы алғанда айтылатын тілектер – En accueillant les invités:	Қош келдің (-із+дер)! - Bienvenu (e, es)! Soyez le (la, les) bienvenu (e, es)	Bienvenu (e, es)! Soyez le (la, les) bienvenu (e, es) < Қош келдің (-із+дер)!>
3	Ішімдік ішер алдында – Au moment de boire de l'alcool:	Тост айтылады – avant de boire chaque invité (e) prononce un toast à son tour	A la vôtre! A votre santé! <Сіздің денсаулығыңыз үшін>; à la tienne! <Сенің денсаулығың үшін>;
4	Түшкірген адамға айтылатын тілек – A la personne qui a éternué: Сол адам екінші рет түшкірсе – Quand la même personne éternue pour la deuxième fois on dit: Түшкірген адам былай жауап береді: -Celle-ci répond:	Аққаз! Сау бол (ыңыз)! – Soyez en bonne santé! Жәрекімалла!	A vos souhaits! <Сіздің тілектеріңіз үшін!> A vos amours! <Сіздің махаббатыңыз үшін Que les vôtres/tiens durent toujours! <Сенің (сіздің) махаббатың (ыз) мәңгілік болсын!>
5	Рождество (Noël) мерекесі кезінде – A la veille du Noël.:	<i>Қазақтарда бұл мейрам жоқ / Chez les Kazakhs il n'y a pas cette fête</i>	Bon Noël! Joyeux Noël! <Қуанышты Рождество!>
6	Наурыз мейрамы кезінде La fête de Naouriz (le premier jour du nouvel an, le jour de l' équinoxe)	Ұлыстың ұлы күні құтты болсын! Ақ мол болсын! ...	<i>Француз халқында бұл мейрам жоқ. / Il n'y a pas cette fête chez les Français</i>
7	Жаңа жыл кезінде – au Nouvel An:	Жаңа жылыңызбен! Жаңа жылыңмен!- Bonne année! Heureuse année! Жаңа жыл құтты болсын – Que la nouvelle année soit bonne!... Мен сізді (сені) жаңа жыл мейрамымын құттықтаймын – Je vous(te) félicite à l'occasion du Nouvel An	< Жаңа жылыңызбен! Жаңа жылыңмен!> Bonne année! Joyeuse année! Heureuse année!

№	Жағдаяттар/Situations de communication	Қазақ тілінде/En kazakh	Француз тілінде / En français
	1	2	3
8	Сырқаттанып жатқан адамға айтылатын тілек – A la personne qui est malade:	Тез жазыл (-ыңыз)! – Remets toi vite! Remettez-vous vite!	Prompt rétablissement! Remettez-vous vite! <Тез жазыл (-ыңыз)! >, Soignez-vous bien! <Емделіңіз!> Prenez soin de vous!<Өзіңізді күтіңіз!>
9	Қолқабыс еткен адамға – à quelqu'un qui a rendu service:	Рахмет! – Merci! Алла разы болсын! – Que Dieu soit content! Алладан қайтсын! Que Dieu vous le rende au centuple! Өркенің өссін! – Que tu t'épanouisses! Арманыңа жет! Дегеніңе жет! – Que tous tes voeux se réalisent! Азамат бол! – Que tu sois un grand homme!...	Merci, c'est gentil! <Рахмет, бұл сыпайылық!>, Un grand merci <Үлкен рахмет> etc.
10	Үйлену тойы кезінде жас жұбайларға – Pendant la noce, on adresse aux jeunes mariés:	Бақытты болыңдар! Soyez heureux! Құсың құтты болсын! (бұл тілек ер жігітке ғана айтылады) – Que tu sois heureux avec ton épouse! (cette formule est uniquement adressée au mari)* Жұптарың өмір бойы жазылмасын! – Que vous soyez ensemble toute la vie!... Құрған отауларыңның шаңырағы биік, керегісі берік болсын!	Tous mes vœux de bonheur à vous deux! <Екеуіңе бақыт тілеймін!>, Vivent les mariés! <Жас жұбайлар жасасын!>, Nos félicitations! Құттықтаймыз!
11	Нәрестені бесікке салар рәсімі кезінде айтылатын тілектер – Mise du bébé dans le berceau. La personne venue lors de l'exécution de cette coutume adresse à la grand-mère et à la mère:	Бесік бауы берік болсын! Traduction mot à mot: «Que les ceintures du berceau soient fortes, solides! Бесікке салар көбейсін! – Que le nombre des bébés augmentent!	-----
12	Нәрестелі болған анаға айтылатын тілектер – Voeux adressés à la jeune maman:	Бауы берік болсын! – Que le fil du nombril soit solide!	Toutes nos félicitations pour ce (beau) bébé! <Нәрестелі болуыңмен құттықтаймыз!>
13	Бір істі бастағалы жатқан адамға (мәселен, емтихан тапсырғалы жатқан адамға) – A la personne qui va entamer une affaire (passer un examen, par exemple)	Емтиханды жақсы тапсырыңыз! Que vous passiez bien vos examens! Емтиханды жақсы тапсыр! Que tu réussisses ton examen! Іске сәт! Bonne chance!	Bonne chance! (le destinataire ne répond pas «merci ») <Іске сәт! >, Succès dans tes (vos) affaires! <Ісіңе (ісіңізге) сәттілік тілеймін!>, Bon courage! <Қажырлылық тілеймін!>
14	Қой қырқып, мал сойып, сиыр сауып – Voeux adressés aux personnes qui tondent les moutons, qui égorge un animal et qui traient:	Қырқар көбейсін! – Que le nombre de moutons augmente! Сояр көбейсін! Que le nombre d'animaux à égorger augmente! Сауар көбейсін! Que le nombre d'animaux à traire augmente!	-----
15	Жолаушы адамға, жолға шыққалы жатқан адамға айтылатын тілектер – au voyageur:	Ақ жол! Жолың (-ыз) болсын! – Bon voyage!	Bon voyage! < Жолың (-ыз) болсын!>
16	Жаңа киім киген адамға айтылатын тілек – Quand on porte un nouveau vêtement:	Өзің киіп, өзің тоздыр! Игілігіне ки! Өзіңіңіз киіп, өзіңіз тоздырыңыз! Игілігіңізге киіңіз!	-----
17	Жаңа қонысқа көшіп жатқан адамға: – au moment du déménagement:	Көш көлікті болсын! – Bon déménagement!	-----
18	Жаңа үйге көшіп қоныстанған адамға айтылатын тілектер – aux personnes qui ont déménagé	Қоныс құтты болсын! - Que le nouveau logement apporte du bonheur!	-----
19	Ораза айт кезінде айтылатын тілектер – Pendant le ramadan:	Ораза қабыл болсын! Оразаң (-ыз) қабыл болсын!- Bon ramadan!	Bon ramadan! < Ораза қабыл болсын! >

№	Жағдаяттар/Situations de communication	Қазақ тілінде/En kazakh	Француз тілінде / En français
	1	2	3
20	Құрбан айт кезінде – pendant l'Aid – el – Kébir:	Құрбандық қабыл болсын! Құрбан қабыл болсын! – Que le sacrifice soit accepté!	-----
21	Егін жинау кезінде – Pendant la récolte:	Қырман толсын! – Bonne récolte! Bonne moisson!	Bonne récolte! Bonne moisson! <Қырман толсын!>, Bon courage pour la récolte! <Егін жинауға қажырлылық тілеймін!>
22	Жүзім жинау кезінде – pendant la vendange:	-----	Que la vendange soit abondante! <Жүзім мол болсын!> Bon courage pour la vendange! <Жүзім жинауға қажырлылық тілеймін!>
23	Балық аулауға бара жатқан немесе балық аулап отырған адамға айтылатын тілектер – à la personne qui va à la pêche ou qui est en train de pêcher:	-----	Bonne pêche! <Балық аулау сәтті болсын!>, Bon courage pour la pêche! <Балық аулауға қажырлылық тілеймін!>
24	Жасы кішілер жасы үлкендерге амандасқанда, келіндер қайын аталарына, қайын ағаларына сәлем бергенде, олар келінге, жасы кішілерге тілектер айтады: – Quand les moins âgés saluent les plus âgés, les belles – filles saluent leurs grands – pères, leurs beaux – frères, ces derniers disent:	Өмір жасың ұзақ болсын! – Que ta vie soit longue! Өркенің өссін! – Que tu t'épanouisses! Бақытты бол! – Sois heureux (-se)!...	-----

En français et en kazakh les vœux peuvent se formuler à l'aide:

1. d'un énoncé performatif: *Je te souhaite une agréable soirée. Мен сізге зор денсаулық тілеймін!*

2. d'une formule elliptique (Adjectif + substantif): *Bonne fin de journée ! Bon appétit ! Қайырлы кеш ! Қайырлы таң!*

3. d'un impératif (Impératif + adjectif (bien) + (nom) !): *Et passez de bonnes vacances!, Amusez-vous bien (éclatez –vous bien) ! Rentrez bien ! Repose-toi bien ! Rentre bien* (prononcé par l'hôte vers l'invité) ; il convient de noter que ces formes de formules *sont atténuées par «bien» et se rapprochent* des expressions qui se forment avec le subjonctif: *Que vous amusiez bien ! Que vous rentriez bien !*

4. Dans la langue française il y a des vœux qui ont la structure «à + nom de ce qui est souhaité»: *A ta santé, A tes souhaits.*

5. En français on peut aussi formuler un vœu à l'aide de la construction «j'espère que...»: *J'espère que vous allez passer un bon séjour à Paris!* Cet énoncé peut être considéré comme un vœu indirect.

6. Une autre construction spécifique à la langue française, c'est: Adjectif possessif + substantif: *Mes meilleurs vœux ! Mes félicitations!*

Il est à noter que ce sont surtout les constructions elliptiques qui s'avèrent les plus typiques dans la formulation des vœux en français. La majorité des vœux de la langue française, contiennent un élément constitutif «bon» ou «bien». Ces exemples pourraient illustrer, ce qui précède: *bonne continuation, bon voyage, bon courage, bonne fête, bonnes vacances, bon week-end, travaille bien, porte-toi bien, repose-toi bien, rentre bien, dors bien et ainsi de suite.*

Comme le souligne Catherine Kerbart – Orecchioni: “en France le rituel des vœux avec tous ces Bon-quelque chose: bonne fin de soirée, bon début de dimanche, bonne fin de dimanche, bonne fin de week – end... et ça n'arrête pas ! la liste de bon + quelque chose s'étend à l'infini. Des Bon-cesta, des Bon-cela varient bien sûr en fonction de la situation concrète” (Kerbrat-Orecchioni C., 2006:17).

Dans ces deux langues comparées il y a des ressemblances concernant la structuration de l'échange votif. L'échange votif est plus ou moins identique dans les deux langues. Dans la plupart

des cas, il s'agit d'un échange symétrique: on peut signaler ici les configurations suivantes:

1. soit on renvoie le même vœu: «Bon appétit! – Bon appétit!», « Bonne fête de Noël! – Vous de même! ».

2. soit, il s'agit d'un vœu «personnel», son destinataire répond par un remerciement: *Bonne continuation!* – *Merci!*. En kazakh: *Іске сәм!* – *Рах-мем!*

3. soit on renvoie un autre vœu, en l'associant souvent avec un remerciement: *Bon voyage!* – *Merci!* *Et passez de bonnes vacances!*.

Au vu des exemples précédents donnés dans le tableau ci – dessus, on admettra que les divergences culturelles dans le fonctionnement de l'échange de souhaits se ramènent aux cas de figure suivants:

Certaines formules de souhaits existent chez les Kazakhs, mais elles n'ont aucun équivalent chez les Français et vice versa.

- soit que la situation est inconnue soit chez les Kazakhs, soit chez les Français, il s'agit d'un événement culturel spécifique: Par exemple: Joyeux Noël ! ou les formules que les Kazakhs utilisent en relation avec le pèlerinage de la Mecque ou la mise du bébé dans le berceau, pendant la fête de Naourize, etc;

- soit que la situation existe chez les deux peuples, mais les formules employées ne sont pas les mêmes. P.ex: les vœux adressés à la personne, qui éternue, sont différents dans ces deux langues;

- – soit que la situation existe dans les deux sociétés, mais il n'y a pas de formules de vœux utilisées dans la situation en question dans l'une des sociétés. C'est le cas des vœux de la langue kazakhe: *Қырқар көбейсін!* – Que le nombre de moutons augmente ! *Сояр көбейсін!* **Que le nombre d'animaux à égorger augmente !** *Сауар көбейсін!* Que le nombre d'animaux à traire augmente !

Par contre lors de la recherche nous n'avons pas rencontré de vœux en kazakh adressés aux personnes faisant la vendange. Dans la langue française il y a des vœux utilisés pendant la vendange: Que la vendange soit abondante! <Жүзім мол болсын!> Bon courage pour la vendange! <Жүзім жинауға қажырлылық тілеймін!>

Dans de tels cas, l'étranger aura tendance à détourner de son emploi usuel une expression existante ou à faire un calque de son cru. Les différentes transplantations de certaines structures syntaxiques dans la langue cible produiront quelque effet malencontreux dans la société d'accueil.

Le français possède un vœu particulier de passer bien une épreuve. En français dans cette situation, l'échange est souvent tronqué: «*Bonne chance!* –

silence». Parfois le locuteur ne répond pas, parfois il dit: «*je te dis le mot de cinq lettres: «merde»*). En kazakh, dans une pareille situation, on adresse le vœu suivant: «*Passe (-ez) bien ton examen !*». Le destinataire répond: «*Merci*»

A notre avis, une grande différence entre les vœux du français et ceux du kazakh consiste dans le fait que les formulations des vœux de la langue kazakhe peuvent exprimer la gratitude (le remerciement, l'appréciation) selon la situation de communication. Par exemple, chez les Kazakhs pour remercier et apprécier un acte d'une personne, on peut lui adresser un vœu: Si un enfant cède sa place à une personne âgée, cette dernière lui adresse les vœux comme *Que Dieu te bénisse!* *Que tous tes rêves se réalisent!* *Sois heureux (se) ! et ainsi de suite...*

En outre les Kazakhs ne demandent pas directement où va la personne rencontrée. Pour demander implicitement, ils utilisent les vœux suivants: *Жолың (- ыз) болсын!* – Bon voyage ! Bonne route ! *Жол оң болсын!* – Que le voyage soit agréable !

Enfin, une autre différence entre kazakh et le français concerne *la bata* (bénédiction), production langagière complexe dont le noyau est composé par les vœux. *La bata* représente sans doute une spécificité nationale du comportement verbal des Kazakhs, par rapport aux Français.

Il existe plusieurs types de *bata* (bénédiction): 1) *la bata* (bénédiction) donnée par une personne âgée, par un maître à son élève. Par exemple, lorsque le maître estimait que son élève avait atteint son propre niveau, il cessait de lui dispenser son enseignement et lui donnait la *bata*. Et autrefois, avec la *bata*, les «aksakals» têtes blanches, bénissaient les nomades qui partaient avec des troupeaux de chevaux et de moutons vers les pâturages d'été, ainsi que leur retour aux campements d'hiver, ils bénissaient également les guerriers qui partaient combattre les ennemis, etc. 2) *la bata* (bénédiction) donnée aux hôtes après le repas offert ; on donne aussi la *bata* (la bénédiction) aux jeunes mariés, à la personne qui va partir en voyage, etc. 3) *teris bata* (malédiction).

Une autre différence entre le kazakh et le français concerne les toasts. En réalité, la tradition de porter un toast provient des Russes. Il est entré dans l'usage des Kazakhs. Selon les linguistes, le mot *toast* et la tradition de *toaster* est d'origine anglaise et le mot signifiait en anglais «dame à la santé de qui on boit», le nom de la dame, étant censé «parfumer la rasade comme un toast épicé trempé dans la boisson». Plus tard le mot signifie «action, fait de lever son verre

et de prononcer un discours par quoi l'on propose de boire en l'honneur de quelqu'un ou de quelque chose ». Par exemple, proposer de boire à la santé de quelqu'un, à l'accomplissement d'un vœu etc.

En France, on échange à table des formules routinisées: *A ta santé! – A la tienne!. À votre santé! – à la vôtre!*

Au Kazakhstan, c'est tout le contraire. Les toasts sont nombreux, surtout pendant les repas de fête. Il convient de souligner que les toasts combinent des compliments et des vœux. Dans certains cas, le toast peut associer un remerciement et un vœu.

Les divergences portent surtout sur le contenu sémantique des vœux. En kazakh, les vœux peuvent comporter, à la différence du français, l'évocation du nom de Dieu. Les différences se manifestent également au niveau morpho-syntaxique, et sont liées aux différences structurelles de deux langues comparées. Parce que le français est une langue aux tendances analytiques, alors que le kazakh se range parmi les langues synthétiques.

Ayant analysé les définitions de la notion «stéréotype» données par différents chercheurs de nationalité différente, on peut marquer que chaque personne possède l'expérience individuelle personnelle, la forme spéciale de la perception du monde environnant, à la base de la quelle se crée, dans sa tête, soi-disant «une image du monde», comprenant la partie objective (invariante) et l'estimation subjective de la réalité par l'individu. Le stéréotype est la partie intégrante de cette vision du monde.

Conclusion

Pour conclure, après l'analyse des définitions données par les savants de divers domaines de la sciences et l'analyse comparative des stéréotypes des Français et des Kazakhs, on peut dire que:

1) Chaque individu possède sa manière particulière de percevoir l'univers et l'expérience individuelle, en fonction desquels se forme 'l'image du monde qui englobe la partie objective et l'évaluation

subjective de l'univers. Le stéréotype est l'une des parties de cette image du monde;

2) Beaucoup de savants, étudiant la notion de stéréotype, soulignent que ce dernier est déterminé par la culture, c'est – à – dire les opinions, les perceptions sur le monde sont forgées par le milieu culturel de l'individu;

3) Les stéréotypes peuvent changer en fonction des situations historiques, internationales et politiques, ou d'autres facteurs influants;

4) Le stéréotype n'est pas seulement l'image mentale, il peut avoir aussi l'expression verbale, autrement dit, les stéréotypes peuvent exister au niveau de langue en tant que norme.

5) Le stéréotype est la pensée, la vision sur les comportements, caractères, les particularités des individus et des nations, ainsi que sur les événements, phénomènes, objets et situations, créées par l'influence du milieu culturel dans lequel vivent les personnes. Cette vision du monde se reflète en tant que l'image mentale et l'expression verbale.

6) Le trait principal des stéréotypes est leur détermination par la culture – les représentations de la personne sur le monde sont formées sous l'influence de l'entourage culturel, dans lequel il vit. Les stéréotypes sont partagés par la plupart des gens, mais ils peuvent varier en fonction de la conjoncture historique, internationale, ainsi que la situation politique intérieure de tel ou tel pays.

7) L'analyse comparative des énoncés stéréotypés de souhaits montre que les divergences culturelles dans le fonctionnement de l'échange de souhaits consistent dans le fait que certaines formules de souhaits existent chez les Kazakhs, mais elles n'ont aucun équivalent chez les Français et vice versa, ce qui est lié aux événements culturels spécifiques, à la différence des formules de vœux utilisées dans les situations de communication pareilles, aux modes de vie de deux peuples, ainsi qu'à leur fonction, par exemple les formulations des vœux de la langue kazakhe peuvent exprimer la gratitude (le remerciement, l'appréciation) selon la situation de communication.

Références

- 1 Goffman E. (2005) Les rites d'interaction. Paris, les Editions de Minuit, p 230.
- 2 Carroll R. (1987) Evidences invisibles. Paris, Seuil, p. 230.
- 3 Ferréol G., Jucquois G. (2004) Dictionnaire de l'altérité et des relations interculturelles. Paris, Armand Colin, p. 354.
- 4 Lippmann W. (2004), Public opinion / Traduit de l'anglais par T.V.Barshunova, rédacteurs de la traduction: K.A. Levinson, K.B.Petrenko/ Moscou, Institut du Fonds «Obshestvennoe mnenie», p.384.
- 5 Ruth A. (1991) Idées reçues. Sémiologie du stéréotype. Paris, Nathan, coll. «Le teste à l'oeuvre», p.140.
- 6 Krasnikh V. (2002) Ethnopsycholinguistika y linguokulturologiia: kurs lekisy. Moscou, ITDGK «Gnozis», p.284 [Ethnopsycholinguistique et culturologie linguistique: série de conférences]

- 7 Sadokhin A.P. (2004) Théoria y praktika mezhkulturnoy kommunikatsy. Moscou, Unity – Dana, p. 271 [La théorie et la pratique de la communication interculturelle]
- 8 Maslova V.A. (2001) Linguaculturologiya. Moscou, Academia, p.208 [Linguoculturologie]
- 9 Ruth A., Herschberg Pierrot A. (2005) Stéréotypes et clichés. Paris, Armand Colin, p.127.
- 10 Porcher L. (1995) Le français langue étrangère. Emergence et enseignement d'une discipline. Paris, Hachette Livre, p.105
- 11 Kerbrat – Orecchioni C. (2008), Les actes de langage dans le discours : Théories et fonctionnement, Paris, Armand Colin, p. 250.
- 12 Bakitov A. (2002) Comparaison des rituels communicatifs entre Suisses et Français, mémoire de diplôme, Université de Fribourg, Suisse, p. 31.
- 13 Denuelle S. (1999) Le savoir-vivre (guide des règles et des usages d'aujourd'hui), Paris, Larousse, p.125.
- 14 Schapira Ch. (1999) Les stéréotypes en français : proverbes et autres formules. – Editions Ophrys, p.172.
- 15 Fournier Phi Nga (2010) Le Stéréotype dans le lexique, Synergies, Pays riverains du Mékong n 1, pp.85- 99.
- 16 Bakitov A., Jumanova R. (2016) Guide de conversation kazakh-français, français-kazakh, Editions universitaires européennes, p.324.
- 17 Kerbrat-Orecchioni C. (2006) Les interactions verbales, Paris, Armand Colin, p. 309

Références bibliographiques

- 1 Bakitov A. (2002) Comparaison des rituels communicatifs entre Suisses et Français, mémoire de diplôme, Université de Fribourg, Suisse, p. 31.
- 2 Bakitov A., Jumanova R. (2016) Guide de conversation kazakh-français, français-kazakh, Editions universitaires européennes, p.324.
- 3 Carroll R. (1987) Evidences invisibles. Paris, Seuil, p. 230.
- 4 Denuelle S. (1999) Le savoir-vivre (guide des règles et des usages d'aujourd'hui), Paris, Larousse, p.125.
- 5 Ferréol G., Jucquois G. (2004) Dictionnaire de l'altérité et des relations interculturelles. Paris, Armand Colin, p. 354.
- 6 Fournier Phi Nga (2010) Le Stéréotype dans le lexique, Synergies, Pays riverains du Mékong n 1, pp.85- 99.
- 7 Goffman E. (2005) Les rites d'interaction. Paris, les Editions de Minuit, p 230.
- 8 Kerbrat – Orecchioni C. (2008), Les actes de langage dans le discours : Théories et fonctionnement, Paris, Armand Colin, p. 250.
- 9 Kerbrat-Orecchioni C. (2006) Les interactions verbales, Paris, Armand Colin, p. 309
- 10 Krasnikh V. (2002) Ethnopsycholinguistika y linguokulturologia: kurs lekcy. Moscou, ITDGG «Gnozis», p.284 [Ethnopsycholinguistique et culturologie linguistique: série de conférences]
- 11 Lippmann W. (2004), Public opinion /Traduit de l'anglais par T.V.Barshunova, rédacteurs de la traduction: K.A. Levinson, K.B.Petrenko/ Moscou, Institut du Fonds «Obshestvennoe mnenie», p.384.
- 12 Maslova V.A. (2001) Linguaculturologiya. Moscou, Academia, p.208 [Linguoculturologie]
- 13 Porcher L. (1995) Le français langue étrangère. Emergence et enseignement d'une discipline. Paris, Hachette Livre, p.105
- 14 Ruth A. (1991) Idées reçues. Sémiologie du stéréotype. Paris, Nathan, coll. «Le teste à l'oeuvre», p.140.
- 15 Ruth A., Herschberg Pierrot A. (2005) Stéréotypes et clichés. Paris, Armand Colin, p.127.
- 16 Sadokhin A.P. (2004) Théoria y praktika mezhkulturnoy kommunikatsy. Moscou, Unity – Dana, p. 271 [La théorie et la pratique de la communication interculturelle]
- 17 Schapira Ch. (1999) Les stéréotypes en français : proverbes et autres formules. – Editions Ophrys, p.172.

Smagulova Aigerim¹, Tussupova Alma²

¹Candidate of philological sciences, associate professor of «Diplomatic translations» of Department «International relations» of Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty, e-mail: aigerim_0715@mail.ru, tel.: +7 701 167 4373

²Candidate of philological sciences, associate professor of Chair of «World languages and international languages» of Department of «International Relations» Central Asian university, Kazakhstan, Almaty, e-mail: a.tussupova@mail.ru, tel.: +7 702 213 6332

SELECTION OF LEXICAL MATERIAL IN THE DEVELOPMENT OF THE TERMINOLOGY OF OIL AND GAS DICTIONARY

The modern level of development of science and technology is characterized by an enormous amount of information. Even a popular presentation of the latest scientific and technological achievements requires a modern man to have a fairly large amount of terminological vocabulary. Therefore, the study of individual subsections in terminology is being given more and more attention at present.

The oil industry is a rapidly developing the branch of the economy. Providing transportation with fuel is an urgent problem for many countries. Drilling is one of the most important branches of the oil and gas production industry, on the level of development of which oil extraction depends to a large extent, especially in hard-to-reach areas of the globe. In the latest achievements of Kazakhstan's oil and gas industry and the formation of appropriate infrastructure in the region, the successful development of the oil and gas resources of the Caspian Basin of Western Kazakhstan largely depends on the operational use of domestic and foreign achievements by scientists, engineers, economists, oil workers in such areas as well drilling, oil production, the construction of oil pipelines, etc.

Terminology as a special branch in the structure of terminology has applied not been fully formed to date. The subject of applied terminology is the comparison of individual terms and their collections related to a certain area of knowledge or activity. In addition, the dependence of the term on terminology and the thermo-system makes it possible to reveal regularities when comparing the content and formal structure of terms belonging to one national language, but belonging to different sets.

The basic principles of selection of lexical material and terminology of oil and gas industry is described in this article. In view of the proposed principles of selection was made a brief glossary of the minimum dictionary «Petroleum Engineering». The dictionary includes the terminological vocabulary and some lexical items related to general academic vocabulary.

Key words: Lexography, term, terminology, oil and gas industry and applied terminology

Смагулова Айгерим¹, Тусупова Алма²

¹филология ғылымдарының кандидаты, әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің халықаралық қатынастар факультеті дипломатиялық аударма кафедрасының доценті, Қазақстан, Алматы қ., е-mail: aigerim_0715@mail.ru, тел.: +7 701 167 4373

²филология ғылымдарының кандидаты, Орталық-Азия университетінің халықаралық қатынастар факультеті, «Әлем тілдер және халықаралық қатынастар» кафедрасының меңгерушісі, доцент, Қазақстан, Алматы қ., е-mail: a.tussupova@mail.ru, тел.: +7 702 213 6332

Мұнай және газ терминологиялық сөздігін жасау кезінде лексикалық материалды іріктеу

Қазіргі заманғы ғылым мен техниканың даму деңгейінің ауқымы кең. Тіпті танымал баяндау, ең жаңа ғылыми-техникалық жетістіктерді қазіргі заманғы адамның білім жеткілікті үлкен санын терминологиялық лексикасын талап етеді. Сондықтан зерделеу жекелеген бөлімшелерінің қазіргі уақытта терминологияға мәселесіне көбірек көңіл бөлінеді.

Мұнай өнеркәсібі – бұл қарқынды дамып келе жатқан экономиканың саласы. Көлік жанғышын қамтамасыз ету көптеген елдерде маңызды болып табылады. Бұрғылау – мұнай-газ өндіру өнеркәсібін бір маңызды саласы, даму деңгейін, оның айқындаушы дәрежесіне байланысты мұнай өндіру, әсіресе, жол қатынасы қиын аудандарда. Соңғы жетістіктердің аясында Қазақстанның мұнай-газ өнеркәсібінің қалыптасуы және тиісті инфрақұрылымды, өңірдегі табысты игеру мұнай және газ байлығын каспий маңызы Батыс Қазақстанның көбіне жедел пайдалану ғалымдар, инженерлер, экономистер, мұнайшылармен отандық және шетелдік жетістіктерді салаларда ұңғымаларды бұрғылау, мұнай өндеу, мұнай құбырларын салу және т. б.

Қолданбалы терминоведение ерекше саласы құрылымында терминоведения осы уақытқа дейін толық қалыптаспады. Қолданбалы терминоведения болып табылатын салыстыру жекелеген терминдер мен олардың шоғырларын, білімнің белгілі бір саласына жататын қызмет. Сонымен қатар, тәуелділік терминнің терминология, термосистемы анықтауға заңдылықтары салыстыруға кезінде мазмұндық және формальды құрылымын терминдер жататын бір ұлттық тілге емес, кіретін әр түрлі тілдер жиынтығы.

Осы мақалада мұнай-газ саласына байланысты лексикалық материалдардың терминологиялық сөздіктің негізгі қағидалар туралы айтылған. Ұсынылған қағидалардан «Мұнай-газ» лексика сөздік-минимумы есепке алынып, құрастырылды. Осы сөздікке жалпы ғылыми мұнай газ терминдерге қатысты терминологиялық лексика, сонымен қатар бірмәнді лексикалық бірліктер туралы қарастырылды.

Түйін сөздер: лексография, термин, терминология, мұнай-газ саласы және қолданбалы терминология.

Смагулова Айгерім¹, Тусупова Алма²

¹кандидат филологических наук, доцент кафедры дипломатического перевода факультета международных отношений Казахского национального университета имени аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы, e-mail: aigerim_0715@mail.ru, тел.: +7 7011674373

²кандидат филологических наук, заведующая кафедрой «Мировых языков и международных отношений» факультета Международных отношений, Казахстан, г. Алматы, e-mail: a.tussupova@mail.ru, тел.: +7 702 213 6332

Отбор лексического материала при составлении терминологического словаря по нефти и газу

Современный уровень развития науки и техники характеризуется колоссальным обилием информации. Даже популярное изложение новейших научно-технических достижений требует от современного человека знаний достаточно большого количества терминологической лексики. Поэтому изучению отдельных подразделов в терминологии уделяется все больше и больше внимания в настоящее время.

Нефтяная промышленность – это бурно развивающаяся отрасль экономики. Обеспечение транспорта горючим является насущной проблемой многих стран. Бурение – одна из наиболее важных отраслей нефтегазодобывающей промышленности, от уровня развития которой в определяющей степени зависит добыча нефти, особенно в труднодоступных районах земного шара. В свете последних достижений нефтегазовой промышленности Казахстана и формирования соответствующей инфраструктуры в регионе, успешное освоение нефтяных и газовых богатств Прикаспийской впадины Западного Казахстана во многом зависит от оперативного использования учеными, инженерами, экономистами, нефтяниками отечественных и зарубежных достижений в таких областях, как бурение скважин, нефтедобыча, строительство нефтепроводов и т.п.

Прикладное терминоведение как особая отрасль в структуре терминоведения до настоящего времени полностью не сформировалось. Предметом прикладного терминоведения является сопоставление отдельных терминов и их совокупностей, относящихся к определенной области знаний или деятельности. Кроме того, зависимость термина от терминологии, термосистемы позволяет выявлять закономерности при сопоставлении содержательной и формальной структуры терминов, относящихся к одному национальному языку, но входящие в разные совокупности.

В статье говорится об основных принципах отбора лексического материала терминологического словаря по нефтегазовой отрасли. С учётом предложенных принципов отбора был составлен краткий словарь-минимум по «Нефти и газу». В словарь вошла терминологическая лексика по нефти и газу, а также некоторые лексические единицы, относящиеся к общенаучной лексике.

Ключевые слова: лексография, термин, терминосистема, нефтегазовая отрасль и прикладное терминоведение.

Introduction

In connection with global changes in the economy of sovereign Kazakhstan, in particular with the successful development of the oil and gas sector in which international companies take an enormous part, in this area of communication, many new terms have appeared in the Kazakh language. This necessitated their ordering, classification, and therefore, careful research from a linguistic point of view.

The development of Kazakh branch terminology is characterized by the stage of standardization and normalization. To achieve optimal results, materials and dictionaries reflecting the current trends in languages are needed. At the same time, it should be noted that the special and technical terminology system in the Kazakh language is at the stage of formation and requires a scientifically based approach to the development of industry terminology. The problem of the formation of the Kazakh terminology system in the oil and gas sphere is of particular relevance in connection with the role and place of Kazakhstan in the world oil industry. As you know, oil occupies a leading place in the world fuel and energy economy, being the most important source of energy. The share of this raw material in the total consumption of energy resources is continuously growing. The oil and gas industry is connected with most of the interstate relations carried out with the involvement of translators. In addition, hundreds of thousands of people work in this sphere, providing legal, financial, marketing and many other services to the main production. Over the past years, significant and fundamentally important changes have taken place in the field of petro chemistry, oil production and refining, which has contributed to the expansion of the lexico – terminological material. Understanding the peculiarities of special vocabulary raises the quality of the entire service block, shortens the time to find the optimal solution in a dynamic market. The modern level of development of science and technology is characterized by an enormous amount of information. Even a popular presentation of the latest scientific and technological achievements requires a modern man to have a fairly large amount of terminological vocabulary. Therefore, more and more attention is paid to the study of individual subsections in terminology. (Лейчик В.М.,1998:258).

Modern lexicography has significantly expanded and strengthened with computer technologies for the creation and operation of dictionaries. Therefore, a new direction in linguistics – corpus lexicography – has been widely spread, which develops general

principles for constructing linguistic corpus of data using modern computer technologies.

Installation of the dictionary to ensure the success of communication, increasing the requirement for accuracy and completeness of the information contained in the dictionary articles on the possibility of using in various fields. Ideally, the dictionary should be an intermediary between theoretical linguistics and society. Successful realization of communicative goals in mastering the language presupposes the existence of such dictionaries that would allow the learner to determine not only the level of the desired communicative competence, but also the strategy of mastering the language, the volume of vocabulary.

For the effectiveness of language training in the preparation of polyglot specialists in universities, it is necessary in the body of any lexicographic source that the vocabulary should be interesting, cognitive, grammatically filled, connected with the culture and customs of peoples, as the surrounding world is displayed in the mirror of terminological dictionaries. (Алексеева Л.М..2000:150).

Modern society requires the improvement of vocabulary. At the present time, the lexical and statistical processing of the source and target lexical material is carried out using computer technology, namely by introducing computers and dictionary construction, improving vocabulary techniques, conducting compulsory sociolinguistic and psycholinguistic studies to correct data from dictionary files.

Applied terminology as a special branch in the structure of terminology has not been fully formed to date. The subject of applied terminology is the comparison of individual terms and their collections related to a certain area of knowledge or activity. In addition, the dependence of the term on terminology (terminology) makes it possible to reveal regularities when comparing the content and formal structure of terms related to one national language, but belonging to different sets. By definition, V.M. Leichik, in the applied terminology several subsections are identified. We list them: (Лорте Д.С..1994:47).

1) terms that are part of the same field of knowledge or activity or related to two or more national languages allow one to analyze in pairs the terms of the oil and gas industry of the Kazakh language in the same area with identical terms of the Azerbaijani or Turkmen languages.

2) terms and terminosystems of the same field of knowledge or activity with the difference of theories (concepts) underlying their analysis. Here there can be two cases of comparing two terminology systems

of the same region based on different theories in one national language, although theories related to understanding phenomena in this field are different. 3) terms and terminology of two (or more) areas of knowledge or activity. Identification of common terms of these areas, examples of inter-system borrowing of terms, as well as cases where the same terms receive different definitions of relevant concepts in related fields, which leads to the need to unify terms and concepts.

4) in the structure of applied terminology is allocated a large section of the problematic of interlanguage borrowing of terms. It is clear that this problem is beyond the scope of applied terminology, but some of the questions of this theory can be solved by analyzing terms in two or more national languages, for example: when is it appropriate to borrow a term? from which language? in what meaning? etc.

5) the structure of applied terminology includes the problems of the linguistic theory of translation, as far as this relates to the translation of terms in the texts of scientific and technical literature and documentation. This includes the classification of methods for translating terms and the dependence of these methods on the two national languages compared with terminology (Вролодина М.Н.1953:90-94).

The reason for carrying out lexicographic studies of oil and gas terms was the need to solve the problem in the training of specialists in the oil and gas industry. It is also important practical need of students, graduate students, applicants in the creation of an industry terminological dictionary that will improve the quality of relations between countries.

For the selection of lexical material in the terminological dictionary, a classification was compiled reflecting the main directions of the development of technology and technology of drilling wells for oil and gas, consisting of 22 names. On the basis of this classification, monographs and periodicals were selected by a selective method. The proposed dictionary contains terminology on the following topics: drilling, washing, fastening and cementing of oil and gas wells, development of oil and gas fields, oil production, petro chemistry, oil refining industry and design. Examples are given of drilling and operating equipment, exploitation of oil and gas wells, methods of increasing production, technological processes of injecting wells, transport and storage of oil and gas and other objects.

Mastering knowledge in the field of terminology presupposes knowledge and ability to use terms in professional activities. Terminological knowledge

is based on the assimilation of a certain volume and content of scientific concepts, as well as on the concept of the terminological system of the subject domain being studied, reflecting intersystem concepts and relationships. In other words, part of the scientific knowledge of the future oil specialist can be imagined as knowledge about the meanings of terms, their tendency to uniqueness and system. Objective opportunities for a strong mastery of the terminology of the professional sphere of activity of the future specialist in the oil industry in the conditions of higher profile education impose strict rules on the quantity and quality of lexical material. As a rule, the mastering of the entire terminological volume of a specialist begins with the study of the basic terms on the first course. Such a set of basic vocabulary will make up its terminological minimum. It represents the main stock of terminological vocabulary, which should provide the students with the opportunity to express their thoughts and understand the thoughts of others in oral and written speech, in particular, during the development of the content of the discipline «Oil and Gas Business».

For the selection of lexical material in the development of the terminology dictionary for oil and gas, the following principles were defined. These include: the principle of compliance with the goals and objectives of training; the principle of frequency; the principle of the word-forming value of the term; the principle of semantics; principle of brevity (Болдырев Н.Н..1999:62-69).

The principle of compliance with the goals and objectives of training. It finds its expression in the fact that in the process of studying the academic discipline «Oil and Gas Business», a certain terminological unit is selected and included in the minimum vocabulary. Terminological preparation begins with mastering terms for identifying the names of the composition of oil and gas, wells, methods of processing oil and petroleum products, ways of transporting oil, oil products and gas methods of storing and distributing oil products and gas.

The principle of frequency helps to identify the frequency of a word. By it we mean the use of the observed term. These include: oil, gas, well, drilling, kerosene, gasoline, fuel, oil and gas bearing field, oil products, rotor, turbo, drilling rig, cracking, deposit, slaughter, barrel, oil pipeline, bitumen, pump, etc.

1) The principle of prevalence gives an idea of the number of sources in which the term occurs at least once. This principle has limited measurement capabilities, since it indicates the regular occurrence of the word, and not its specific gravity in the set

of sources used. Therefore, for the selection of lexical material, its combined use is used in conjunction with the principle of frequency. The boundaries between actual terms of speech and the usual terms of the language are unsteady and mobile. Apparently, there are many transitional cases, steps in the movement from speech to language of the actual terminated phrase. The task is to find, find out some methodical procedures that would, first, isolate the wordy terms in speech, and second, distinguish the terms of speech from the terms that are included in the system of language. One of such possible procedures is the reproducibility, the frequency of the terminated phrase in the text. But there is a danger that such a procedure can not be successfully applied, since among the verbose terms many of those that are used rarely and catch in the text their repeatability is difficult. In this case, you can apply the experiment procedure in terms of syntax. Suppose that we are interested in whether the following combinations of words can be considered as different terms. (Федоров А.В.1953:157).

These phrases from the position of direct complement preserve the conceptual content and do not change the form; from the position of the subject, the phrase is an integral language unit with a stable conceptual meaning.

The foregoing allows us to conclude that the science of language is interested in the study of terms, terminology of certain industries

The principle of word formation is that differences in the structure of terms, determined by the word-formation system of each language, are analyzed. In particular, the possibility of a morphemic representation of terminological elements, which appear in the English, Kazakh and Russian languages in the form of words: *seat thickness* – қат қалындағы (мощность пласта), *nucleate boiling* – көпіршіктік қайнау (кипение пузырьковое), *oil field development* – кең орнын игеру (освоение месторождения), *rock hardness* – жыныс қаттылығы (твердость породы), *auxiliary equipment* – көмекші жабдық (оборудование вспомогательное).

At the lexical level, comparative analysis makes it possible to identify similarities and differences in the designation of the same object. So, in one of the languages there can be a term-word, in another – the term phrase: *directional drilling* – еңістене бағдарланған (направленное бурение), *directional drilling* – бұрғылау (направленное бурение), *vacuum evaporation* – вакуумдау (вакуумирование), *mineral resources* – жер қойнауы (недра), *geometry of formation* – жер қойнауының геоме-

триясы (геометрия залежи), *ground connection* – жерге қосу (заземление), *lifting capacity* – жүккөтергіштік (грузоподъемность), *heat exchange* – жылуалмасу (теплообмен), *outcrop* – жыныстың ашылымы (обнажение породы), *surfactant* – беттік активті зат (поверхностно активные вещества), *explosive* – жарылғыш зат (взрывчатое вещество), *contaminant* – зиянды зат (вредное вещество), *branch connection* – иелік(отвод), *waste – heat boiler* – кәделейіш қазандық (котел утилизатор), *nozzle* – келте құбыр (патрубок).

From the semantic level, taking into account both linguistic, and, in fact, terminological signs of lexical units, comparative analysis passes to the terminological level, which reveals the presence or absence of a term in one or another language. For example, the Russian term «process» corresponds to the German term «der Vorgang», in the Kazakh language there is no equivalent to this term.

The thematic principle ensures the selection of words-terms on separate sections or topics. In the terminological minimum of the discipline «Oil and gas business» the following thematic sections were defined: drilling, flushing, fixing and cementing of oil and gas wells, development of oil and gas fields, oil production, petro chemistry, oil refining industry and design. Examples are given of drilling and operating equipment, exploitation of oil and gas wells, methods of increasing production, technological processes of injecting wells, transport and storage of oil and gas and other objects. (Латышев Л.К.1981:247).

It consists in the fact that the selected terms should express the most important concepts on the topic with which the student meets in the process of studying the relevant subject area. The principle of brevity of the industry under consideration is a large number of terminological combinations consisting of two, three and four parts. The existence of a large number of terminological combinations in scientific and technical disciplines does not contradict the tendency of the language to create combinations for the expression of new simple or complex concepts. The lexical resources of any language are limited, while the technology is developing at a rapid pace, contributing to the creation of new equipment, and hence new terms. Hence, rapid growth and augmentation of terminological compatibilities is a natural and irreversible process. (Федоров А.В.1953:247).

The rate of brevity also requires that the designation fixes the minimum number of attributes necessary and sufficient for the identification and differ-

entiation of the designated object. And it turns out that compound terms do not in the least contradict this requirement. By the way, as noted above, in the oil and gas industry of the English and Kazakh languages, the two-word terminological combinations represent the largest number.

Principle of system. The norm of systemic character requires the designation of the correct designation of the named object in its place in the material system. In this respect, the terminological combination has the same properties and characteristics as the term whose system characteristics are regulated by logical-conceptual relations.

Taking into account the proposed selection principles, a brief minimum dictionary on «oil and gas» was compiled. The vocabulary included terminological vocabulary, as well as some single-valued lexical units related to general scientific vocabulary. They are used mainly in scientific and technical texts. The dictionary is 2000 lexical units. The sample of lexical units was made from 33 sources (Виноградов В.В.1947:17).

In conclusion, it can be noted that the indicated principles of selection of the terminological vocabulary of the discipline «Oil and gas business» and the proposed version of its organization in the form of an educational terminology dictionary – a minimum

allow intensifying at the first stages the process of professional training of future oil specialists and translators of special literature.

Conclusion

In conclusion, it should be emphasized that national and international factors interact in the field of technical composite terms. Using as a building material, mainly the national language, its internal potential, the range of word-building morphemes and word-combinations, the creators of terms act according to the language laws. Words and phrases that arise during the development of terminological systems, when moving from the sphere of a common language to a specific scientific or branch terminological domain, enter into specific relations regulated by logical-conceptual relations. Along with the appearance of terms in a certain language, in addition to linguistic, there are external, intralinguistic, factors, which include the appearance of internationalisms. The most important component in the emergence and formation of a certain terminology system in the field of terminology, along with a spontaneous beginning, the conscious efforts to unify terminology in the national, international and international scales are decisive

Литература

- 1 Лейчик В.М. (1998) К определению философских основ терминоведения. – М. – С. 258.
- 2 Алексеева Л.М. (1974) Терминопорождение как основа научного творчества // Терминоведение. – М.: Московский лицей, Русский филологический словарь. – С. 74.
- 3 Лотте Д.С. (1994) Упорядочение технической терминологии // История отечественного терминоведения. Классики терминоведения: Очерки и хрестоматия. – М. – С. 77.
- 4 Лотте Д.С. (1994) Техническая терминология // История качественной терминологии. классика терминологии: эссе и читатель. – М. – С. 47.
- 5 Болдырев Н.Н. (1999) Концептуальные структуры и лингвистическая ценность // Филология. Культура. Материалы международной конференции 12-14 мая. – Тамбов. – С. 62-69.
- 6 Antipov G.A., Donskikh O.A., Marcovina I.IJ. (1989) The text as a cultural phenomen Birsk p.87.
- 7 Алексеева Л.М. (1989) Научно-техническая информация и перевод. – М.: Высшая школа. – С. 270.
- 8 Латышев Л.К. (1981) Курсы перевода (эквивалентность перевода и способы его достижения). – М. – С. 247.
- 9 Федоров А.В. (1953) Введение в теорию перевода языковых проблем. – М. – С. 6-247.
- 10 Yarcewa V.N. (1977) Scientific and technological revolution and the development of language. – М. – P. 28-36.
- 11 Akhmanova O.S. (1974) Theory of word formation and the problem of learning in. Nauka. – №5. – P. 36-47.
- 12 Kaufman S.I. (1960) Some peculiarities of the style of American technical literature. – М. – Pp. 30-97.
- 13 Виноградов В.В. (1987) Русский язык М., p.17
- 14 Техника технического перевода. – М. – С. 29-204.
- 15 Федоров А.В. (1953) Введение в теорию перевода языковых проблем. – М. – P. 6-157.

References

- 1 Akhmanova O.S. (1974) Teoriya slovoobrazovaniya i problema obucheniya M.- №5s. 36-47
- 2 Alekseeva L.M. (2000) Teplovoe pokolenie kak osnova nauchnogo tvorchestva // Terminology.— М.: Moscow Lyceum, Russkij filologicheskij slovar'.
- 3 Alekseeva V.A. (1989) Nauchno-tekhnicheskaya informaciya i perevod -M. Vysshaya shkola 270 stranica

- 4 Antipov G.A., Donskikh O.A., Marcovina I.I.J. (1989) Tekst kak kul'turnyj fenomen Birska
- 5 Boldyrev N.N.(1999) Konceptual'nye struktury i lingvisticheskaya cennost' // Filologiya Kul'tura. Materialy mezhdunarodnoj konferencii 12-14 maya Tambov, 1999 stranica .62-69
- 6 Fedorov A.V. (1953) Vvedenie v teoriyu perevoda yazykovyh problem M., .6 stranica-247
- 7 Fedorov A.V. (1953) Vvedenie v teoriyu perevoda lingvisticheskikh zadach M., .6-1 stranica57
- 8 Kaufman S.I. (1960) Some peculiarities of the style of American technical literature M stranica30-97
- 9 Latyshev L.K. (1981)- Kurs perevoda (ehkvivalentnost' perevoda i sposoby ego dostizheniya)M., 247 stranica
- 10 Leichik V.M (1998). K opredeleniyu filosofskih osnov terminovedeniya. — M., — 258 stranica
- 11 Lotte D.S (1994) Uporyadochenie tekhnicheskoy terminologii // Istoriya otechestvennogo terminovedeniya. Klassiki terminovedeniya: Ocherki hrestomatiya. -M., stranica-66
- 12 Lotte D.S(1994). Uporyadochenie tekhnicheskoy terminologii // Istoriya russskoj terminologii. Klassika terminologii: ehssse i chitatel'. — M., — stranica.77.
- 13 Vinogradov V.V. (1987) Russkij yazyk M., s.17
- 14 Retsker YA.I. Tekhnika tekhnicheskogo perevoda Moskva, stranica29-204
- 15 Yarceva V.N. (1977) Nauchno-tekhnicheskaya revolyuciya i razvitie yazyka // stranica 28-36

МАЗМҰНЫ – СОДЕРЖАНИЕ

1-бөлім Қазіргі кездегі халықаралық қатынастар және сыртқы саясат мәселелері	Раздел 1 Современные проблемы внешней политики и международных отношений
<i>Мовкебаева Г.А., Айдарханова Э., Сунгатова А.</i> Энергетический фактор в сотрудничестве стран ЕАЭС: проблемы и перспективы 4	
<i>Губайдуллина М.</i> Внешнеполитическая деятельность и дипломатия в условиях транспарентности информационного пространства 14	
<i>Әліпбаев А.Р., Бөжеева Б.З.</i> Лаңкестік: әлеуметтік-саяси астары 23	
<i>Balaubayeva B., Idrysheva Zh.</i> Mass culture in Japan in the context of globalization..... 31	
<i>Миралиева А.Ж.</i> Формирование и реализация политики международного научно-технического сотрудничества Республики Казахстан 40	
2-бөлім Халықаралық және мемлекетішілік құқық мәселелері	Раздел 2 Вопросы международного и внутригосударственного права
<i>Vong Un-Bor</i> Human rights, state sovereignty and interference: the basic conception under treaty law system..... 50	
<i>Самалдыков М.</i> Лишение гражданства казахстана и безопасность, проблемы правового характера 58	
<i>Айдарбаев С.Ж., Базенов А., Даркенбаев А., Удербаета Б.</i> Право человека на «хорошее управление»: понятие и нормативное содержание..... 68	
<i>Nyssanbekova L., Sairambaeva Zh.</i> Definition and grounds of the international legal personality of individuals as a significant and com-plex phenomenon in international law 78	
3-бөлім Білім беру мәселелері	Раздел 3 Вопросы образования
<i>Елемесов Р., Оңдаш А.О.</i> О значении курса методологии науки в послевузовском образовании..... 88	
<i>Seidikenova A., Bakitov A.</i> Le stereotype comme la manifestation des particularites culturelles стереотип как проявление культурных особенности ... 95	
<i>Smagulova A., Tussupova A.</i> Selection of lexical material in the development of the terminology of oil and gas dictionary 107	

CONTENTS

Section 1 Contemporary problems of foreign policy and international relations

<i>Movkebayeva G., Aidarkhanova E., Sungatova A.</i> Energy factor in the cooperation of the eaeu: problems and perspectives.....	4
<i>Gubaidullina M.</i> Foreign activities and diplomacy in the modern conditions of transparency information space.....	14
<i>Alipbayev A., Byuzheyeva B.</i> Terrorism: socio-political aspects	23
<i>Balaubayeva B., Idrysheva Zh.</i> Mass culture in Japan in the context of globalization.....	31
<i>Miraliyeva A.</i> Formation and implementation of the policy of international scientific and technical cooperation of the Republic of Kazakhstan	40

Section 2 Issues of international and domestic law

<i>Vong Un-Bor</i> Human rights, state sovereignty and interference: the basic conception under treaty law system.....	50
<i>Samaldykov M.</i> Deprivation of Kazakhstan citizenship and security, legal problems	58
<i>Aidarbayev S., Bazenov A., Darkenbayev A., Uderbayeva B.</i> The human right to «good governance»: concept and the normative content	68
<i>Nyissanbekova L., Sairambaeva Zh.</i> Definition and grounds of the international legal personality of individuals as a significant and com-plex phenomenon n international law.....	78

Section 6 Education issues

<i>Elemesov R., Ongdash A.O.</i> The significance of the methodology of science courses in postgraduate education.....	88
<i>Seidikenova A., Bakitov A.</i> Le stereotype comme la manifestation des particularites culturelles.....	95
<i>Smagulova A., Tussupova A.</i> Selection of lexical material in the development of the terminology of oil and gas dictionary	107

УСПЕЙТЕ ПОДПИСАТЬСЯ НА СВОЙ ЖУРНАЛ

АКЦИЯ!!!

**Каждому подписчику
ПУБЛИКАЦИЯ СТАТЬИ
БЕСПЛАТНО!!!**

- Акция действительна при наличии квитанции об оплате годовой подписки.
- Статья должна соответствовать требованиям размещения публикации в журнале.
- Статья печатается в той серии журнала, на которую подписался автор.
- Все нюансы, связанные с публикацией статьи, обсуждаются с ответственным секретарем журнала.

Издательский дом
«Қазақ университеті»
г. Алматы,
пр. аль-Фараби, 71
8 (727) 377 34 11, 221 14 65

АО «КАЗПОЧТА»
г. Алматы,
ул. Богенбай батыра, 134
8 (727 2) 61 61 12

ТОО «Евразия пресс»
г. Алматы,
ул. Жибек Жолы, 6/2
8 (727) 382 25 11

ТОО «Эврика-пресс»
г. Алматы,
ул. Кожамкулова, 124, оф. 47
8 (727) 233 76 19, 233 78 50